

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXIV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXIV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва   1949   Ленинград

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корреспондент АН СССР *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редакционной коллегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, Б. Н. Граков,
С. В. Киселев, А. Л. Монгайт

I. СООБЩЕНИЯ

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИИМК АН СССР И ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭРМИТАЖА, ПОСВЯЩЕННАЯ АРХЕОЛОГИИ ЗАКАВКАЗЬЯ

(Составлено В. А. Миханковой по материалам сессии)

В Ленинграде 28 января — 1 февраля 1948 г. состоялась созванная ИИМК АН СССР и Государственным Эрмитажем научная сессия, посвященная археологии Закавказья. В работах сессии приняли участие научные работники Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Баку, Еревана, Сухуми, Краснодара, Поти, Дзауджикау. Сессия имела 5 пленарных и 8 секционных заседаний, на которых было сделано 37 докладов.

Сессию открыл директор ИИМК АН СССР член-корр. АН СССР А. Д. Удальцов. Со вступительным словом выступил акад. И. А. Орбели. Приветствовав прибывших на сессию археологов Закавказья и Северного Кавказа, академик И. А. Орбели отметил, что первая сессия, посвященная археологии Закавказья, собралась в городе, в котором трудами академиков Н. Я. Марра и И. А. Джавахишвили были заложены основы подлинно научного кавказоведения, выросшего и окрепшего за годы советской власти. Сессия происходит в период, когда после известного постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» вопросы идеологии приобрели особо важное значение и когда борьба на идеологическом фронте стала чрезвычайно ожесточенной. Попыткам капиталистического мира затормозить развитие демократических стран и ослабить их идейную стойкость ученые Советского Союза должны противопоставить борьбу за чистоту марксистско-ленинской идеологии, за рост советской науки. Настоящая сессия является свидетельством того, что советские археологи, изучающие древнейшую историю народов Закавказья, воодушевлены одной целью: совместными усилиями поднять советское кавказоведение на высоту тех задач, которые поставил перед советской наукой товарищ Сталин.

ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНАРНЫХ ЗАСЕДАНИЯХ СЕССИИ

Б. Б. Пиотровский (Ленинград, Ереван) — «Основные итоги и проблемы археологического изучения Закавказья».

Дав краткий обзор археологических работ конца XIX — начала XX в., докладчик указывает, что лишь после установления в Закавказье советской власти началось планомерное изучение истории народов Закавказья, одним из основных источников которого для древних периодов являются археологические материалы. В этой работе научные учреждения Закавказья, а также Ленинграда и Москвы, достигли больших успехов. Углубленное изучение отдельных районов Закавказья (например, Триалети,

Ханлар) и памятников, содержащих разновременный материал (например, Самтавро, Мингечаур), дало основу для установления стратиграфии археологических памятников и для периодизации древнейших этапов истории Закавказья, датировка которых уточняется исследованием памятников, связанных с Ванским царством (Кармир-Блур). Значение древнейшей культуры Закавказья для истории Древнего мира очень четко выступает при ее изучении во взаимосвязи с Северным Кавказом, особенно же с Древним Востоком, оказавшим существенное влияние на развитие культуры Кавказа. Советская археологическая наука в области изучения древнейшей истории Закавказья определила непрерывную линию развития культуры, начиная с эпохи каменного века.

Изучение культуры медного века вскрыло истоки культуры эпохи бронзы, отчетливо показало особенности развития Закавказья в начале I тысячелетия до н. э., его взаимоотношения с государствами Древнего Востока и с кочевыми племенами Северного Кавказа, со скифами.

Археологическая наука теперь вплотную подошла к проблеме происхождения народов Закавказья, решение которой чрезвычайно важно для истории народов СССР.

Доклад Б. Б. Пиотровского был издан во время работ Сессии отдельной брошюрой.¹

И. М. Джафар-Заде (Баку) — «Археологические работы в Азербайджанской ССР».

На территории Азербайджанской ССР сохранилось большое количество вещественных остатков прошлого. Эти памятники давно уже привлекали внимание путешественников и исследователей, но, несмотря на ряд ценных работ второй половины XIX и начала XX в., исследования эти велись разрозненно, силами отдельных специалистов, интересовавшихся преимущественно эпохой поздней бронзы. Памятники, например, каменного века ими совершенно не изучались, вследствие чего создалось ошибочное мнение, что Азербайджан вовсе не знал этого периода. Систематические археологические работы в Азербайджане начались только при советской власти. В самом процессе работы воспитались и кадры археологов Азербайджана. Ими, совместно с работниками Москвы и Ленинграда, были проведены большие работы и собран обильный материал по истории Азербайджана, осветивший и неизвестные доселе древнейшие ее периоды. Докладчик дает краткую характеристику результатов важнейших археологических экспедиций (Ходжалы, Кызыл-Ванк, Ялойлу-Тапа, Мильская степь, Кабалы, Кала-кенд, Хачбулаг, Ханлар, Кедабек, Мингечаур, Степанакерт, Бакинская бухта, Старая Гянджа, Баку и др.). Они характеризуют отдельные периоды истории Азербайджана с древнейших времен до XVIII в. включительно. В итоге этих работ выяснены районы распространения основных типов древних культур на территории Азербайджанской ССР. Докладчик указывает отличительные черты Ходжалы-Кедабекской, Кызыл-ванкской, Ялойлу-тапинской культур и культуры кувшинных погребений, особенно хорошо выявленной раскопками в зоне строительства Мингечаурской ГЭС. Основным достижением археологических работ в Азербайджане является освещение доселе мало известных науке периодов древнейшей истории Азербайджанской ССР.

А. Н. Каландадзе (Тбилиси) — «Периодизация памятников Самтавро».

Археологические раскопки на Самтаврском могильнике, находящемся в 22 км к северо-западу от Тбилиси, начались еще в 70-х годах прошлого

¹ Б. Б. Пиотровский. Основные итоги и проблемы археологического изучения Закавказья. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1948.

века. По поручению и на средства Кавказского археологического комитета в 1871—1885 гг. здесь работал Фр. Байерн, раскопавший более 600 погребений, но к планомерному изучению этого исключительного по своей значимости могильника было приступлено только в годы советской власти. В 1938 г. начала свою деятельность Мцхетская археологическая экспедиция под руководством ныне покойных академиков И. А. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа.

В 1938—1941 гг. и в 1946—1947 гг. Самтаврским отрядом экспедиции была раскопана площадь могильника более 1,5 га, на которой было обнаружено 1767 погребений, относящихся к различным периодам.

Типологическая и хронологическая классификация могил Самтаврского некрополя представляется следующим образом:

а) Погребения курганного типа эпохи средней бронзы, датируемые приблизительно XV—XIV вв. до н. э. (особенно показательна могила с бронзовой рапирой).

б) Грунтовые могилы эпохи поздней бронзы и раннего железа — XIII—V вв. до н. э. (характерной чертой являются скорченность и сидячее положение костяков с бронзовыми мечами, кинжалами, украшениями и посудой восточно-закавказской культуры, а также со скифским оружием).

в) Кувшинные погребения — позднеэллинистического времени (II—I вв. до н. э.). Для них характерна скорченность погребенных в кувшинах и большое разнообразие керамических изделий. Доминируют бронзовые браслеты на руках и ногах, железное оружие и различные бусы.

г) Черепичные погребения — I в. до н. э. и I—III вв. н. э.

д) Кирпичные погребения — I—III вв. н. э.

е) Каменные ящики — I—VIII вв. н. э.

ж) Глиняные гробы-саркофаги — IV—VI вв. н. э.

Таким образом, Самтаврский могильник дает твердую рабочую шкалу памятников Закавказья, охватывающих огромный отрезок времени (от второй половины II тысячелетия до н. э. до эпохи раннего средневековья). Самтаврский материал характеризует три различные ступени общественно-экономического развития древней Грузии: а) эпоху разложения патриархальной семьи, б) период образования и расцвета рабовладельческого общества и в) период зарождения феодальных отношений на территории Восточной Грузии (древней Иберии).

Результаты предварительного изучения Самтаврского некрополя позволяют осветить ранние этапы истории древней Грузии и установить взаимосвязь элементов ее культуры с культурой народов древневосточного мира (хеттами, субарами, урартами и др.).

С. М. К а з и е в (Баку) — «Раскопки Мингечаура».

Мингечаур — крупнейший узел водных и караванных путей на среднем течении Куры. Археологические памятники Мингечаура привлекали внимание еще в XIX в., но планомерное исследование их было начато лишь в 1935 г. и приняло особо широкий размах в послевоенные годы в связи с крупными строительными работами. В настоящее время раскопками вскрыто более 650 погребений, которые С. М. Казиев подразделяет на восемь типов, гончарные мастерские, средневековые поселения и т. д. Раскопки дали разнообразный материал, позволяющий сделать следующие выводы:

1. Район Мингечаура был заселен с древнейших времен и к началу I тысячелетия до н. э. здесь уже бытовала высоко развитая культура (Ходжалы-Кедабекского типа). Судя по находкам инвентаря население находилось на стадии перехода от кочевого к оседлому быту с преобладанием оседлых элементов.

2. В VII—V вв. до н. э. в Мингечауре известно большое количество железных изделий, главным образом оружия. В грунтовых погребениях этого времени найдены каменные сосуды, инкрустированные серебром, медные и железные кинжалы, наконечники копий, а также стрелы скифского типа.

3. От IV—III вв. до н. э. сохранилась посуда и оружие эллинистического типа. Оружие почти всегда железное; бронза встречается лишь в украшениях и наконечниках стрел. Керамика сохраняет тип керамики предыдущих этапов.

4. К первым векам до н. э. относится так называемая культура кувшинных погребений. Находимые в некоторых кувшинах кости крупного и мелкого рогатого скота, плоды грецкого ореха, семена граната и других фруктовых деревьев свидетельствуют о том, что население занималось животноводством и садоводством. Бронза встречается лишь в предметах культового характера, бытовые предметы сделаны из железа.

5. На левом берегу Куры обнаружена культура I—III вв. н. э., характерная наличием больших кувшинов, в некоторых из них найдено зерно. Стекланные сосуды и характер керамики говорят за оседлость и занятие земледелием.

6. Культура III—VI вв. представлена довольно бедным погребальным инвентарем.

Работы на Мингечауре еще далеки до завершения, но и в настоящее время они дали исключительно ценный материал, освещающий последовательно сменяющиеся этапы культуры, начиная от эпохи бронзы и до раннего средневековья. Богато представлена Ходжалы-Кедабекская культура; получен материал и времени существования Мидийского царства (бронзовые мечи с раструбом и др.); особое внимание привлекают памятники скифской культуры (бронзовые наконечники стрел всех типов, бронзовые зеркала, украшения, обряд погребения с конем и т. д.). Материалы из Мингечаура проливают новый и яркий свет на древнейшую историю Азербайджана, на генезис его культуры.

К. Г. Кафадарян (Ереван) — «Раскопки города Двина».

Город Двин известен, по свидетельствам армянских историков, со времен аршакидских царей. Раскопками 1937 г. в Двине были обнаружены развалины однефного базиличного храма (типа храмов конца IV — начала V в.), причем храм этот был построен вне крепостных стен на территории самого города. Вне крепости же раскопками 1947 г. был открыт кафедральный собор типа Текорского и Ереруйского храмов V в. По свидетельству Хоренского, на Двинском холме Хосров Котак воздвиг дворец, но раскопками установлено, что холм был заселен и ранее; были найдены вещи даже энеолитической культуры. При Багратидах и при арабском владычестве Двин стал большим торговым и ремесленным городом. Он не раз восстанавливался после землетрясений и окончательно был разрушен нашествием тюрок-татар. Уже к XV в. город пришел в полный упадок и в центре города, где ранее был дворец и палаты католикоса, появилось кладбище для жителей селений, возникших на территории бывшего города.

Само местонахождение Двина долгое время оставалось невыясненным, развалины Двина многими исследователями принимались за развалины Арташата. После разведочных раскопок Н. Я. Марра в 1899 г. и раскопок Хачика в 1907 г. исследований на территории Двина не производилось и лишь с 1937 г. начались систематические раскопки, прерванные войной и возобновленные в 1946 г. За годы раскопок были вскрыты: кафедральный собор, надпись которого удостоверяет, что это был собор св. Григория в г. Двине, палаты католикоса, жилища у подошвы склона

холма, большое дворцового типа здание X—XI вв., перестроенное в конце XII — начале XIII вв. и мн. др. Палаты католикоса расположены на территории могильника с кувшинными погребениями; такие же погребения, открытые и под зданием собора, свидетельствуют, что жизнь в городе была задолго до конца IV — начала V вв. Археологические находки в Двине исключительно многочисленны и разнообразны. Орудия труда, оружие, керамика, стекло, предметы украшений, а также обнаруженные раскопками здания дают яркую картину жизни города за длинный ряд веков.

Член-корр. АН СССР К. В. Тревер (Ленинград) — «Гарнийская крепость».

Познакомив со свидетельствами древних авторов о Гарни, К. В. Тревер напоминает историю изучения Гарни, особенно его храма, который относился исследователями к различным периодам истории Армении с III в. до н. э. до IV в. н. э. Проанализировав формы и декорровку храма, сопоставив их с однородными храмами Малой Азии, Сирии и Рима и обосновав свою датировку историческими данными, К. В. Тревер определяет, что наиболее вероятным временем сооружения храма были 115—117 гг., когда Армения была провинцией Рима. Однако назначение храма как святилища для культовой статуи императора не является неизбежной предпосылкой его «римского» характера; рядом соображений К. В. Тревер аргументирует мысль, что храм в Гарни — памятник эллинистической культуры на Востоке, аналогичный храмам этого типа в Малой Азии и Сирии. Он построен местными мастерами и на месте, издревле считавшемся священным. Храм этот воспринял формы, родственные строительным формам древней Армении. Путем филологического анализа греческой надписи, найденной в 1945 г. в Гарни, подкрепленного историческими свидетельствами, К. В. Тревер устанавливает, что надпись была высечена при Трдате I в 77 г. Надпись была помещена на крепостной стене, в сооружении которой принимали участие граждане Гарни, выкупая отдельные участки стены, за что получали право на внесение своих имен в заранее заготовленный текст надписи. Палеографические особенности гарнийской надписи подтверждают мысль, что имя участника построения стены, так же, как и имя свидетеля, высечены позже основного текста надписи.

Академик И. А. Орбели. «Рельефы Ахтамара и архитектурное убранство армянских дворцов».

Ахтамарский храм X в., ошибочно называемый некоторыми путешественниками и исследователями монастырем, в литературе известен давно. О построении храма рассказывает армянский историк Фома Арцруни; сведения о построении и истории храма сохранил и Ахтамарский синодик, в значительной степени совпадающий с рассказом Фомы Арцруни. Царь Васпуракана Гагик Арцруни, строитель Ахтамарского храма, за несколько лет до построения храма воздвиг на острове Ахтамаре замок и дворец, также известный по описанию Фомы Арцруни, отмечающего, между прочим, отражение солнечных лучей в многочисленных окнах дворца, видимому застекленных. Фома Арцруни описывает дворец, его колоннаду, галереи, убранство внутренних помещений и т. д. Дворец, как и другие дворцы этого времени в Армении и Грузии, не сохранился, и единственным современным ему архитектурным памятником, могущим дать представление о дворце, является Ахтамарский храм. Храм богато украшен рельефами, покрывающими его стены и барабан купола. По сюжету рельефы разнообразны — библейские и житийные сцены, изображения отдельных человеческих голов и голов животных, растительный орнамент (виноградные лозы, деревья, гранаты), звериный гон и т. д. Рельефы разнообразны и по технике выполнения, изучение которой приводит к мысли, что мастера были более умелы в изображении сюжетов светского характера, чем

церковного, и что они были более привычны к резьбе по дереву, чем по камню, поскольку перенесли на резьбу по камню те приемы, которые были обусловлены работой на дереве. Наиболее отчетливо выступает эта особенность, когда тематика изображения была необычна для мастеров, не входила в круг изображений, украшавших светские помещения. Если сопоставить это наблюдение с описанием убранства дворца у Фомы Арцруни, то окажется, что описание его соответствует той части декорировки храма, которая не связана с библейскими сюжетами. Наличие на храме рельефов с сюжетами неканонического характера (некоторых зверей, которым не приличествовало бы находиться на христианской церкви) находит свое объяснение в том, что это был дворцовый храм, убранство которого в большей мере определялось вкусом возведшего его царя, чем правилами церкви. Помимо значения рельефов храма для понимания характера убранства дворцов X в., они дают представление о богатстве деревянной скульптуры в армянском средневековье и побуждают историков культуры Закавказья направить свои изыскания в эту малоизученную область.

А. И. Джавахишвили (Тбилиси) посвятил свой доклад ознакомлению с предметами ювелирного мастерства из гробниц грузинских пифиахшей в Армази (I—IV вв. н. э.). Гробницы, содержащие золотые и серебряные изделия, часто хорошо датируются римскими монетами нашей эры. Некоторые изделия, особенно серебряные, носят ярко выраженный римский характер, но техника изготовления многих из них очень своеобразна. Поражает частое сочетание золота с драгоценными камнями, иногда с геммами, снабженными портретами правителей и даже надписями. Ювелирные вещи обычно украшались мелкой зернью. Широко применялись также гранаты, красные и зеленые камни, сложные переплетения золотых колечек. Особенно интересны две серебряные чаши с рельефными, почти скульптурными фигурами в центре, выкованными из нескольких пластин, соединенных горячим способом; серебряное блюдо (погребение № 3) с графически выполненным узором; золотая коробочка с красной головой тура из аметиста и флакончиком, подвешенным внизу на цепочке (погребение № 7); фигурка кабанчика из тонкой золотой пластинки с агатовыми глазами и бронзовыми клыками (погребение № 6); браслет из мелких золотых колечек (погребение № 2). Докладчик на основе хорошо датированных ювелирных вещей делает вывод, что развитие техники золотых изделий Армази шло в сторону усиления живописных начал.

Член-корр. АН СССР Ш. Я. Амиранашвили (Тбилиси) посвятил свой доклад доселе неизвестному грузинскому мастеру XII в. Теодоре. Докладчик продемонстрировал фресковые росписи, характеризующие творчество этого мастера и его современников.

А. А. Иессен (Ленинград) — «Основные итоги и проблемы археологического изучения Северного Кавказа».

Дореволюционное археологическое изучение Северного Кавказа характеризовалось бессистемным накоплением материалов. Работы советских археологов не только обогатили кавказоведение новыми данными, но и обеспечили возможность классификации всего наличного материала по территориально-хронологическим группам или археологическим культурам.

Одновременно с этим с большей очевидностью выявились пробелы в наших знаниях древней истории Северного Кавказа и наметились проблемы, ждущие еще своего разрешения. К таким проблемам в первую очередь относятся вопросы, связанные с изучением древнейшего этапа истории Северного Кавказа эпохи палеолита и неолита.

Крупнейшим достижением советской археологии является установление в центральной части Северного Кавказа памятников переходного периода

от камня к металлу (Агубековское поселение и Нальчикский курган) — 1-я стадия местной истории.

Не менее важным результатом было установление прямой связи наиболее ранних больших Кубанских курганов (2-я стадия) (Майкоп-Костромская, Новосвободная и др.) с первым бытовым памятником эпохи ранней бронзы, открытым и исследованным в Кабарде (Долинское поселение).

Таким образом, одиночество блестящего Майкопского комплекса перестает быть загадкой кавказской археологии.

Следующий этап той же 2-й стадии (середина и вторая половина II тысячелетия до н. э.) хорошо прослеживается по многочисленным погребениям, впервые выявленным в курганах Средне-Кубанской группы, но позднее прослеженным до Северо-Восточного Кавказа. Типичны для этой культуры будут сосуды и курильницы, украшенные шнуровым орнаментом, кремневые наконечники стрел, каменные песты и терочник и бронзовые кинжальчики и украшения.

Во второй половине II тысячелетия до н. э. в горно-центральной части Северного Кавказа, в западной Осетии и частично в Кабарде возникает своеобразная и богатая культура, характерная и для высокогорных районов Западной Грузии (Рача, Сачхери). Эта культура отличается обилием бронзовых предметов и высоким мастерством их изготовления. Несомненно, степень развития этой культуры находилась в строгом соответствии с растущими возможностями использования местных меднорудных ископаемых.

3-я стадия местной истории характеризуется бронзой Кобанско-Колхидской культуры, распространенной в I тысячелетии до н. э. как на Северном Кавказе, так и в западном Закавказье.

Это время блестящего расцвета бронзы и первого появления железа, время наиболее тесного общения различных племенных групп между собою и с внешним миром.

В горных районах Северо-Восточного Кавказа (Дагестан) в это время господствовала резко отличная от Кобанской «Каякентско-Хорочоевская» культура, выявленная только в последние годы. Тогда же были установлены и связи этой культуры с культурами Закавказья (Кедабеко-Ходжалинская).

В верховьях Кубани в это время бытовал другой культурный очаг, также отличный от Кобанской культуры, опирающийся на более старые традиции местной культуры эпохи бронзы.

Дальнейшее изучение памятников Северного Кавказа должно вестись под знаком установления особенностей той или иной группы памятников, их датировок, а также выявления древних связей носителей этих культур между собою и с передовыми народами древнего культурного мира.

Е. И. Крупнов (Москва) — «Археологические памятники Северной Осетии докобанского периода» (Опыт периодизации памятников энеолита и эпохи бронзы).

Несмотря на давность археологического изучения Северного Кавказа, древняя история Северной Осетии до последнего времени восстанавливалась только начиная с эпохи бытования Кобанской культуры. Наличный же материал и особенно вещественные данные, добытые археологическими исследованиями в Северной Осетии за последние годы, позволяют наметить более древние этапы, чем Кобанский (I тысячелетие до н. э.).

Так, наидревнейшая эпоха (энеолита) представлена здесь поселениями с очагами, открытыми в 1935 г. автором у селений Верхний и Средний Кобан, и каменным клиновидным топором, найденным у г. Дзауджикау (1-я стадия).

Ко 2-й стадии культуры бронзы (рубеж III—II тыс. до н. э.) относятся: грунтовое погребение на Галиатском могильнике, основные погребения кургана № 10 у станции Моздок и ряд случайных находок (медные кинжалы и кремневые наконечники стрел листовидной формы), сделанных в разных пунктах Северной Осетии.

Ту же стадию бронзовой эпохи (первая половина II тысячелетия до н. э.) характеризуют могильник «Загли-Барзонд» у с. Верхний-Кобан, впускные погребения Моздокского кургана № 10, Кумбулский могильник «Верхняя Рутха», Галиатский могильник «Фаскау» и другие случайные находки бронзы и керамики.

Приблизительно серединой II тысячелетия до н. э. могут датироваться подкурганские комплексы, вскрытые у с. Дигора и близ г. Дзауджикау, характерные для Северо-Кавказской культуры степной полосы со шнуровой орнаментацией керамики (среднекубанские курганы), а также случайные находки, в том числе хуррийская гематитовая печать XV—XIV вв. до н. э. По целой серии вещей прослеживается стык этой степной культуры Северного Кавказа с синхронной ей бронзовой культурой горных районов.

Конец 2-й стадии местной истории бронзовой эпохи (вторая половина II тысячелетия до н. э.) хорошо представляют более многочисленные поздние комплексы из могильников «Верхняя Рутха», «Фаскау», у с. Нижний Кобан, Чмийский могильник «Беахни-Куп», курганы на равнине, поселение у с. Арм-хи, случайные находки бронзовых вещей и глиняной посуды, близких предметам срубной культуры, кинжалы так называемого «переднеазиатского типа» (которых в одной Дигории встречено столько же, сколько на всем Кавказе) и, наконец, известный Махчешский лабиринт на камне.

Хронологическое определение той или иной группы памятников базируется на большом сравнительном материале, представленном в составленной автором синхронистической таблице.

Дано размещение памятников материальной культуры на карте, прослежено тяготение сложившихся групп их к древнейшим перевальным путям, ведущим в Закавказье (Военно-Грузинская и Военно-Осетинская дороги) и установлены культурные связи местного населения с племенами степного Предкавказья, но особенно с населением Закавказья (Западная Грузия).

Изучение вышперечисленного материала позволяет отметить особую группу Дигорских комплексов и обосновать возможность выделения ее в особую археологическую культуру докобанского периода, бытовавшую в западной Осетии и восточной Кабарде.

Носители этой весьма своеобразной культуры (которую можно назвать Дигорской), имеющие некоторые общие черты и с культурой горных районов Западной Грузии (Рача, Сачхери), во II тысячелетии до н. э. настолько подняли свое хозяйство, что к концу этого тысячелетия территория западной Осетии и восточной Кабарды представляла собою уже крупный производственный район, производящий бронзовые вислообушные топоры, гигантские рогообразные булавы, множество различных украшений и своеобразную керамику, чаще баночной формы, украшенную налепными выступами и шнуровым и нарезным орнаментом. По отдельным категориям вещей прослеживаются прототипы предметов Кобанской культуры.

Наиболее ярко эта культура представлена такими известными могильниками Дигории, как «Фаскау» у с. Галиат и «Верхняя Рутха» у с. Кумбулта.

Самой топографией находок и анализом материала исповляется укorenившееся в кавказоведческой среде (после работ А. А. Миллера) пред-

ставление о сравнительно позднем освоении местными племенами нагорных районов Северного Кавказа.

Рассмотренные памятники доказывают заселенность даже высокогорных ксерофитных районов Северной Осетии не случайно попавшими сюда насельниками предгорий и фиксируют оседлый характер жизни уже довольно густого населения этих мест. Выясняется, что освоение гор началось еще на грани эпохи камня и металла и интенсивно продолжалось и в эпоху средней бронзы.

ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНАРНЫХ ЗАСЕДАНИЯХ СЕССИИ

Секция древней истории

М. З. Паничкина (Ленинград) — «Памятники нижнего палеолита на территории Армении».

Систематические работы по изучению палеолита в Армянской ССР в течение последних лет привели к установлению ряда палеолитических памятников на этой территории. Самой древней по возрасту и наиболее богатой культурными остатками является стоянка Сатани-дар, давшая типичный инвентарь ашельского времени. Стоянка расположена в 1 км к югу от с. Пирмалак, Талинского района, Армянской ССР, на холме Сатани-дар у северо-восточного склона горы Богутлу. Высота холма над плато 33—35 м. Общая площадь Сатани-дара — около 400 кв. м.

Обнаруженные на Сатани-даре остатки древнейшего поселения занимают площадь, не превышающую 200—250 кв. м. Вследствие разрушительной силы воды и ветра культурный слой на Сатани-даре значительно нарушен, мелкие частицы грунта снесены с вершины холма, а более тяжелый материал остался почти на месте, претерпев лишь небольшое, главным образом вертикальное перемещение. Концентрация материала на ограниченной площади и отсутствие окатанности на большинстве орудий указывает, что инвентарь находится на месте первичного залегания и только вследствие уничтожения почвенного слоя ветром оказался как бы спроецированным на современную дневную поверхность.

Основным материалом для изготовления орудий служил обсидиан, несколько меньше использовался диабаз и только два орудия (ручные рубила) сделаны из базальта. Поверхность орудий покрыта чрезвычайно густой патиной и сильно выветрена.

В состав каменного инвентаря Сатани-дара входят ручные рубила, грубо рубящие орудия, отличающиеся от ручных рубил лишь более небрежной выделкой, но функционально тесно связанные с ними, диски, диско-видные и треугольные нуклеусы. Большим числом представлены отщепы, широкие пластины, а также остроконечники и скребла. По составу орудий инвентарь Сатани-дара чрезвычайно архаичен и носит характерные признаки древнепалеолитической техники.

Характерной чертой изделий Сатани-дара является устойчивая выработанность форм орудий и крупные их размеры. Типы орудий представлены в большинстве случаев значительными сериями, указывающими не на случайное их появление, а на твердо выработавшиеся и установившиеся в производстве формы. При выработке различных форм применялись главным образом два приема: предварительная обработка крупными сколами всей поверхности орудия и подправка более мелкой ретушью краев.

Ведущими формами орудий для определения возраста инвентаря Сатани-дара являются ручные рубила. Сатани-дар дал богатую серию ручных рубил, общее количество которых (52 экземпляра по сборам 1947 г.)

на много превышает число ручных рубил всех древнепалеолитических местонахождений в СССР. Ручные рубила Сатани-дара представлены разнообразными формами — миндалевидными, грушевидными, овальными, треугольными и круглыми. По форме и технике изготовления рубила Сатани-дара принадлежат к лучшим образцам орудий этого рода, известных нам по памятникам нижнего палеолита Европы и Азии. Высокая техника обработки, выражающаяся в тщательной оббивке всей поверхности крупными сколами, в выравнивании края ретушью, в исчезновении «пятки», вместо которой вырабатывается тонкий профиль орудий, в исключительно правильной симметрии краев,— служит характерным признаком развитой техники второй половины эпохи ашеля.

Из других орудий с двухсторонней обработкой больше всего представлены на Сатани-даре дисковидные формы, которые по типу делятся на две группы — уплощенные диски и нуклеусы. Внушительная серия дисков указывает на намеренное приготовление этой формы, а высокий их процент по отношению к остальному инвентарю свидетельствует о важном значении их в производстве человека нижнепалеолитического времени. Широкое распространение диска среди многих позднеашельских памятников показывает, что совершенная форма диска не служит признаком позднего, мустьерского времени, а появляется значительно раньше и в конце ашеля имеет уже развитый вид.

На Сатани-даре также хорошо представлены отщепы клетонского типа и пластины леваллуа.

Позднеашельский возраст палеолитических орудий Сатани-дара подтверждается аналогичными материалами нижнепалеолитических памятников Восточного Средиземноморья (ашельские слои пещер Умм Катафа, Табун, Зуттие в Палестине, ашельские местонахождения Египта, установленные К. Ф. Сандфордом на древних террасах долины Нила, на холме Кена. Ашкит и Эль-Каб), а также Западной Европы — классическим местонахождением в Сент-Ашеле.

По составу находок стоянку на Сатани-даре можно, несомненно, отнести к первоклассным памятникам ашельского времени и поставить ее, по богатству инвентаря и классическим формам орудий, на первое место среди нижнепалеолитических памятников Советского Союза.

Территориальное расположение стоянки Сатани-дар еще больше увеличивает ее значение, так как эта стоянка, наряду с Абхазскими местонахождениями, является связующим звеном между нижнепалеолитическими памятниками Восточной Европы и Ближнего Востока.

Н. В. Хоштариа (Тбилиси) — «Древние поселения в бассейне р. Хоби».

Археологические работы на территории древней Колхиды были начаты в 1936 г. в Дабла-гоми (левый берег среднего течения р. Риони), где раскопками была установлена стратиграфия древнего поселения, существовавшего с III тысячелетия до н. э. вплоть до эллинистического времени.

Тогда же (1936 г.) были начаты работы и в собственно Колхидской низменности, о существовании городов на территории которой сохранились свидетельства письменных источников. Были произведены раскопки в Наохваму и в Дихагудзаба, планомерные разведки в бассейне рек Риони и Ингури и др., а также в бассейне р. Хоби на севере Рионского бассейна. Исследование двух поселений в бассейне р. Хоби приводит к выводу, что он был заселен еще в III тысячелетии до н. э. и жизнь на этих поселениях замерла в ранневизантийское время. Основные работы проводились в поселении на левом берегу р. Цива (приток р. Хоби). От ранневизантийского времени сохранились остатки сооружений городского типа, назначение которых еще не установлено, но несомненно, что они пред-

ставляют городской участок, расположенный у реки и связанный с городом, по всей вероятности Фазисом.

Римский и эллинистический слои представлены керамикой, предметами украшений (бронзовый браслет, золотая серьга, бусы и др.) и фрагментом архаической терракоты (повидимому, изображение богини-матери). Слой поздней бронзы дал глиняные сосуды, прясла, бронзовые орудия (долото, шило, топорик, слитки меди) и керамику. Более древние слои представлены керамикой, среди которой много предметов культового характера — изображения головы быка, небольшие глиняные диски и др. Поселения в бассейне р. Хоби не закончены исследованием, но и проведенные там работы значительно уточнили представления о Колхидской и особенно о Рионской низменности, наиболее интересной в историческом отношении. В результате этих работ стало почти бесспорным, где можно искать остатки древнейшего культурного центра Западной Грузии — город Фазис.

Л. Н. Соловьев (Сухуми) — «Памятники каменного века около с. Анухва Абхазская».

В 1940 г. автором была открыта обширная стоянка на возвышенном плато у с. Анухва Абхазская в 8 км от курорта Новый Афон. Изучение разрезов почвы позволило установить наличие здесь следов древних землянок. Наблюдение над патинизацией кремня в различных горизонтах почвы позволило разбить весь собранный на поверхности стоянки кремневый инвентарь на три комплекса, представляющих последовательную цепь развития одной культуры.

Нижний комплекс, представленный орудиями и отщепами с густой белой патиной, дал значительное количество больших пластин с весьма грубой ретушью. Часть их была использована для изготовления примитивных резцов и резчиков, среди которых преобладали многофасеточные резцы. В большом количестве встречались массивные скребла — прямые и вогнутые. В небольшом количестве были найдены диски и остроконечники, изготовленные из треугольной пластины и напоминающие мустьерские.

Средний комплекс представлен более грубыми и аморфными орудиями, но среди них мы встречаем большое количество настоящих резцов, дисков, рубилообразных орудий. Остроконечники заменяются проколками. Патина орудий коричневатая, более слабая, чем в предыдущем комплексе.

Верхний комплекс, так же, как и средний, включает большое количество нуклеидных орудий и почти не имеет хорошо изготовленных пластин. Отсутствуют рубила, диски и остроконечники. Число резцов увеличивается. В большом количестве появляются скребки. Тип изделий все более и более приобретает верхнепалеолитический облик. Патина орудий этой стадии лишь слабо маскирует естественный коричневатый цвет кремня.

Между нижним комплексом и средним, очевидно, существует большой перерыв во времени, что можно установить, наблюдая слабую патинизацию орудий среднего комплекса, переделанных из покрытых густой патиной орудий нижнего комплекса. Но преемственность в технике и форме изделий сохраняется во все время существования стоянки.

Более точная датировка и классификация орудий с этой интересной стоянки пока затрудняется аморфностью ее инвентаря и немногочисленностью орудий, которые можно типологически сопоставить с известными уже по другим стоянкам Закавказья.

Е. И. Крупнов (Москва) — «Некоторые результаты Северо-Кавказской экспедиции 1947 года». ²

Г. Г. Лемлейн (Москва) — «Каменные бусы из Самтаврского некрополя».

² Содержание доклада изложено в статье автора в КС ИИМК АН, вып. XXVII.

Самтаврский некрополь близ Мцхеты в Грузии дает обильный, стратиграфически датируемый, археологический материал с необычным обилием и разнообразием каменных бус. При классификации бус из твердых камней принимались во внимание главным образом техника изготовления (сверления) бус и минералогический характер материала.³

Были найдены бусы, сделанные из сердолика (семи сортов), халцедона, сардоникса, кварца, горного хрусталя, глазурованного горного хрусталя, алмандина, обсидиана, эмеевика, ляпис-лазури, пирита, самородной серы, мраморного оникса (арагонита), зеленого и красного стеатита, янтаря, гагата, коралла, жемчуга и различных раковин.

Изученные бусы из твердых камней разделены на десять основных типов, отличающихся материалом, техникой изготовления и формой. Они являются продукцией мастерских, не связанных между собою ни обменом материала, ни заимствованием производственных приемов.

В древнейшем курганном погребении «со шпагой», около середины II тысячелетия до н. э., найдены и более архаичные типы бус: сердоликовые короткоцилиндрические с грубым кратеровидным отверстием, сардировый подвесок своеобразной формы с заполированным коническим каналом и две такой же формы подвески из глазурованного горного хрусталя.

Наибольшее разнообразие каменных бус наблюдается в грунтовых погребениях со скорченными костяками периода бронзы (XI—VII вв. до н. э.). В наиболее ранних погребениях этого типа (XI—IX вв.) преобладают бусы из сургучно-красного яшмовидного сердолика грубой «рубленой» формы, просверленные трубкой. Происхождение их пока не ясно. Затем появляются и одновременно бытуют еще несколько типов бус, отличающихся друг от друга материалом, техникой обработки и формой. Обильнее и разнообразнее всех бусы из светлорозового или розовато-оранжевого сердолика, сверленные трубкой. Сравнение материала этих бус и технических приемов с материалом и приемами изготовления ассирийских цилиндров и вислых печатей из сердолика показало их полное тождество в этом отношении, что позволяет считать бусы из розового сердолика продукцией ассирийских камнерезных мастерских. Любопытен факт, что ожерелья бус из этого светлоокрашенного сердолика находятся в подавляющем большинстве в женских погребениях, что соответствует существовавшему на востоке делению камней на светлые «женские» и темные «мужские».

Относительно другого типа бус из красно-бурого с коричневыми прожилками сердолика высказано предположение о их египетском происхождении, поскольку материал этих бус сходен с материалом египетских сердоликовых скарабеев и более поздних бус заведомо греко-египетского происхождения. Особый интерес вызывают две небольшие подвески из погребения, датируемого около VII в. до н. э. Они сделаны из золотисто-оранжевого сердолика с необычайно тонким (менее 1 мм) строго цилиндрическим каналом, просверленным, несомненно, сверлом с наконечником из осколка алмаза. Предположение о их индийском происхождении подкрепляется тем, что на той же связке бус имеется коническая раковина моллюска *Riconula trifasciata*, водящегося исключительно в Индийском и Тихом океанах.

Большое разнообразие и изящество форм, тщательность моделировки и отделки показывают бусы из темнобурого сердолика — «сардера», сверленные штифтовым сверлом. Происхождение бус этого типа, так же, как и бус еще нескольких других типов, пока остается неопределенным. Возможно,

³ Г. Г. Леммлейн. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. КС ИИМК, вып. XVIII, стр. 22—30.

что некоторые из них изготовлялись в ближайших к древнему Мцхету производственных центрах.

Интересны многочисленные миниатюрные пятиугольные бусы из вишнево-красного сердолика и изредка встречающиеся крупные удлиненно эллипсоидальные бусы из полосатого сардоникса, на которых удалось установить, что окраска темных слоев была получена искусственно, очевидно путем пропитывания медом и последующего обжига, как это описано у Плиния.

Обращает на себя внимание очень важный факт, что с ахеменидского времени каменные бусы всех перечисленных типов полностью исчезают и заменяются бусами из искусственных материалов. Каменные бусы вновь появляются уже только в погребениях позднеэллинистического и римского периодов. С этого времени наблюдается только два типа бус. Одни сверлены алмазом, другие трубчатым сверлом.

Бусы, сверленные алмазом, сделаны из золотистого и оранжевого сердолика, реже из сардоникса, горного хрусталя, граната, ляпис-лазури. Форма бус очень разнообразна. Начиная со II—III вв. н. э. особенно развиваются различные геометризованные формы. Изредка попадаются сердоликовые бусы с белым эмалевидным рисунком. Материал бус идентичен материалу сасанидских и более поздних мусульманских печатей. То же можно сказать и о технике изготовления (сверления) как бус, так и мелких шаровидных сасанидских печатей. Бусы этого типа, являющиеся несомненно продукцией ирано-индийской и ирано-арабской индустрии, в эпоху раннего средневековья получают широкое распространение по всем территориям, куда проникала торговля товарами восточного происхождения.

Часть бус этого времени, сверленных трубкой, отличается еще наличием специально сделанного надреза у входного отверстия, который предупреждал соскальзывание сверла в начале сверления. Эти бусы в Самтавро представлены небольшим числом экземпляров. Они гораздо обильнее находятся в Западной Грузии и особенно на Боспоре. Сравнение с бусами и скарабейми из птолемеевского Египта выдает их греко-египетское происхождение. Остальные подтипы бус этого времени, сверленных трубкой, отличаются как своей формой, так и материалом и, вероятно, являются продукцией, пока точнее не определенных эллинистических мастерских Малой Азии.

Б. Б. Пиотровский (Ленинград, Ереван) — «Раскопки Кармир-блур».⁴

К. Л. Оганнесян (Ереван) — «Город Тейшебаини».

При выборе места для сооружения города Тейшебаини и его акрополя строители учитывали преимущественно задачи обороны, что обуславливалось политической обстановкой у границ страны Урарту, где часто разыгрывались жестокие войны. Территория города и акрополя с трех сторон ограничена трудно доступными для штурма берегами р. Занги, а с юго-запада неприступность города обеспечивали мощные крепостные стены, с высоты которых хорошо просматривалась Араратская равнина. Общая композиция плана города обусловлена местностью и представляет собой неправильный прямоугольник площадью 300 × 500 м. Город обнесен мощной стеной, в которой имелись двое ворот — северные (малые) и южные (главные). Раскопки у малых ворот вскрыли две небольшие комнаты, повидимому помещение для караула, наблюдавшего подступы к воротам и дороге, ведущую от берега р. Занги. По данным аэрофотосъемки, городские улицы, шириной в 8 и 6 м, шли в двух направлениях: от берега реки к южным стенам и с запада на восток. О городских постройках можно

⁴ Доклад Б. Б. Пиотровского печатается в КС ИИМК, вып. XXVII.

судить лишь по остаткам фундамента — они были прямоугольны и многокомнатны, возведены на глубоком фундаменте. Дворец возвышался на холме, известном под названием Кармир-блур. Дворец и двор акрополя отделены от города стеной, от башен стены в сторону города выступают узкие, длинные платформы, повидимому для внешней охраны дворца. По данным раскопок, 17 комнат дворца определяются как хозяйственные помещения.

Докладчик охарактеризовал далее особенности строительной техники, дал описание архитектурных частей урартских зданий и ознакомил с опытом реконструкции двух комнат дворца и центрального входа в акрополь.

В. М. А р у т ю н я н (Ереван) — «Охрана исторических памятников Армении».

До Великой Октябрьской социалистической революции многочисленные и разнообразные памятники материальной культуры Армении не находились под охраной и подвергались разрушению. В 1926 г. СНК Армении объявил все памятники материальной культуры собственностью государства и организовал Комитет по охране исторических памятников Армении. Помимо различных мероприятий административного характера, Комитет провел большую работу по учету, фиксации, охране, изучению и реставрации памятников. Комитетом проведено археологическое обследование 65% территории Армении; составлены археологические карты 34 районов и сводная карта по республике, а также топографические карты 23 археологических заповедников. Под охраной находятся свыше 4000 памятников, произведены обмеры ряда памятников архитектуры, сделано свыше 12 000 фотоснимков, составлены исчерпывающие паспорта на 3838 памятников, собрана библиография по 3945 памятникам. Значительная работа была выполнена в целях пропаганды охраны памятников среди населения — экскурсии, лекции, издание брошюр и путеводителей и т. п. Большой размах получили ремонтно-реставрационные работы.

Следует отметить, что Комитет принимает и профилактические меры, предотвращающие разрушение памятников (уничтожение растительности на стенах и крышах памятников и т. п.).

В первые годы существования Комитета им проводились и археологические раскопки в Шенгавите, в Вагаршапате, в Кировакане; с 1939 г. начаты раскопки на Кармир-блуре и т. д.

Н. В. А н ф и м о в (Краснодар) — «Хронология грунтовых могильников Прикубанья сарматского времени».

Грунтовые могильники представляют собою рядовые некрополи городищенского населения и расположены за внешним рвом городищ. К настоящему времени известно двадцать могильников. Основная масса их находится на правом берегу р. Кубани и незначительная часть расположена в Закубанье. Могильники исследовались только в советские годы. Наиболее крупные работы были проведены на могильнике № 2 у станицы Усть-Лабинской, могильнике у станицы Елизаветинской и Краснодарском могильнике за кожзаводами. Грунтовые могильники тесно связаны с городищами и датируются тем же временем, что и последние, т. е. с VI в. до н. э. по III в. н. э.

Наиболее показательным является могильник № 2 у станицы Усть-Лабинской, погребения которого дают картину непрерывного развития культур с VI в. до н. э. по II в. н. э.

Анализ могильного инвентаря, а также и обряд погребения, с учетом материалов с городищ и из курганов, дают возможность установить следующие основные этапы культурно-исторического развития общества Прикубанья в античную эпоху:

- 1) раннемеотский период с VI в. до н. э. по IV в. до н. э.
- 2) среднемеотский период III—II вв. до н. э.

- 3) позднемеотский период, делящийся на две эпохи:
а) первую меото-сарматскую с I в. до н. э. по II в. н. э. и
б) вторую меото-сарматскую эпоху, охватывающую II—III вв. н. э.

Для каждого из периодов характерно наличие определенных видов предметов материальной культуры: оружия, керамики, украшений и бытовых предметов, а также определенных черт в обряде погребений (ориентировка, погребальный обряд и др.). Резких отличий между очерченными периодами не существует; каждый последующий генетически связан с предыдущим. Несколько более резкие различия наблюдаются только между среднемеотским и позднемеотским периодами, что, вероятно, объясняется значительным проникновением в это время на Кубань сарматских элементов.

Таким образом, установленная хронология исследованных памятников показывает непрерывное развитие населения Прикубанья в античное время на местной основе с постепенной его сарматизацией, что особенно резко начало сказываться с конца II в. до н. э.

Л. Д. Шевцова (Дзауджикау) — «Археологическая работа Музея краеведения Северной Осетии».

Северная Осетия изобилует археологическими памятниками. Большинство их расположено в нагорных районах. Они очень разнообразны: здесь встречаются, например, древние подземные погребения (в склепах и в каменных ящиках), архитектурные сооружения в виде жилых и боевых башен, заградительных стен, святилищ, надземных склепов и другие памятники материальной культуры.

Археологические раскопки в Северной Осетии, проведенные при участии Е. И. Крупнова, Л. П. Семенова и других, дали многочисленный и весьма ценный материал для изучения истории древнего населения республики.

Значительную работу по учету, описанию и научному изучению памятников старины проводит Музей краеведения Северной Осетии. Организованные музеем экспедиции по сбору материалов в 1945—1946 гг. в Махчешском, Алагирском и Садонском районах Северной Осетии дали положительные результаты: в 70 селениях экспедицией обследовано 980 объектов, не считая могильников; подробно описано и обмерено 463 объекта.

К памятникам, взятым на учет, относятся погребальные сооружения, древние святилища, древние церкви, монастыри, башни, замки, старинные горские дома и др. Составлен список археологических памятников и альбом зарисовок и фотографий.

В 1946 г. музей принял участие в экспедиции, организованной Северо-Осетинским научно-исследовательским институтом, во главе с Е. Г. Пчелиной. Археологические раскопки были произведены в с. Нузал, в Эгидском ущелье и в ряде других мест. В 1947 г. музей регулярно вел наблюдения на древнем селище близ г. Дзауджикау, где проводились земляные работы. Добытый при этом многочисленный инвентарь датируется VI—IX вв. н. э. и характеризует аланский период жизни осетинского народа.

Были исследованы погребения близ средневекового города Татартупа или Дзулата.

Секция античной истории

И. Н. Цицишли (Тбилиси) — «Строительное искусство древней Грузии по материалам раскопок в Багинети». (Предварительное сообщение).

Разведки, проводившиеся Мцхетской археологической экспедицией в 1940—1943 гг., определили территорию акрополя и основные элементы

крепостной архитектуры Багинети. Раскопки 1944 и последующих годов имели задачей локализовать резиденцию царей Иберии, раскрыть сохранившиеся памятники и сопоставить археологические материалы с свидетельствами древних авторов и грузинских летописцев. Раскопки еще не закончены, но уже выяснен общий характер акрополя, открыты крепостные стены на протяжении 3 км, различные сооружения, погребения и в большом количестве предметы материальной культуры.

Армазская крепость состоит из цитадели (на плато холма) и поселения, расположенного на площадках по склонам холма. Цитадель и поселение обнесены стенами, причем стены и сооружения крепости значительно древнее поселения и окружающей его стены: поселение вышло за пределы цитадели и росло вне ее стен. Несмотря на разрушенность сооружений и постоянно наблюдавшееся использование материала древних сооружений для возведения новых построек, удалось установить четыре основных строительных периода. Верхний слой представлен отдельными участками восстановленных или вновь укрепленных крепостных стен предыдущего периода, древней церковью и верхнюю часть крупного здания, построенного на фундаменте нижних слоев с использованием материалов из более древних сооружений. Датируются эти сооружения временем не древнее середины IV в., а возможно и ранним средневековьем (находки византийской монеты Феодосии, глазурованной керамики и т. п.). Ко второму периоду (конец I—II вв. н. э.), периоду оживленной связи Иберии с Римом, относится большая часть поселения (дворцовый комплекс, баня, жилые и хозяйственные постройки, погребения), отдельные участки восстановленных и укрепленных крепостных стен. В этот период строительство было весьма оживленным, что отразилось на характере кладки (использование материалов нижних слоев, использование в кладке разнохарактерного материала и т. п.). Описав основные приемы строительной техники, докладчик указывает и датирующий материал — стекло, керамика, монеты. Находки ручных зернотерок, кувшинов для вина и т. п. свидетельствуют о развитии наряду со скотоводством земледелия и виноградарства. В сооружениях третьего слоя различаются два вида стен — сложенные целиком из сырцового или обожженного кирпича и стены, где сырцовая или кирпичная кладка выведена на основании из нескольких рядов камня, причем последний поражает совершенством обработки. При подготовке фундамента по склонам вырубались гнезда для установки квадров, вследствие чего кладка на склонах ступенчатая, ошибочно принимаемая за лестницу. В стратегически важных пунктах горизонтали стен расчленяются вертикалями четырехугольных башен. Датируется этот слой монетами эпохи Августа, найденными в основании одной из крепостных стен. Строительство IV слоя — внутренняя крепостная стена, сооруженная в цитадели, и аналогичные сооружения на террасовых площадках. К этому же периоду относится ряд сооружений на нижней террасе поселения, возможно, дворцовый комплекс (монументальный зал и другие помещения). Композиция здания, строительная техника и отдельные элементы его указывают на отдаленные сирохеттские традиции и на несомненное знакомство мастеров с эллинистической культурой. Сооружения этого слоя возведены не позднее III в. до н. э. и не ранее II в. до н. э. и были разрушены не ранее II в. н. э. Самым древним слоем является кладка центральной башни цитадели, датировка которой пока еще не установлена. Исторические сведения и отдельные находки позволяют предполагать наличие еще более древних слоев. Теперь уже можно указать, что в позднейших слоях ясно прослеживаются черты античной римской культуры, а сооружения нижних слоев по строительной технике и материалу приближаются к памятникам Урарту (в частности, Кармир-блур). Перейдя к характеристике

строительных материалов и конструкций памятников Багинети (освещение помещений, перекрытия, пол, колонны, водопровод, канализация, планы, линейные меры и т. п.), докладчик останавливается и на декоративных приемах зодчих Армази. Раскопки Багинети и близких по времени городищ раскрыли неизвестные доселе страницы истории грузинского зодчества. Уже обрисовались характерные черты отдельных периодов истории грузинской архитектуры. Грузинская архитектура, сохраняя в античный период целостность и собственные художественные черты, воспринимает заимствованные элементы соответственно местной традиции. Так, например, восточно-переднеазиатские мотивы и черты античного эллинистическо-римского искусства переработаны и уравновешены здесь местной традицией. В результате сложился своеобразный стиль, из которого выработались формы и мотивы грузинского зодчества последующих периодов.

А. И. Болтунова (Ленинград) — «Об этническом составе населения эллинистической Иберии по данным литературной традиции».

На основании анализа племенного названия *tubal* в исторической науке принято считать тубалов предками тибаренов и иберов, упоминаемых древнегреческими писателями. Не отрицая устанавливаемой лингвистически связи между племенными названиями *tubal* и *tibar* — *iber*, следует учитывать, что по данным лингвистической палеонтологии наличие иберов у Чороха, в области Спер, в Гурни и других прилегающих местностях можно констатировать еще в доисторическую эпоху, так же, как тибаренов на месте их обитания, зафиксированном античными писателями. В ассирийских источниках тубалы рисуются как оседлый народ с высокоразвитым земледелием и ремеслами. Археологический материал (в частности, остатки медных и бронзовых предметов вооружения и сельскохозяйственных орудий, находимые в различных районах западной и юго-западной Грузии) указывает также на существование в этих местах высокоразвитой земледельческой культуры, уходящей своими корнями в III тысячелетие и имеющей черты общности с древнейшими яфетическими культурами земледельческих обществ Передней и Малой Азии. Все это дает возможность предполагать, что иберы и тибарены (тибары), как племенные образования, возникли и развивались примерно одновременно с тубалами и были связаны с ними общими чертами хозяйственной и культурной жизни и, по всей вероятности, этнической общностью, отразившейся в сходной этнонимике.

Процесс формирования союза племен, положивший начало образованию иберийского народа, протекал на территории нагорья между верховьями Евфрата, Чороха, Куры. Разрозненные племена, объединявшиеся в представлениях греческих писателей под общим именем саспейров, являются основным этническим компонентом и в формировании иберийского народа. Саспейры примыкали к обширной западной группе яфетических племен, развивавшихся на базе так называемого малоазийского этнического и культурного субстрата и явившихся наследниками великих древних культур Малой Азии (мосхи, тибарены, колхи, алародии). Этноним «саспейр» сохранился в названии области «Сиспиритида».

Наличие иберов у Чороха и верховьев Куры в эллинистическую эпоху свидетельствуется Страбоном и Аппианом, а в I в. н. э. — Плинием. Между тем, центр иберийского царства, согласно Страбону и другим авторам, лежал у слияния Арагвы с Курюю. И политические границы, указанные Страбоном (р. Алазани, р. Кир, Мосхийские горы и Главный Кавказский хребет), не совпадают с ее древними этнографическими границами.

В течение, примерно, полутысячелетия имел место процесс формирования иберийского народа и распространения его на широкой территории

по течению р. Куры до слияния ее с Алазанью. Коренными обитателями долины среднего течения Куры были яфетические племена каспиев.

VII и начало VI вв. протекали под знаком вторжений скифов в Переднюю Азию через Кавказ. Отмеченное Н. Я. Марром наличие скифских элементов в этнонимике и топонимике Кавказа и отражение этих элементов в предметах и целых комплексах (погребальных инвентарей) Северной Осетии, в районе Мцхета-Армази вскрывают, с одной стороны, следы этих событий на территории Кавказа и Закавказья в виде ярко выраженных явлений этнических скрещений и отложения скифских элементов; с другой стороны — наличие стадиальных совпадений между обществами Северного Кавказа и Закавказья в эту эпоху и скифами, вторгавшимися с севера.

Таким образом, еще до проникновения иберов в районе среднего течения Куры там обитало смешанное в этническом отношении население, в котором значительную роль играл скифский элемент. Приблизительно с III в. до н. э. в степных районах у Азовского моря, р. Дона и на Северном Кавказе ведущая роль переходит к сарматским племенам. Согласно, главным образом, данным Страбона, а также Плиния, сарматы распространялись на территории современной Абхазии и в соседних местностях и в районе центрального Кавказа до Куры.

Скрещение иберов со скифо-сарматскими племенами в среднем течении р. Куры освещено Страбоном, который, описывая население Иберии, различает жителей равнины, земледельцев, склонных к мирной жизни, в бытовом отношении сходных с армянами и мидянами, и воинственных обитателей горной полосы, преимущественно скотоводов, родственных сарматам и скифам, и представлявших этническое большинство.

Древние предания иберов, зафиксированные в хронике «Обращение Грузии» и в «Грузинских летописях», сохранили воспоминания о древних исконных обитателях страны, бунтурках, и о поселившихся затем в их стране фоннах. Название бунтурков, согласно разъяснению Н. Я. Марра, означает «коренных турков», т. е. терков (черкесов или чечен). А фонны — мощный союз кавказских племен, обитавших в ближайшем соседстве с аланами. В образе спутника Александра Македонского, царевича легендарной страны Ариан-Картли (первого правителя Мцхеты, пришедшего сюда вместе со своими сородичами), а также в образах ближайших его преемников воплощены воспоминания о проникновении иберов в район среднего течения Куры и переход в их руки власти в крае, их взаимоотношения с местной племенной знатью и первые этапы их деятельности по созданию иберийского государства.

Расселение иберийского народа в свете этих данных рисуется не как миграция и не как завоевание, а как разрастание основного этнического ядра, сложившегося у верховьев Чороха, и в процессе формирования народа ассимилировавшего культурно и этнически неоднородные с ним элементы, наследовавшего и творчески претворившего наследие древних культур Востока, носителя более сложных и прогрессивных общественных и политических форм. Развитию этого процесса способствовала назревшая потребность к политическому объединению в среде местных племен. Основание нового политического и религиозного центра Армази означало возникновение государства эллинистического типа.

М. И. Максимов (Ленинград) — «Серебряное зеркало из Келермесского кургана».

Исследование знаменитого серебряного зеркала, найденного в 1904 г. в одном из архаических скифских погребений близ станицы Келермесской, Кубанской области, связано с большими трудностями вследствие уникального характера этого памятника и сложного переплетения разно-

родных элементов, наложивших свою печать на все изделие в целом и особенно на его декорировку. Как явствует из анализа техники его изготовления, зеркало было сделано в два приема и двумя мастерами. Один мастер, по всей вероятности скиф, отлил серебряный диск вместе с фигурной, ныне отломанной ручкой; второй мастер — несомненно грек — собрал на готовой основе зеркала из восьми отдельных пластин электро-вый лист, покрывающий обратную сторону зеркала, спаял пластины между собой и прикрепил этот лист к закраине диска. После этого он при помощи пунсонов украсил электро-вый лист сложной системой орнаментов и фигур, композиционно строго согласованной со скифской формой зеркала и его ручки, а по своей тематике отражающей идеологию скифской общественной среды. Типологический и стилистический анализ украшений зеркала показывает, что некоторые фигуры и мотивы заимствованы из Скифии, Закавказья, Передней и Малой Азии, но в этих случаях варварский стиль не выдержан и смешан с художественными приемами греческой архаики. Большинство же изображенных образов исполнено в чисто греческом стиле первой четверти VI в. до н. э., причем аналогии с произведениями восточногогреческого искусства, а также характерные особенности всего стиля в целом позволяют установить, что мастер-декоратор был выходцем из восточной Греции, скорее всего из Северной Ионии или Эолии. Двойственность процесса изготовления зеркала, а также ярко выраженный скифский характер его формы и тематики изображений заставляют отказаться от гипотез об импорте данного изделия на Кубань из греческих областей. Зеркало было изготовлено в одном из районов Скифии, куда переселился греческий мастер, скорее всего в одном из греческих поселений на Тамани, но может быть и в Закавказье, откуда оно в таком случае было привезено скифами на Кубань вместе с некоторыми другими парадными предметами, входящими в состав инвентаря Келермесских курганов. Зеркало характеризует культуру верхушки скифского общества Прикубанья в начале VI в. как культуру по существу скифскую, но проникнутую переднеазиатскими элементами и начавшую уже воспринимать греческие влияния.

Д. Г. Капанадзе (Тбилиси) — «Новые материалы к изучению статеров царя Аки».

В Кабинет нумизматики Гос. музея Грузии в 1945 г. поступила античная золотая монета, найденная в 1923 г. при полевых работах в с. Кинчха. По своему внешнему виду монета напоминала известные стате-ры Лисимаха, с той разницей, что вместо имени Лисимаха на монете стоит имя Аки, как и на подобном ему статере, найденном в окрестностях Трапезунда и хранящемся в Париже. Целый ряд выдающихся специалистов, в том числе акад. С. А. Жебелев, А. В. Орешников, А. Н. Зограф и др., датировавшие его III—II вв. до н. э., считали имя «Аки» не греческим и различно определяли его происхождение. Докладчик отмечает, что имя «Аки» сохранилось до настоящего времени в Западной Грузии как личное имя и в составе географических названий. В нумизматических собраниях Грузии имеется ряд подобных статеров, по виду и весу в различной степени приближающихся к статерам Лисимаха. Учитывая наличие имени Аки в Западной Грузии и факты находок на той же территории монет, подобных статеру с именем Аки, докладчик считает, что статер воспроизводит действительное имя колхидского царя Аки, а наиболее вероятным временем его — III в. до н. э.

Г. И. Ионе (Баку) — «Гончарные обжигательные печи древнего Мингечаура».⁵

⁵ См. статью того же автора в этом выпуске КС ИИМК.

З. И. Ямпольский (Баку) — «Термин „мар” и топонимика древней Кавказской Албании».

В докладе «Термин „мар” и топонимика древней Кавказской Албании» З. И. Ямпольский выявил: 1) значительное количество названий мест на территории древней Албании, имеющих в своем составе группу «мар»; 2) наименование азербайджанских и дагестанских аварцев («ма'арулал»); 3) наименование прикаспийских племен «а-мар-дов» — «мар-дов» — «мар-ов»; 4) поставлен вопрос о следах в Албании яфетических племен «мар-ов». Этим именем древнеармянские авторы обозначают мидян. Доклад ставит вопрос о связях народов Кавказа с Мидией.

Секция средневековой истории

Б. Н. Аракелян (Ереван) — «Армянские рельефы IV—VII вв.».

Армянская скульптура IV—VII вв., начало изучения которой было положено Н. Я. Марром, остается недостаточно изученной. Период IV—VII вв. — период становления армянского феодального общества, сложение его идеологии и культуры. Скульптурные памятники местного происхождения известны в древней Армении и от эпох, предшествующих принятию христианства, но значительно большее количество их сохранилось от IV—VII вв. Рельефы на них имеют как геометрический и растительный характер, так и изображают зверей, птиц, людей и отдельные сцены. Предметом доклада являются преимущественно сюжетные рельефы. Сюжеты эти трех категорий — религиозные, светские и символические. В первые века христианства получили широкое распространение рельефы на сюжеты из Ветхого и Нового заветов, это была своего рода наглядная пропаганда нового вероучения. На этих рельефах представлена общехристианская тематика, а также легенды о принятии христианства в Армении, причем в религиозные сюжеты вплетаются светские и языческие представления народных масс. С конца VI в. в общехристианские сюжеты вносятся детали местного характера. Религиозные темы встречаются реже, а в период арабского владычества исчезают вовсе.

Исключительно интересны немногочисленные светские сюжеты, отображающие некоторые стороны жизни феодалов и трудящегося населения. Особенно интересны: сбор винограда на плите из Двина и изображения мастеров — строителей храма Звартноца. Третья категория сюжетов знакомит нас с мифами языческой Армении и Ближнего Востока, перешедшими в христианскую символику, изменяясь соответственно развитию идеологических представлений общества.

Докладчик отмечает общение древней Армении с соседними странами, в результате которого и на памятниках скульптуры прослеживаются элементы, роднящие эти памятники с памятниками грузинскими, сасанидскими, византийскими, арабскими, сельджукскими, в свою очередь воспринявшими вклады армянской культуры. Армянская культура в V—VII вв. достигла значительного развития и находилась на уровне современной культуры Ближнего Востока. Скульптура же Армении лишь в отдельных случаях достигала совершенства, оставшись в целом мало развитой. Развитие армянской скульптуры тормозилось как подчиненностью мастеров рельефов с христианскими сюжетами каноническим правилам и игнорированием ими в связи с этим художественной стороны рельефов, а также антихалкедонитством армян, отрицавшим иконопочитание. Во время арабского владычества многие фигурные рельефы были разрушены и уничтожены, а сюжетная скульптура вообще была запрещена.

Л. Т. Гюзальян (Ленинград) — «Стихи Низами на изразцах XIII—XIV вв.».

На иранских люстровых изразцах конца XIII — начала XIV вв. сохранились надписи, которые наносились на изразцы в системе орнаментов художниками-керамистами. В этих надписях встречаются как стихи из Корана и хадисы (предания, связанные с деятельностью Мухаммеда), так и поэтические тексты. Последние представлены или четверостишиями или отдельными стихами, содержащими определенные сентенции и нравов учения, или же небольшими отрывками из крупных поэтических произведений. В числе последних обнаружено и два отрывка из поэм великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви, чей 800-летний юбилей был отмечен в 1947 г.

Один из отрывков (вероятная дата изразца 1332 г.) содержит $3\frac{1}{2}$ строки (7 полустиший) из поэмы «Хосров и Ширин» и представляет вполне грамотный текст, засвидетельствованный также в некоторых древних рукописях. Другой отрывок (изразец датируется 1258—1261 гг.) содержит 8 строк (16 полустиший) из поэмы «Лейла и Меджнун», и хотя в отношении грамотности письма уступает рукописям, тем не менее содержит более надежный текст, чем последние, выявляя в них лишнюю строку, которая при ближайшем рассмотрении оказывается явно интерполированной.

Судя по аналогиям, можно предполагать, что подобные записи будут обнаружены в значительно большем количестве, и не только в пределах Ирана, но и на территории республик Закавказья и Средней Азии.

Свидетельствуя о популярности Низами в ремесленных кругах средневековья, эти записи являются вместе с тем наиболее ранними фиксациями отрывков из поэм Низами в их наиболее надежных вариантах. Хотя вследствие небольшого объема и записи дают сравнительно очень немного для очистки текста поэм от наслоений и искажений, фигурирующих даже в самых ранних рукописях, они все же могут сыграть значительную роль при выработке методов критики текста.

Н. М. Токарский (Ленинград) — «Датировка архитектурных памятников Армении по орнаментации».

Вопрос о дате архитектурных памятников наиболее просто разрешается на основании сообщений историков и строительных надписей при условии их подлинности и неискаженности. При отсутствии таких данных прибегают к сопоставлению интересующих построек с документально датированными постройками. Орнаментация является одним из надежных критериев при определении дат сооружений памятников древней Армении, но она должна рассматриваться не изолированно, а в комплексе всех характерных черт памятников изучаемого периода. Анализ датированных армянских храмов показывает, что для построек, возведенных до середины VII в., характерны и всегда сопутствуют друг другу: ступенчатое основание, гладкая не расчлененная выступами поверхность стен и купола, большие широкие окна с орнаментированными архивольтами (бровками), входы в виде портиков с фронтонами, зубчатый, арочный или сильно свешивающийся горизонтальный карниз и восьмигранный барабан купола с громповым (коническим) переходом от подкупольного квадрата. Во второй половине VII в. под влиянием только что построенного Звартноца громпы заменяются парусами и в дальнейшем встречаются как исключение; в IX в. в районе Севана число граней барабана, украшенных массивными полуколонками и арочками, увеличивается до двенадцати; наклонный карниз, как в Звартноце, сильно выступает из плоскости стен и покрыт резной корзиночной плетенкой. Одни и те же мотивы резьбы на бровках повторяются в разных сочетаниях на всех памятниках добагратидского времени. Из всех этих особенностей в последующие века переходят только парус, двенадцатигранная форма барабана и наклонный со значи-

тельно уже меньшим выносом карниз. Мотивы резного орнамента VII в. ни в багратидское время, ни позднее более не встречаются. Значит, все недатированные памятники, обладающие перечисленными характерными для VII в. признаками, были построены именно в это время, а не позднее.

Т. А. Измайлова (Ленинград) — «Декоративная аркатура в убранстве фасадов армянских храмов XI—XIII вв.».

В докладе рассматривается группа армянских памятников, фасады которых украшены декоративной аркатурой. Характерна для этих памятников неразрывная традиционная связь с предшествующим культурно-историческим периодом, хотя налицо имеется и целый ряд новых явлений. Наблюдается общее уменьшение масштабов здания, что говорит об изменившихся требованиях к пространству внутри храма. Средствами декоративного убранства делается попытка видоизменить конструктивный облик здания, создав иллюзию значительности его размеров и тем самым приблизить его по внешнему виду к грандиозным соборам X—XI вв., строившимся царями и представителями крупных феодальных родов. Однако памятники этого типа отразили очень ярко также и черты художественного стиля XII—XIII вв. (члененность фасадов, игра светотени, обилие резьбы, известная перегрузка форм).

Традиции, связывающие эти памятники с предшествующей эпохой X—XI вв., сказываются и в рельефах, украшающих фасады некоторых из них. Ближайшие аналогии этим рельефам дает резьба по дереву в багратидских дворцах X—XI вв. и камни с рельефами из древней Кавказской Албании.

Указанные факты позволяют предположить в Армении XII—XIII вв. определенное идеологическое течение, поддерживавшее старую традицию, бытовавшую в среде новой феодальной знати XII—XIII вв., придерживавшейся халкедонитства.

А. Л. Якобсон (Ленинград) — «Из истории армянского средневекового зодчества. Хоракерт и Мшкаванк — два армянских монастыря XIII в.».

XIII век в Армении — это эпоха исключительного расцвета городской культуры, когда талант мастеров, разрывая оболочку феодальной замкнутости, получил небывалую до того свободу творчества. Много индивидуального и в архитектурных памятниках Хоракерта и Мшкаванка.

Оба монастыря находятся в горной и лесистой, трудно доступной области Лори (на севере Армении). Оба состоят из собственно церкви и гавита — полусветского-полуцерковного притвора в виде бесстолбной залы, перекрытой двумя парами взаимно перекрещивающихся арок-нервюр. Храм Хоракерта (Алавердский район) первоначально построен в X—XI в., верхняя часть его надстроена, согласно надписи, в 1251 г. и увенчана ротондой (из 30 шестигранных колонн), звездчатой в плане и перекрытой сводом, который основан на шести перекрещивающихся арках-нервюрах, образующих форму шестиконечной звезды. Композиция эта представляет своеобразный вариант нервюрного перекрытия, очень редкий и в Армении (известен лишь в Арзакане и Хоранашате).

Гавит построен, вероятно, также в середине XIII в. и передает бесстолбную композицию с нервюрным перекрытием вполне выработанного и законченного вида.

Иное решение получила эта архитектурная тема в гавите Мшкаванка (Ноемберянский район), построенном в начале второй половины XIII в. Здесь квадратная зала с нервюрным перекрытием усложнена добавлением с западной стороны узкого пространства, отделенного двумя круглыми столбами, как и в большом гавите Ахпата (начало XIII в.).

Как и в последнем, в центральной части гавита Мшкаванка в уменьшен-

ном виде повторена система перекрещивающихся арок. Это — характерный для армянского зодчества XIII в. прием ритмического повторения основного композиционного элемента. Близость к указанному гавиту Ахпата указывает на влияние архитектуры этого крупнейшего монастыря на зодчего Мшкаванка. Очень интересен также портал гавита и однородный портал церкви, украшенные наборными крестами и звездами из разноцветного камня.

Сама церковь Мшкаванка очень проста (квадратная зала с апсидой, внутри полукруглой), но замечательна оформлением апсидальной части, обработанной ступенчато-поднимающимся карнизом, напоминающим распространенные в Армении XIII в. порталные композиции. Таким образом, восточная стена церкви внутри трактована зодчим как большой портал обрамляющий алтарное полукружие. В этом — своеобразие и индивидуальность здания. В архитектурной обработке церкви сильно сказывается также асимметричность, столь характерная для армянской архитектуры той поры.

Снаружи здание аскетически скромно, но интересно обработкой восточного фасада, где в верхнюю часть креста включено рельефное изображение головы быка, которое находит многочисленные параллели в монументальной армянской скульптуре, начиная с V в., где голова быка нередко выступает в качестве существенного элемента. Это изображение не может быть включено в круг собственно христианской символики. Светская, может быть еще близкая народному пониманию тема быка вошла здесь в сочетание с церковной формой и была как бы освящена ею.

И. М. Джафар-Заде (Баку) — «Археологические раскопки в Бакинской бухте».

Н. В. Минкевич-Мустафаева (Баку) — «Гробницы в усыпальнице ширваншахов».⁶

В рукописи доклада изложены подробные данные о погребениях в пяти гробницах, вскрытых во время реставрации центральной части усыпальницы, сооруженной в старой части г. Баку в 839 г. хиджры (1435/36 гг. н. э.). На основе археологического исследования погребений удалось установить, что два из них являются погребениями матери и сына ширваншаха Халилуллы I, на что указывает надпись над входом усыпальницы. В остальных гробницах, по видимому, захоронены другие члены семейства ширваншахов. Погребенные находились в деревянных гробах; здесь же сохранились остатки устилавших гроб тканей с вытканными стихами на персидском языке, остатки покрова и савана (в погребении малолетнего сына ширваншаха), шелковая рубашка и золотая булава с полудрагоценными камнями (в гробнице юноши). Это первый случай обнаружения одежды в средневековых мусульманских погребениях Азербайджана. Наличие в усыпальнице нетронутых погребений опровергает показания некоторых источников на персидском языке о разрушении могил семейства ширваншаха Халилуллы I войсками шаха Исмаила из династии Сефевидов.

Е. А. Пахомов (Баку) — «Сасанидские памятники Азербайджана».

Докладчик охарактеризовал ряд оборонительных сооружений сасанидского периода, сохранившихся в нагорных районах Азербайджана.

Л. И. Лавров (Ленинград) — «Датировка башни Адюх в Черкессии».

Докладчику удалось найти письменный источник, позволяющий точно датировать боевую башню Адюх (в Черкесской Авт. обл.). Оказалось, что ее построил кабардинский князь Темрюк-Аджи, сын Тамата Кургокина в самом начале 1760-х годов. До настоящего времени никакая другая боевая башня Северного Кавказа (если не считать двух-трех в Дагестане) еще не была датирована так точно и столь поздним временем.

⁶ Доклад не был зачитан на Сессии.

РЕЗОЛЮЦИЯ

(принята научной сессией ИИМК АН СССР и Государственного Эрмитажа, посвященной археологии Закавказья, на заключительном заседании 1 февраля 1948 г.)

Проведенная в Ленинграде с 28/I по 1/II 1948 г. научная сессия, посвященная археологии Закавказья, объединила научные кадры СССР, занимающиеся археологией и историей культуры Закавказья и Северного Кавказа и творчески продолжающие лучшие традиции советского кавказоведения, заложенные Н. Я. Марром и И. А. Джавахишвили.

Доклады, прочитанные научными работниками республик Закавказья и освещающие разнообразные вопросы древней и средневековой истории Кавказа, являются прекрасным показателем единства интересов и научного пути советских ученых, отдающих свои силы изучению истории Кавказа.

Сессия ознакомилась с результатами крупных археологических работ по изучению памятников первобытной культуры Абхазии и Армении, раскопок в Мингечауре, раскопок в Мцхете, проведенных под руководством безвременно скончавшегося акад. С. Н. Джанашиа, в Колхидской низменности, на Кармир-блуре, в Двине и в других районах Кавказа.

В 37 научных докладах, прочитанных на сессии, проявился высокий теоретический уровень работ советских кавказоведов, раскрывших неизвестные ранее эпохи истории народов Закавказья, поднимающих советскую археологию на более высокую ступень научных знаний.

Сессия с большим удовлетворением констатирует рост научных кадров, успешно изучающих под руководством Академий Наук Грузии, Армении и Азербайджана историческое прошлое народов Закавказья.

Сессия отмечает также ценную научную работу, проведенную в Закавказье и на Северном Кавказе научными работниками Ленинграда и Москвы.

Сессия считает желательным проводить ежегодные конференции, объединяющие силы работников в области изучения археологии Закавказья и Северного Кавказа, созывая эти конференции в столицах республик Закавказья, в Москве и Ленинграде.

Сессия считает целесообразным поставить перед Академией Наук СССР вопрос об организации при Институте истории материальной культуры Академии Наук СССР Комиссии по изучению археологии и истории культуры Кавказа, в задачу которой входили бы взаимная информация о проводимых работах, совместное издание трудов и участие в созыве научных конференций.

Сессия считает крайне необходимым издание заслушанных докладов ввиду их большого научного значения. В связи с этим необходимо возбудить ходатайство перед Президиумом Академии Наук СССР о скорейшем опубликовании трудов настоящей сессии.

Сессия выражает глубокую признательность и благодарность президентам Академий Наук Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР Н. И. Мухелишвили, В. А. Амбарцумяну и Ю. Г. Мамед-Алиеву за содействие созыву настоящей сессии и за организацию участия в ней археологов республик Закавказья.

Успехами в археологическом изучении Закавказья советские ученые обязаны заботливому и чуткому руководству ЦК ВКП (б), ЦК КП (б) и правительств союзных республик, проводящих в жизнь сталинскую дружбу народов, и особенно постоянной заботе друга советской науки Иосифа Виссарионовича Сталина.

II. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

*Е. И. КРУПНОВ*К ВОПРОСУ О ПОСЕЛЕНИЯХ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Несмотря на давность изучения древностей Северного Кавказа, одна группа местных памятников материальной культуры не только не получила соответствующего освещения в археологической литературе, но до последнего времени даже не привлекала должного внимания археологов.

Это — памятники, имеющие облик скифской культуры. Только теперь они начинают осознаваться как исторические источники, долженствующие стать отправными при изучении скифской проблемы применительно к Северному Кавказу.

Как выясняется, эта проблема имеет крупное, актуальное значение и для истории всего Северо-Кавказского края, а не только для степей Украины и Подонья, прежде всего потому, что ее решение облегчает задачу изучения определенного этапа или стадии местной истории, стадии, связанной с переходом на высшую ступень хозяйственного и общественного развития, характеризуемую массовым распространением железа, определившим переломный момент в культурном развитии кавказских племен.

Оставляя в стороне все увеличивающиеся числом погребальные комплексы и случайные находки, которые должны явиться предметом специального изучения, рассмотрим в данной статье одну категорию археологических объектов как важнейшую для суждения о быте и хозяйстве носителей местной культуры скифского облика.

Это — поселения и городища. Следует оговориться, что некоторые бытовые памятники со следами скифской культуры, названные городищами, в действительности ими не являются, так как названы они были авторами по внешнему виду и по собранному на них подъемному материалу, часто вместе с более поздним, сарматским материалом.

Поэтому, сохраняя за рядом рассматриваемых памятников название «городища» (например Кубанских), данное первыми исследователями памятников, я считаю это название условным.

Только последующие археологические раскопки могут уточнить истинный характер памятников.

Начнем обзор наших источников с Северо-Западного Кавказа, с Прикубанья и закончим Грозненской областью.

1. Первым памятником материальной культуры, отвечающим нашим целям, может служить Таманское городище (рис. 1).

В ряду только частично обследованных городищ Прикубанья Таманское городище выделяется как обширностью занимаемой площади, так и

мощностью культурных отложений, достигающих в береговых отложениях до 9 м.

Разведочными раскопками, произведенными экспедицией ГАИМК под руководством А. А. Миллера еще в 1930 г., было установлено, что под мощными напластованиями более поздних эпох вплоть до современности, в самом низу, на лёссовидном суглинке залегал культурный слой, давший многочисленные образцы древней, раннескифской керамики.

По мнению А. А. Миллера, «Древнейшее поселение относится здесь к VI веку до н. э.».¹

2. Другим из наиболее западных городищ будет Семибратнее городище. Оно находится в низовьях р. Кубани на левой надпойменной террасе, близ группы Семибратних курганов, в 2 км на запад от станицы Варениковской.²

Впервые небольшие раскопки на городище были поставлены В. Г. Тизенгаузеном³ в 1878 г. В 1937 г. Н. В. Анфимовым на городище были поставлены более широкие раскопки (от Краснодарского музея). Они выявили каменное здание и другие объекты, свидетельствующие об обитании городища с V в. до н. э. до III в. н. э. По автору раскопок, Семибратнее городище является одним из периферийных городов Боспорского царства с синдским населением.⁴

Для нас важен в этих раскопках наглядный пример основания более позднего города (с V в. до н. э.) на древнем скифском или синдском (по автору) поселении.

Встретившееся в самом нижнем слое городища сравнительно большое количество местной скифской керамики «дает (как пишет Н. В. Анфимов) некоторые основания предполагать, что город возник на месте ранее существовавшего здесь скифского поселения... Находки этого слоя в основном представлены фрагментами горл амфор со вздутием, единичными фрагментами чернолаковых сосудов V—IV вв. до н. э. и фрагментами скифской лепной посуды с черным лощением».⁵

В слое и особенно в ямах встречено много костей животных (лошади, коровы, овцы, свиньи и собаки); к сожалению, в статье Н. В. Анфимова не указано их процентное соотношение.

2-а. Городище № 3 у станицы Новоджирелиевской, по словам Н. В. Анфимова, имеет в нижнем ярусе культурного слоя раннескифский слой. Он характеризуется находками черной лощеной керамики и образцами венчиков сосудов, украшенных налепным щипковым орнаментом.

3. По данным Н. В. Анфимова, раннескифский слой имеет и 3-е городище близ станицы Усть-Лабинской, на правом берегу р. Кубани. До разведочных раскопок это городище датировалось римским временем. Общая толщина культурного слоя достигает 3 м. Нижний золистый слой дал обломки сосудов, имеющих соскообразные выступы. Встречены конусообразные глиняные пряслица. Посуда вся лепная, со слабым лощением. Здесь же встречены кости лошади, овцы, свиньи. Слой определяется Н. В. Анфимовым временем не позднее VI в. до н. э.

4. Городище, расположенное в числе семи других более поздних городищ в окрестностях станицы Ладожской, значится под № 8. Оно также

¹ А. Миллер. Таманская экспедиция. Сообщения ГАИМК, № 3, 1931, стр. 28—29.

² Н. В. Анфимов. Новые данные к истории Азиатского Боспора. «Сов. археология», т. VII, 1941, стр. 258—267.

³ ОАК 1878—1879 г. стр. VIII—IX.

⁴ «Сов. археология», т. VII, стр. 266.

Там же, стр. 263.

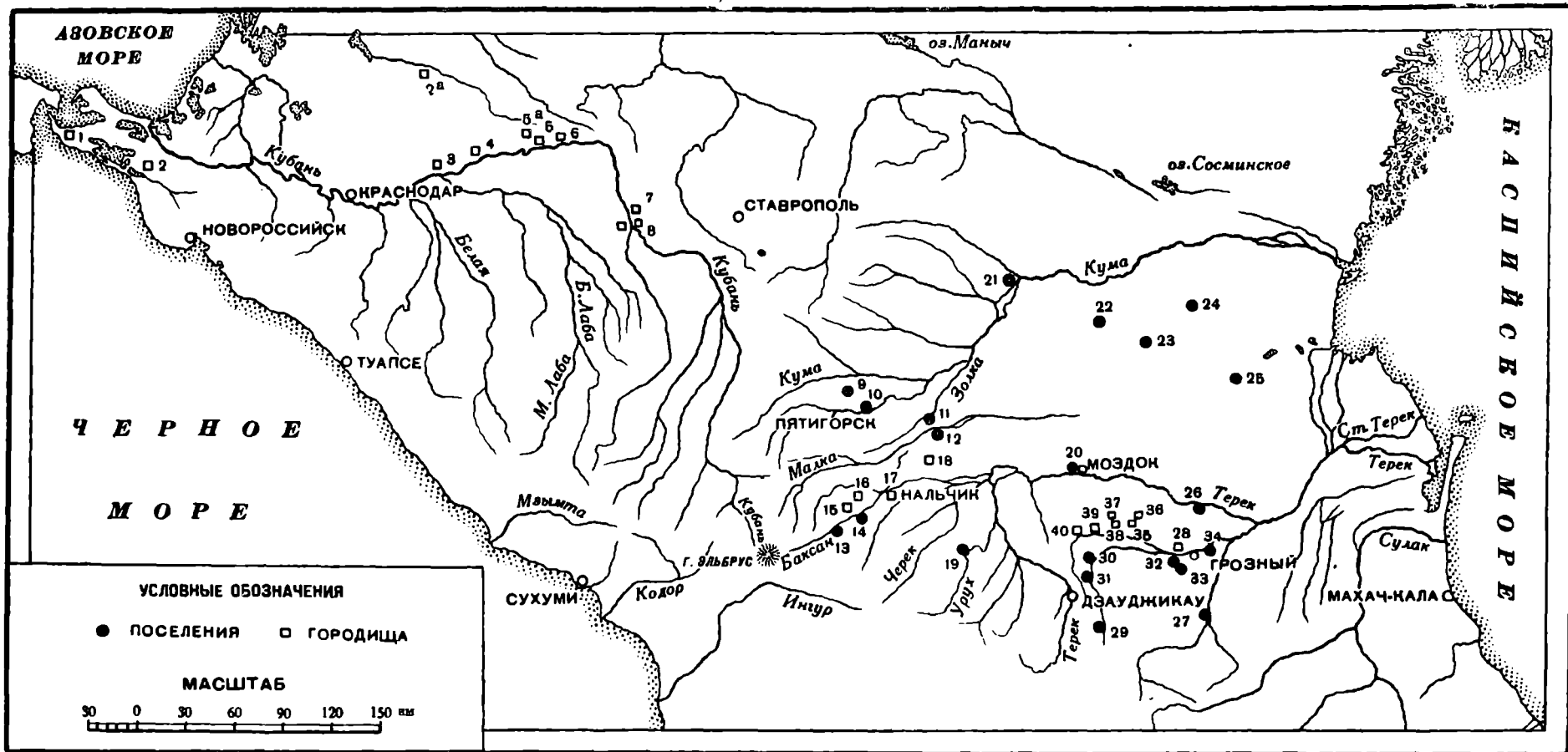

Рис. 1. Карта поселений и городищ Сев. Кавказа VII — V вв. до н. э.

I — поселения; II — городища. 1 — Таманская; 2 — Варениковская; 2а — Новоджирелиевская; 3 — Усть-Лабинская; 4 — Лздожская; 5 и 5а — Тифлисская; 6 — Кавказская; 7 — Прочнокопская; 8 — Армавир; 9 — г. Бештау; 10 — г. Машук; 11 — Зольская; 12 — Марьинская; 13 — Заюково; 14 — Кызбурун I; 15 — Кызбурун II; 16 — Кызбурун II; 17 — Кызбурун III; 18 — Кызбурун III; 19 — Чикола; 20 — Моздок; 21 — Прикумск; 22 — Ачикулак; 23 — Махмут-Мектеб; 24 — Божигап; 25 — Терекли-Мектеб; 26 — Привобережное; 27 — Шаро-Аргун; 28 — Ермоловская; 29 — Первомайское; 30 — Нестеровская; 31 — Алхасты; 32 — 33 — Черноречье; 34 — Старосунженское; 35 — 36 — Б. Закаюртовское; 37 — 38 — Самашкинское; 39 — Слепцовская; 40 — Троицкая.

дало из нижнего зольного слоя лепную, слегка лощеную керамику и кости животных.

5—5а. Почти ту же картину дают и городища № 1 и 6, расположенные в числе шести других городищ близ станицы Тифлисской, также на правой террасе р. Кубани.

6. Городище, самое крупное из всех Кубанских, находящееся близ станицы Кавказской, также значится под № 6. Собранным на городище подъемным материалом и зачисткой обнажений Н. В. Анфимовым была установлена длительность обитания этого пункта. Наиболее древний слой, имеющий золистый состав почвы и давший темную лощеную керамику, фиксирует поселение раннескифского времени.

Керамика, как и в других пунктах, лепная, нередко украшенная налепами. Сосуды грушевидной формы (корчаги). Встречается и нарезной геометрический орнамент.

7. На том же правом берегу р. Кубани находится и городище № 3 Прочноокопское. Оно характеризуется теми же важными для нас признаками, что и вышеуказанные городища.

8. К этой же группе городищ относится и городище, расположенное в окрестностях г. Армавира близ совхоза № 33. Оно многослойно. Нижний слой характеризуется золистостью и находками черно-лощеной керамики.

Дата всех нижних слоев этих городищ, на основании соотношения с верхним эллинистическим и раннеримскими слоями определяется Н. В. Анфимовым VI—V вв. до н. э., с чем нельзя не согласиться.⁶

Следующей является группа неукрепленных поселений, расположенных в Пятигорье.

Скромные данные об этих поселениях можно почерпнуть только из предварительных отчетов Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК 1929 г.⁷

Обследование этой группы памятников было произведено особой партией экспедиции, возглавляемой А. А. Иессеном.

9. Остатки поселения были зарегистрированы А. А. Иессеном на южном склоне горы Бештау, у б. Бештаугорского монастыря, близ г. Пятигорска.

В культурных отложениях были найдены фрагменты керамики с налепами.

Образцом такой посуды может служить опубликованный обломок сосуда с наlepным орнаментом и опоясывающей шейку сосуда змейкой.⁸ И тот и другой прием орнаментации известны в местных памятниках скифского времени, например в материале Нестеровского могильника (рис. 2—3).

10. Особый интерес представляют остатки древнего поселения, расположенного у подножья горы Машука близ самого города Пятигорска. Здесь еще раньше местным краеведом Н. М. Егоровым были обнаружены зольные слои и фрагменты черной керамики, в том числе несколько обломков с белой инкрустацией. Заложением небольшого раскопа была установлена мощность зольного слоя, толщиной около 0.80 м, насыщенного культурными остатками.

«Наличие типичной черной лощеной керамики с геометрической орнаментацией позволяет относить это поселение к эпохе ранних скифов».⁹

11. Значительное и хорошо сохранившееся поселение отмечено вблизи станицы Зольской, открытое в процессе работ на старом, ныне заброшен-

⁶ Все сведения приводятся с любезного разрешения Н. В. Анфимова по данным его доклада, прочитанного в апреле 1947 г. в ГИМ.

⁷ Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК в 1929 г. «Сообщения ГАИМК», № 3, 1931, стр. 26—30.

⁸ Там же, стр. 30.

⁹ Там же, стр. 28.

ном, карьере. Оно отличается мощным и культурным слоем толщиной до 1.60—1.70 м.¹⁰

Культурный слой насыщен золой, костями, углем и многочисленными обломками керамики.

В Пятигорском музее хранится подъемный материал с паспортом «из старого Зольского карьера». Это обломки керамики. Поражает в этом

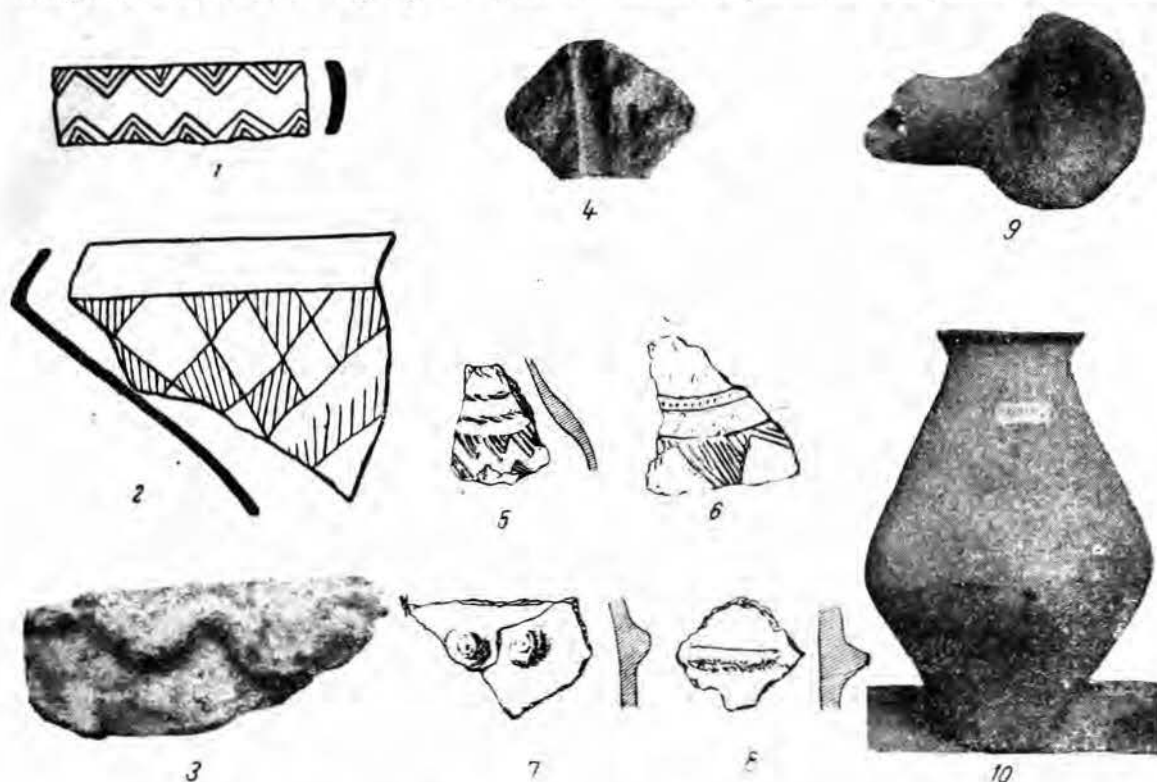

Рис. 2. Керамические изделия из поселений Сев. Кавказа VII—V вв. до н. э. 1—2 — фрагменты инкрустированной керамики из Зольского поселения (н. в.); 3 — обломок сосуда со змеевидным налепом из Нестеровского могильника (н. в.); 4 — глиняное прислице из Алхастинского поселения (н. в.); 5—8 — фрагменты орнаментированной керамики из Алхастинского поселения (1/2 н. в.); 9 — глиняная дьячка из Нестеровского поселения (3/4 н. в.); 10 — глиняный сосуд из Моздокского поселения (1/2 н. в.).

материале чрезвычайное разнообразие форм сосудов, технических приемов изготовления их и орнаментации.

По обломкам можно предполагать следующие формы: а) крупные грушевидные сосуды (корчаги) типа Моздокских (рис. 2—10); б) миски; в) горшки почти баночной формы и г) чашки. Вся посуда лепная, но сделана отлично. Большинство сосудов хорошо выложено. Цвет посуды и светлый и черный, но со многими даже желтыми оттенками, обусловленными неровностью обжига. Орнаментака двух типов, преобладает нарезной, геометрический орнамент. Реже встречается налепный, шипковый. Геометрический довольно разнообразен по узорам: встречается косошахматный, с заштрихованными треугольниками, параллельными бороздками и др. (рис. 2—1, 2).

12. Остатки небольшого поселения расположены южнее станицы Марьинской на правом берегу р. Малки, почти напротив с. Куба.

Культурные обнажения, сохранившиеся на небольшой площади, содержали значительное количество обломков керамики эпохи поздней бронзы и раннескифского времени.¹¹

¹⁰ Там же, стр. 30.

¹¹ Там же, стр. 29.

Группа аналогичных поселений была выявлена разведочными работами А. А. Иессена в 1934 г. и на территории Кабарды.¹²

13. На одном из городищ, расположенных на правом берегу р. Баксана, напротив с. Заюкова, отличающихся мощностью культурных отложений более поздних эпох, отмечен и слой, давший керамику, украшенную характерным резным геометрическим орнаментом и небольшими ямочками А. А. Иессен датирует этот слой рассматриваемым нами временем.¹³

14. Примером подобных поселений служит и поселение у с. Кызбуруна I. Оно расположено на краю речной террасы на совершенно ровном и открытом месте. В обрезах замечено много золы, костей и обломков хорошо выраженной керамики 3-й стадии древней истории Кавказа (по автору) «галштаттской».¹⁴ Культурный слой тянется по обнажению террасы на протяжении около 200 м.

15—16. Отмечены следы двух аналогичных поселений на левом берегу Баксана близ с. Кызбурун II. Интересующий нас слой, так же, как на Заюковском городище, был скрыт более поздними городищенскими наслоениями.

17—18. Наиболее яркими из серии подобных памятников Кабарды являются еще два поселения, расположенные почти на границе степи. Одно из них находится в 5—6 км южнее с. Кызбурун III и также скрыто под более поздним городищенским слоем, другое — на левом берегу ручья Псариша в 6—7 км северо-западнее с. Баксан. Оно залегает под слоем городища.¹⁵

Эти городища Кабарды мощностью культурных отложений и разнообразием заключенного в них материала относятся к различным историческим периодам и заслуживают серьезного внимания в плане изыскательных работ по истории края.

19. На территории Северной Осетии можно указать на один пункт, более, чем вероятного местонахождения раннескифского поселения — это с. Чикола (б. Магометановское). При сооружении здесь Дигорского канала в 1935—1937 гг. на трассе было собрано множество бронзовых наконечников стрел раннескифского типа, пряслиц, керамики, зернотерок и других предметов.¹⁶

20. В 1935 г. экспедицией ГАИМК были произведены археологические работы в районе ж.-д. станции Моздок на территории железнодорожных карьеров.¹⁷

В южном обресе одного карьера были открыты выходы культурного слоя.

Площадь поселения равнялась 150 × 200 м. Культурные остатки начинались с глубины 0.20—0.30 м от дневной поверхности и шли до глубины 1.20—1.50 м. Культурный слой состоял из окрашенного перегноем в темный цвет лёссовидного суглинка с массовыми включениями в него слоями золы и древесного угля. Места скопления золы сопровождаются большим количеством культурных остатков в виде керамики, зернотерок и иных поделок из камня, костей домашних животных, птиц, рыб и створок раковин.

Керамика представлена обломками сосудов разнообразных форм и размеров. Среди них следует отметить: большие сосуды высотой до 0.80 м

¹² Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг. Изд. ИИМК АН СССР, Л., 1941, стр. 220—239.

¹³ Там же, стр. 220

¹⁴ Там же, стр. 228.

¹⁵ Там же, стр. 228.

¹⁶ Материал хранится в Сев. Осетинском музее краеведения в г. Дзауджикау.

¹⁷ Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. Изд. ИИМК АН, СССР, Л., 1941, стр. 238—242.

(рис. 2-10), сосуды горшечной формы высотой до 0.20—0.30 м, иногда с наlepным валиком, расположенным по плечикам; сосуды в форме миски с высоким дном и краем, загнутым внутрь, диаметром до 0.20 м, небольшие кувшинчики с ручкой¹⁸ и т. п.

Керамика этих типов определяется как раннескифская.

Никаких остатков жилищ раскопками не обнаружено. Однотипный и довольно устойчивый характер вещественного материала позволил автору отчета ограничить время существования Моздокского поселения VI—IV вв. до н. э. Там же на карьере частично А. А. Миллером, а еще раньше в 1933 г. и в 1936 г. Б. Б. Пиотровским¹⁹ был исследован и могильник, давший инвентарь (особенно керамику), аналогичный материалу, найденному на поселении. Таким образом связь описанного поселения с более широко известным Моздокским могильником²⁰ VI в. до н. э. несомненна.

21. Следующим объектом можно считать поселение, исследованное В. А. Городцовым еще в 1907 г. на месте развалин г. Маджары близ г. Прикумск (б. Святой крест).

На участке города, называемого Островом, В. А. Городцов обнаружил зольный холм высотой менее 1 м и диаметром около 30 м. Разрытая часть зольника дала кости лошади, коровы, овцы, челюсти собаки, а также обломки керамики и глиняные пряслица. «Вся посуда принадлежала к одному виду керамики, имела черный цвет, иногда блестящий снаружи и только в исключительных случаях покрывалась простым орнаментом». ²¹ Здесь дается довольно точная характеристика керамики скифского типа. Но судя по опубликованному отчету В. А. Городцов находил возможность в какой-то степени сравнивать ее и с керамикой, добытой на тут же раскопанном грунтовом могильнике. Одновременно эту группу керамики он сопоставлял с керамикой «зольников Полтавской губернии», с которой он только что перед этим имел дело при изучении Бельского городища. По видимому, какая-то часть несохранившейся керамики и скорее всего встреченная со скорченными погребениями действительно имела сходные черты с лощеной керамикой Бельского городища.

22—25. Сюда же я склонен приписать и поселения, о наличии которых сигнализирует массовый подъемный материал, собранный экспедицией ИИМК и ГИМ в 1946—1948 гг. в северных степных полупустынных районах Грозненской области, в окрестностях сс. Ачикулак, Махмут-Мектеб, Божиган и Терекли-Мектеб.

Обследование песчаных выдувов вблизи сс. Махмут-Мектеб, Божиган и Терекли-Мектеб дало множество находок наконечников раннескифских стрел, глиняных пряслиц, обломков керамики, зернотерок и других вещей, неоспоримо свидетельствующих о том, что значительная часть их безусловно происходит не только из разветренных курганов, но и из разрушенных природой края древних поселений.

26. Древнее поселение было открыто А. П. Кругловым в 1936 г. у б. с. Али-Юрт (ныне Правобережное) на правом берегу р. Терека, почти напротив станицы Николаевской.²² Собранная на поселении керамика изготовлена без гончарного круга. Поверхность многих черных сосудов хорошо вылощена. Встретился и обломок черного лощеного сосуда, орнаменти-

¹⁸ Там же стр. 240.

¹⁹ Там же, стр. 242—248.

²⁰ Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Моздокский могильник. Гос. Эрмитаж, Л., 1940.

²¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 г. Труды XIV Арх. съезда в Чернигове в 1909 г., т. III, 1911, стр. 162—208.

²² А. П. Круглов. Археологические раскопки летом 1936 г. Записки Научно-иссл. ин-та языка и истории, т. I. Грозный, 1938, стр. 3—31.

рованного пересекающимися линиями, образующими треугольники и ромбы.²³

27 Аналогичное же поселение было обнаружено А. П. Кругловым в предгорной полосе Грозненской области. Оно расположено на левом берегу р. Аргуна, против места впадения р. Шаро-Аргуна.²⁴

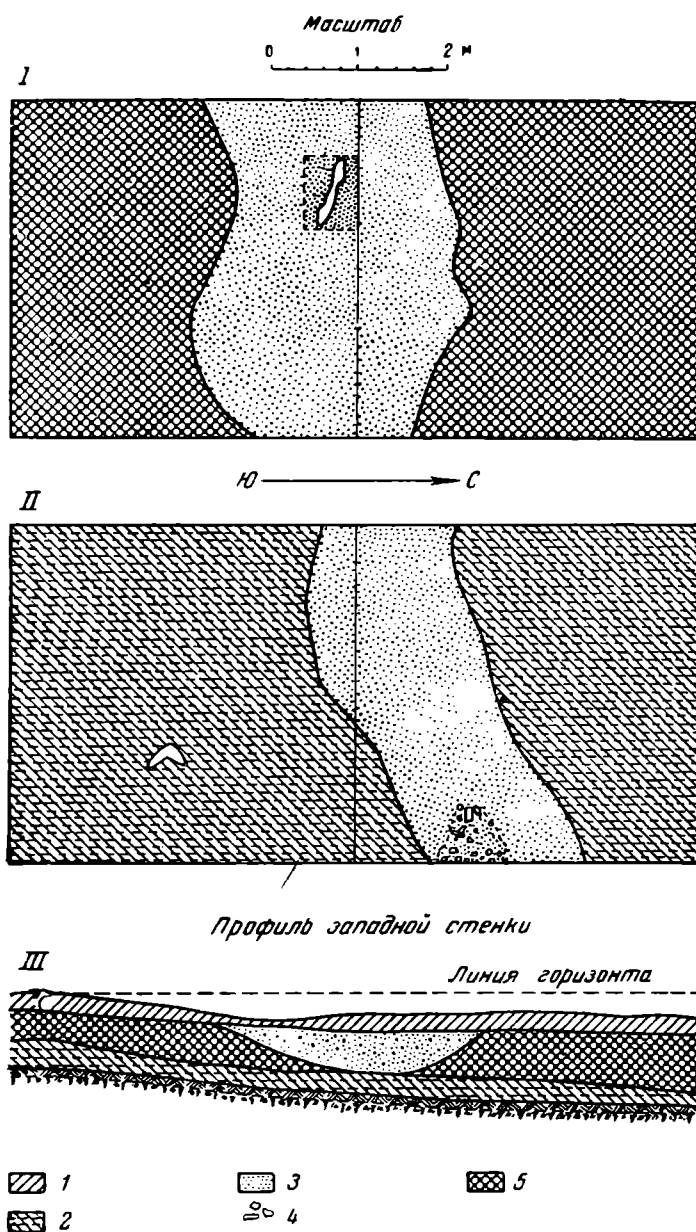

Рис. 3. План и профиль раскопа на Нестеровском поселении (раскопки 1946 г.):

I — пол 2-го слоя; II — пол 3-го слоя; III — профиль западной стенки.
1 — почвенный слой; 2 — суглинок; 3 — зольный слой; 4 — куски обожженной глины; 5 — погребенная глина.

В обрыве берега прослежен мощный культурный слой, достигающий полутора метра в толщину. Он тянется на протяжении 250 м. В обрыве видны прослойки горелой глины и золы, большое количество керамики и костей животных. Особо следует отметить фрагменты баночных сосудов, орнаментированных наlepным валиком под краем венчика с защипами.²⁵

28. Одним из интереснейших археологических объектов Грозненской области является большое городище, расположенное вблизи станции Ермоловской на левом берегу р. Сунжи. Оно находится в окружении большой группы курганов, относящихся к различным эпохам.

Ермоловское городище известно еще со времени работ под с. Грозным А. А. Бобринского в 1886—1888 гг. В советские годы оно было обследовано работавшими от Грозненского музея Т. М. Минаевой в 1944 г. и Н. И. Штанько. В обнажениях городища был собран керамический материал, указывающий на наличие на этом памятнике и

раннескифского слоя. Весьма характерна орнаментация сосудов наlepными валиками, сосцевидными выступами и валиками, украшенными щипковым орнаментом.

²³ Там же, стр. 9.

²⁴ Там же, стр. 13.

²⁵ Там же, стр. 13.

29. Поселение скифского времени было открыто сотрудниками Грозненского музея краеведения в 1946 г. в глубине Ассинского ущелья вблизи с. Первомайского (б. Мужич). Собранный Н. И. Штанько подъемный керамический материал повторяет только что перечисленные типы скифской керамики.

Это поселение, с зольником и культурным слоем толщиной более 0.5 м, частично было исследовано экспедицией ИИМК АН СССР 1948 г.; но по техническим причинам данные раскопок в этой статье не могли быть использованы.

30. Аналогичное поселение было обнаружено экспедицией ГИМ и ИИМК в 1940 г. у выхода из Ассинского ущелья, вблизи станицы Нестеровской.²⁶ Оно находится на верхней террасе правого берега р. Ассы. На поселении расположен распаханый зольник, давший наибольшее количество находок вещей и костей животных. Раскопками в 1940 и 1946 гг. была установлена толщина культурного слоя — около 0.60 м. Были открыты остатки очагов, возможно даже глинобитных печей (рис. 3). Найденный на поселении материал: глиняные льячки (рис. 2-9), типа льячек Дьяковской культуры, несколько железных орудий труда (шилья, зубила), обломки каменных зернотерок, глиняные пряслица, глиняные сита-цедилки (рис. 4-7) и керамика (горшки, миски, чарки) темная, лощеная, часто украшенная налепами, зашипами и нарезным орнаментом (рис. 4-2—8) — позволяет уверенно сближать поселение с кругом памятников степной скифской культуры, а на основании прямых аналогий в материале с соседним Нестеровским могильником, датировать Нестеровское поселение VI—V вв. до н. э.

Любопытную картину дает костный материал из Нестеровского поселения, собранный нами и определенный В. И. Цалкиным. 89 экземпляров определенных костей животных распределились таким образом:

1) крупный рогатый скот	44 кости
2) мелкий рогатый скот	20 костей
3) свинья (без подразделения на дикую и домашнюю)	18 костей
4) лошадь	4 кости
5) собака	3 кости

Кстати отмечу, что подобный материал, собранный на территории Нестеровского могильника, который я органически связываю с этим поселением, сохранял то же соотношение.

31. Наибольший интерес представляет древнее поселение, расположенное в 6 км к югу от станицы Нестеровской в том же Ассинском ущелье. Оно находится на первой террасе левого берега р. Ассы, вблизи поселка Красно-Октябрьского (бывш. с. Алхасте).²⁷

Протяженность его не превышает 0.5 км. Интересной особенностью этого поселения является наличие на нем крупного зольного холма, давшего наибольшее количество находок.

Алхастинское поселение было открыто экспедицией ГИМ и ИИМК АН СССР в 1937 г. и в течение 1938—1939 гг. подверглось исследованию. Вскрыта площадь около 400 кв. м.

Поселение имеет культурный слой, достигающий 1—1.10 м, он делится по материалу на два яруса или горизонта, верхний более мощный (0.60—

²⁶ Е. И. Крупнов. Северо-Кавказская археологическая экспедиция. КС ИИМК АН СССР, вып. XVIII, М.—Л., 1947, стр. 104.

²⁷ Труды ГИМ, вып. XII, М., 1941, стр. 161—175.

0.65 м) и нижний (до 0.40 м), связывающийся с разными хронологическими периодами, начиная от эпохи поздней бронзы.²⁸ Никаких стерильных прослоек слой не содержал.

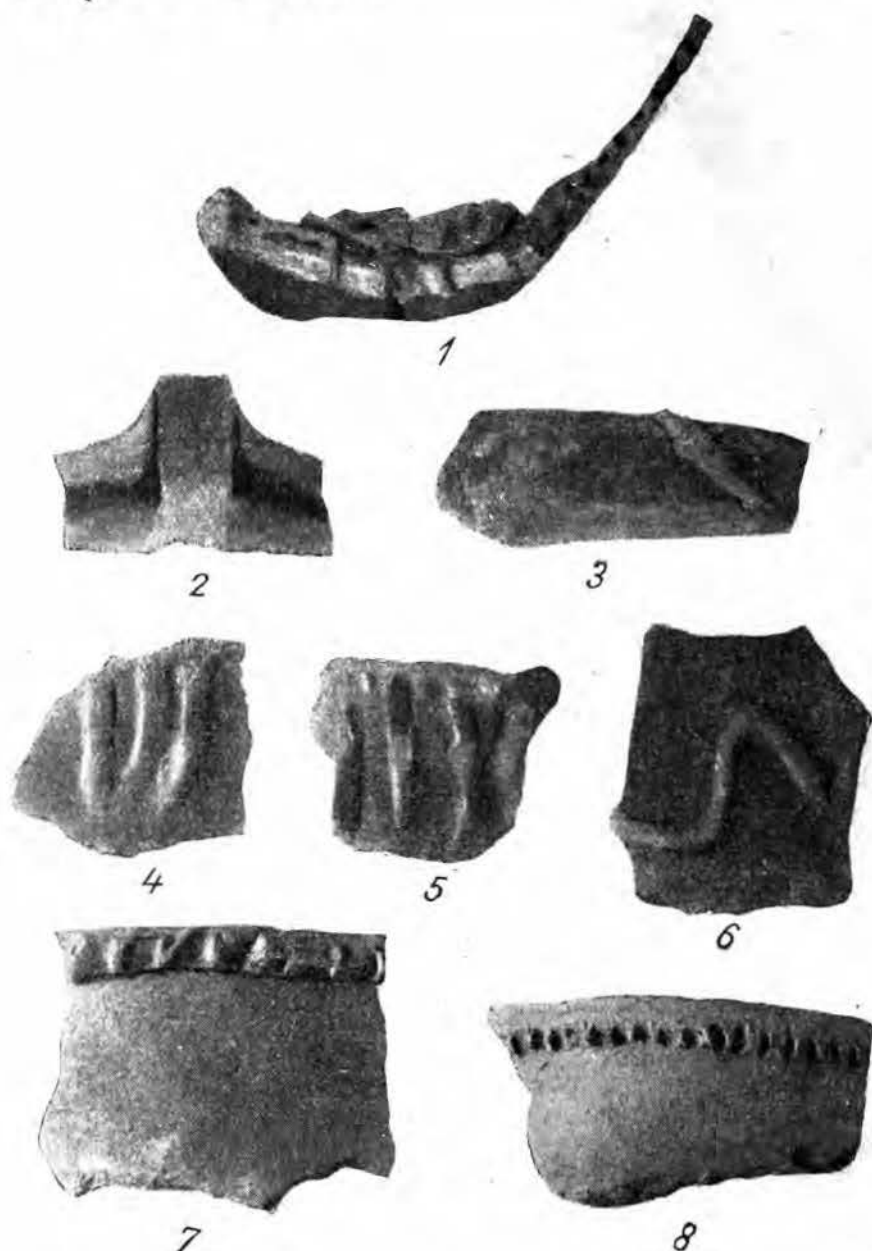

Рис. 4. Образцы керамики из Нестеровского поселения ($1/2$ н. в.).

В нашем аспекте особый интерес представляет состав находок из верхнего яруса или горизонта.

Определенная группа находок, как глиняные пряслица почти биконической формы (рис. 2-4), обломки зернотерок и, особенно, разнообразная по форме керамика, орнаментированная нарезным геометрическим узором, налепами и защипами (рис. 2-5—8) позволили мне эту группу отнести к раннескифской поре (VII—VI вв. до н. э.). Основанием для этой дати-

²⁸ Более подробная характеристика Алхастинского селища дана мною в кандидатской диссертации, часть которой напечатана в Трудах ГИМ, вып. XVII, 1948.

ровки послужил аналогичный материал с известных памятников Украины²⁹ (как Бельское городище и др.) и Северного Кавказа, как памятники Пятигорья³⁰ (гробницы у «Чеснок Горы» близ кол. Каррас), Моздокский могильник³¹ и другие.

Интересную картину рисуют и находки костей животных из верхнего горизонта Алхастинского поселения. Весь остеологический материал, по определению покойного Н. А. Сугрובה, распределялся следующим образом:

Домашние животные:

1) Свинья (без подразделения на дикую и домашнюю)	199 костей (12 особей)
2) Крупный рогатый скот	126 костей (8 особей)
3) Мелкий рогатый скот	50 костей (6 особей)
4) Лошадь	25 костей (4 особи)
5) Собака	3 кости (1 особь)

Дикие животные:

1) Косуля	3 кости (2 особи)
2) Олень	3 кости (1 особь)
3) Лисица	1 кость (1 особь)
4) Хомяк	5 костей (1 особь)

Следовательно, остеологический материал дает нам то же соотношение видов домашних животных, какое мы наблюдали по материалу Нестеровского поселения.

32—33. К разряду открытых поселений раннескифского времени, характеризующихся золистым составом культурного слоя и обломками керамики с соскообразными выступами, относятся два поселения, расположенные в Черноречье, на правом берегу р. Сунжи, к юго-западу от г. Грозного.

34. Наиболее характерным из подобных поселений, судя по подъемному материалу, собранному Н. И. Штанько и хранящемуся в Грозненском музее, является Старо-Сунженское поселение (в 2—3 км к северо-востоку от Грозного).

Не менее интересен подъемный материал с больших городищ, расположенных по левому берегу Сунжи к западу от Грозного. Все они лежат на старых высоких террасах р. Сунжи. Это:

35—36. Два городища близ с. Пригородное (б. Закан-Юртовское).

37—38. Два городища у станицы Самашкинской.

39. Одно крупное по размерам городище в районе станицы Орджоникидзевской (б. Слепцовской) и

40. Одно городище близ станицы Троицкой.

По словам Н. И. Штанько, посетившего эти городища в последние годы, все они имеют мощные культурные слои от 1 до 2 м толщины. В срезках обнажений заметна многослойность. Среди собранного подъемного материала выделяются обломки керамики с налпами, зашипами и змеевидными валиками скифского типа. В 1947—1948 гг. сотрудниками Грозненского музея М. П. Севостьяновым и Н. И. Штанько было открыто еще 7 поселений и многослойных городищ. Золистые слои их характе-

²⁹ Труды XIV Арх. съезда, т. III, 1911, стр. 103—207.

³⁰ Д. Я. Самоквасов. Могила русской земли, М., 1908, стр. 123.

³¹ Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Моздокский могильник. Гос. Эрмитаж, Л., 1941, стр. 49.

ризовались керамикой скифоидного облика. К сожалению, подробные данные о них, любезно предоставленные мне указанными лицами, уже нельзя привести в данной статье.

Таковы те общие данные, которые мы имеем о 40 городищах и поселениях Северного Кавказа скифского времени. К сожалению, пока их только и можно положить в основу для наших суждений о характере этих памятников, о быте и хозяйстве их насельников и о времени их бытования.

В итоге нашего обзора можно с еще большей уверенностью сказать, что ни один из них в действительности ранним городищем не является. Ни в Прикубанье, где их больше всего обнаружено, и где все они и называются «городищами», ни тем более в восточных районах — Кабардино-Пятигорья и Грозненской области мы не знаем ни одного примера, когда была бы установлена безусловная связь интересующего нас культурного слоя с городищенскими валами или рвами.

Наоборот, как мы видели из приведенной полевой документации, культурные слои, содержащие элементы скифской или «скифоидной» культуры всех Кубанских городищ, Зяюковского городища, Кызбурунских городищ Кабарды, Ермоловского и других городищ Грозненской области, залегают под иногда мощными напластованиями более поздних эпох — эллинистической, а чаще раннеримской, когда впервые и сооружались оборонительные укрепления. Все же остальные объекты являются открытыми поселениями. Сам характер вышеперечисленных памятников как поселений — несомненен. При этом на большинстве из них в силу каких-то, пока невыясненных, причин, примерно с начала IV в. до н. э. жизнь прекращается.

Из этого мы можем сделать заключение, что в рассматриваемый период (VII—V вв. до н. э.) местные племена, обитавшие в предгорных районах Северного Кавказа и на прилегающих к ним участках степи, жили на открытых, неукрепленных местах.

Это типичные небольшие первобытные селища и поселения, которые ни в какое сравнение не могут идти ни с Бельским, ни с Немировским, ни с каким-либо иным скифским городищем Украины.

Солидная же толщина культурного слоя, установленная на большинстве поселений Северного Кавказа (достигающая иногда до 1,5 м) с несомненностью доказывает оседлость обитателей этих поселков.

При толщине культурных отложений от 0,5 м до 1,5 м (на Зольском, Моздокском и других поселениях) и при наличии особых зольников почти на всех поселениях трудно предполагать временный характер данных поселков и кочевой образ жизни их обитателей.

Золистые холмы вблизи жилищ создаются медленно и только при длительном обитании на одном месте человеческого коллектива, в котором практикуется обычай ссыпать золу вблизи жилищ в одном месте.

Еще В. А. Городцов, исследуя Маджарский зольник, выяснил у местных жителей, что обычай сыпать золу в определенном месте был широко распространен у народов нашего степного юга от Украины (Полтавщина) до Предкавказья.³² По его словам, у караногайцев принято каждой семьей ссыпать золу в определенное место в 5—10 м от своего жилища. «Чем больше холм, тем больше почета главе семьи».³³ Действительно, такое же объяснение множеству зольных холмов вблизи домов караногайского поселка Кара-тюбе пришлось услышать и мне от учителя местной школы во время работы экспедиции 1947 г. в окрестностях с. Ачикулак Грозненской области.

³² Труды XIV Арх. съезда, т. III, 1911, стр. 207.

³³ Там же.

Обилие и значительность зольных холмов, особенно в степной полосе, объясняется еще и видом местного топлива — соломой или сухим степным бурьяном («верблюжатник», «перекати-поле» и пучки «полыни») — которое заготавливается на зиму населением целыми скирдами и стогами. Дрова никогда не дадут столько золы, сколько солома или бурьян, сжигаемые здесь в невероятных количествах.

Самый же факт перехода обычая каждой семьей насыпать свой зольный холм в семейную традицию, сохранившуюся до наших дней, конечно, мог иметь место только в оседлом обществе, каким являются современные скотоводы-населенники предкавказских степей и какими мне представляются и прежние обитатели этих мест.

При временном проживании на одном месте даже большого человеческого коллектива в течение одного десятка лет в местных условиях не может не только сохраниться сыпучий зольный холм, но даже образоваться более или менее заметный культурный слой. А мы имеем слои более 1 м толщины, как на Моздокском, Прикумском и других поселениях и зольники более 1 м высотой.

Они должны были быть неминуемо развеяны столь обычными здесь сильными ветрами «суховеями». А если они и сохранились, то только благодаря очень длительному обитанию людей на одних и тех же местах.

Мы знаем из истории о существовании полукочевого быта народов в прошлом. Такими были, например, все адыго-черкесо-кабардинские племена на Северо-Западном Кавказе накануне русского завоевания Кавказа. Их быт характеризовался частыми переносами жилищ и отсутствием прочной связи населения с определенными пунктами.

Граф Потоцкий, посетивший предкавказские степи в самом начале XIX в., указывал, что кабардинцы обитали на одном месте не более 4—5 лет.³⁴ Об этом же свидетельствовали Семен Броневский,³⁵ Шаховской³⁶ и другие.³⁷

В этих условиях трудно отложиться культурному слою или образоваться значительному зольному холму.

А ведь у кабардинцев скотоводство было ведущей отраслью хозяйства, особенно коневодство. И не с коневодством ли в первую очередь и нужно связывать отмеченный полукочевой характер хозяйства и быта кабардино-черкесских племен? Конские табуны требуют для выпаса гораздо больших участков степи да и удерживать их на ограниченной территории несравненно труднее, чем стада рогатого скота, особенно мелкого.

И не случайно, конечно, при множестве подкурганых погребений Северного Кавказа, которые обычно связываются с адыго-кабардинским этническим массивом, мы не знаем синхронных им мест поселений.

Есть еще одна важная черта, характеризующая материальную культуру полукочевых народов, какими были кабардинцы позднего средневековья. Это отсутствие в обиходе кабардинцев глиняной посуды собственного производства.³⁸ Оказывается, в сравнительно недавнем прошлом кабардинский народ не знал гончарного производства. И действительно, погребальные комплексы, начиная с XIV—XVI вв., отличаются отсутствием глиняной посуды. До сих пор кабардинский язык имеет только

³⁴ J. Potocki. Voyage dans les Steppes d'Astrakhan et du Caucase, т. I, Paris, 1829, p. 177.

³⁵ С. Броневский. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе, том II, М., 1823, 86—87—91.

³⁶ Г. А. Кокиев. Мало-Кабардинские поселения в XVI—XVIII вв. на Сев. Кавказе. Уч. Каб. н.-и. ин-та, Нальчик, т. II, 1947, стр. 34.

³⁷ «Русский Инвалид», № 35, 1822, стр. 139.

³⁸ Материалы и исследования по археологии СССР, № 3, Л., 1941 г. стр. 274, прим. 2.

одно слово для всего разнообразия посуды — это заимствованное слово «кувшин».

Думается, что бескерамический характер хозяйственного быта кабардинского народа находился в прямой зависимости от их действительно полукочевого быта.

Но исследуемые нами селища и городища дают большие зольные холмы и довольно мощные культурные напластования, богатые керамическими находками, что раньше всего и документирует оседлость их населения.

Я особенно подчеркиваю это положение потому, что в соответствующей кавказоведческой литературе³⁹ памятники рассматриваемого нами периода приписываются кочевым или полукочевым племенам Северного Кавказа, проходившим так называемую «скифскую стадию» местной истории, у которых конь якобы играл наиболее крупную роль в хозяйстве и в быту.⁴⁰

Как мы видели из показаний остеологического материала Алхастинского и Нестеровского поселений, наиболее распространенным видом домашних животных у местных племен рассматриваемой поры был крупный рогатый скот, затем — мелкий (овца, коза) и только третье место занимала лошадь.

При таком явном преобладании крупного и мелкого рогатого скота трудно говорить об особой, заметной роли коня в быту местных племен, а тем более о кочевом характере их хозяйства и быта.

На скотоводство, как основу хозяйственной деятельности древних племен предгорий Кавказа, раньше всего и указывает документированный костный материал с исследованных памятников изучаемого периода. При этом и в местных условиях скотоводство, пусть даже преимущественно овцеводство, совсем не обязательно должно предполагать кочевой или полукочевой быт.

Если мы обратимся к кавказской этнографии, то убедимся, что сохранившийся до последнего времени так называемый «эйлажный» тип скотоводства (именно овцеводства), бытующий у народов Северного и Южного Кавказа, совсем не характеризуется полным отрывом временных кочевий стад от постоянного пункта проживания основной массы населения.

Отгон стад на пастбищные участки носит исключительно сезонный характер, осуществляется сравнительно небольшим числом пастухов (чабанов) и совершенно не вовлекает всю массу населения, которое живет оседло в горах или на равнине в определенных и постоянных пунктах.

Никто никогда не называл «полукочевниками» (в этом смысле) грузин, осетин или некоторых дагестанских народов, издавна практикующих сезонные перегоны овечьих стад летом на горные пастбища, а зимой — на подножный корм — в степи. Это — оседлые горцы Кавказа, основой хозяйства у которых было скотоводство в сочетании с довольно развитым земледелием.

Таковыми представляются мне в общих чертах и обитатели тех поселений, которые мы выше рассмотрели.

В пользу же земледелия, которое наряду со скотоводством было развито у племен Северного Кавказа в скифский период, говорят как многочисленные обломки плоских каменных зернотерок, так и определенные формы глиняной посуды, как горшки почти баночной формы и крупные грушевидные сосуды для хранения зерна (рис. 2—10).

В своей производственной деятельности люди, конечно, всемерно использовали окружающую их природную обстановку. На западе, например

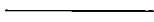
³⁹ А. А. Миллер. Десять лет работы ГАИМК в Сев.-Кавказском крае. Сообщения ГАИМК, №№ 9—10, 1932, стр. 62.

⁴⁰ Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Моздокский могильник. Гос. Эрмитаж, Л., 1940, стр. 31.

в Прикубанье, где реки особенно богаты рыбой, обитатели древних синдско-меотских поселений занимались и рыболовством. Это доказывается множеством рыбных костей в слоях Кубанских⁴¹ и аналогичных памятниках Подонья.⁴² В восточных же районах, повидимому, такую же подсобную роль играла охота, о чем свидетельствуют кости оленя, дикой свиньи, косули и других диких животных, зарегистрированные нами при исследовании Нестеровского и Алхастинского поселений.

Но и там и здесь основными ведущими формами хозяйства было скотоводство и земледелие при безусловной оседлости населения Северного Кавказа, проходившего так называемую «скифскую стадию» своей истории.

Таков второй вывод, к которому мы приходим, исходя из анализа наличных данных об указанных поселениях Северного Кавказа.

---

⁴¹ Н. В. Анфимов. Новые данные к истории азиатского Боспора. «Сов. археология», вып. VII, Л., 1941, стр. 266.

⁴² А. А. Миллер. Северо-Кавказская экспедиция 1924—1925 гг. Сообщения ГАИМК, т. I, Л., 1926.

А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Гос. Эрмитаж, Л., 1947, стр. 78, 80.

Г И. И О Н Е

ГОНЧАРНЫЕ ПЕЧИ ДРЕВНЕГО МИНГЕЧАУРА¹

Археологической экспедицией Академии Наук Азербайджанской ССР в Мингечауре в течение 1946—1947 гг. найден ряд важнейших памятников материальной культуры древнего Азербайджана. Обширный могильник, содержащий восемь различных типов погребений, огромное количество гончарных и металлических изделий и других предметов характеризует богатство и разнообразие культурных напластований, отложившихся в Мингечауре за период с XIII—X вв. до н. э. и до XIII—XV вв. н. э.²

В числе многочисленных и разнообразных памятников найдены печи для обжига гончарных изделий.

Гончарные печи в Мингечауре были открыты на правом и левом берегах р. Куры. На правом берегу они обнаружены вблизи друг от друга и почти все находятся на небольшой площади по юго-восточной окраине древнего могильного поля. Такое сосредоточение печей на сравнительно небольших площадях дает основание предполагать, что обследуемые нами районы представляют собой древние центры местного керамического производства.

Общим и характерным для обследованных здесь пяти печей является единая конструктивная схема. В горизонтальном плане печи прямоугольны; в вертикальном же разрезе (по нашей реконструкции) корпус каждой печи, повидимому, был близок к форме усеченной пирамиды. Каждая печь сконструирована из двух камер, расположенных одна над другой (нижняя — топочное отделение и верхняя — камера обжига), и канала тяги. Такой комбинацией двухъярусного размещения камер была создана единая рациональная тепловая система, основанная на принципе движения тепловых потоков вверх.

В состоянии лучшей сохранности и наиболее типичной по своей конструкции является печь № 3 (рис. 5), обнаруженная на глубине 1 м от дневной поверхности земли.

Прямоугольная в плане печь длинными сторонами (ок. 5.6 м) ориентирована с северо-востока на юго-запад. Ее малые стороны (длина их ок. 4.6 м) имеют некоторую кривизну.

Кладка стен корпуса печи возведена без фундамента. Устойчивость достигнута тем, что значительной частью корпус печи был впущен в мате-

¹ Из доклада, прочитанного на заседании секции античной истории Научной сессии ИИМК АН СССР и Гос. Эрмитажа, посвященной археологии Закавказья (обзор работ сессии см. выше).

² С. М. К а з и е в. Об археологических раскопках в Мингечауре. Доклады АН Азерб. ССР, т. II, вып. 10, 1946, стр. 446—449.

рик. Благодаря тому что весь нижний ярус и часть верхнего отделения печи № 3 находились ниже уровня поверхности, площадь быстрого излучения тепла сокращалась; а стены корпуса, которые были облицованы снаружи необожженным саманным кирпичом, соприкасаясь с материком, состоящим

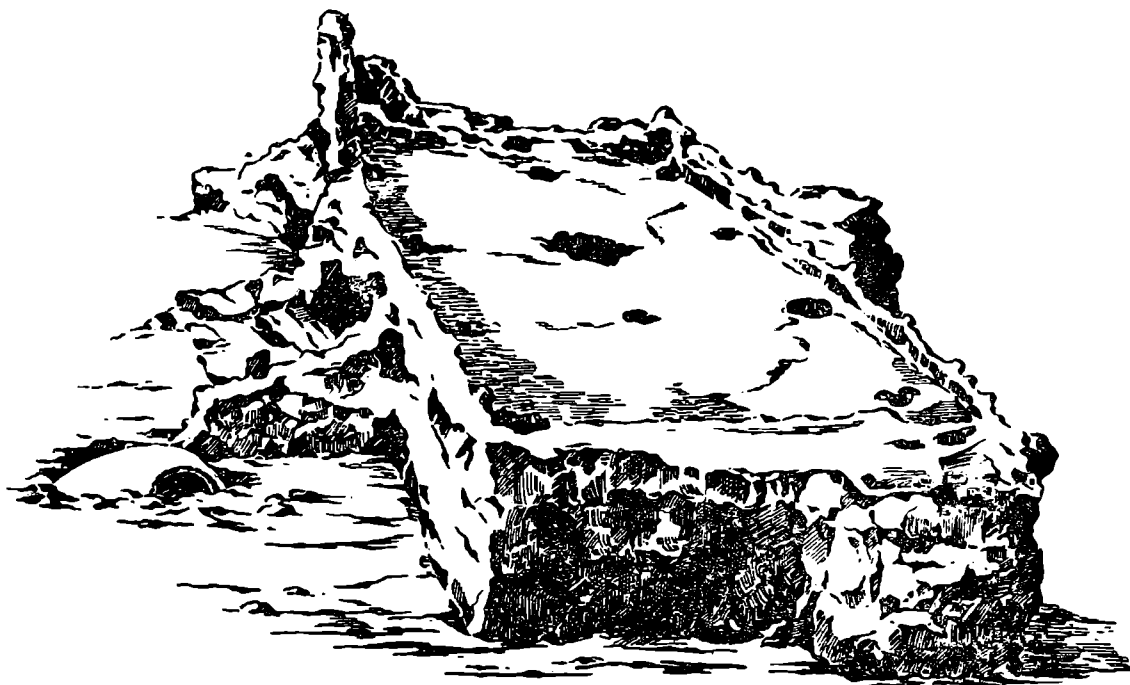

Рис. 5. Общий вид печи № 3

из плотно слежавшейся зеленовато-серой глины, приобретали хорошо изолированную среду, значительно сокращавшую непроизводительные потери тепла и обеспечивавшую равномерность охлаждения, чем достигался тепловой режим, необходимый в процессе обжига.

Корпус печи сконструирован из двух камер, расположенных в два этажа-яруса по принципу печей с восходящим вверх пламенем (рис. 6).

В верхней камере печи помещались гончарные изделия и происходил основной процесс их обжига (рис. 6-1).

Нижняя камера, вместе с каналом топки и дополнительным сооружением — вытяжным каналом, в описываемой конструкции имела назначение топочного отделения.

Внутри топочной камеры, на некотором расстоянии друг от друга, по всей длине (ок. 4.5 м) размещено четыре пары прямоугольных столбов-устоев, которые одной плоскостью примыкают к продольным стенам. Они возведены непосредственно от необлицованных, т. е. грунтовых срезов котлована, специально вырытого для топочной камеры в нетронutom материковом пласте. Устой по площади их оснований не равны — две центральные пары более массивные (рис. 6-2) (0.7×0.8), чем крайние устои (0.4×0.6). На высоте 1.20 м каждая пара устоев завершается примитивными арочными сводами, которые образуют кирпичные плиты размерами $50 \times 50 \times 12$ см, попарно сведенные вместе.

Кирпичные блоки установлены на торец с некоторым наклоном так, что, упираясь в верхнюю плоскость устоев одними концами, смыкаются в замок арки другими, образуя при этом угол стрелки, равный 110°

Таким образом, своеобразным размещением арок создано несколько продольно-поперечных промежутков, являющихся системой жаропроводных каналов, с помощью которых огненное пламя равномерно распределялось на всю обогреваемую площадь.

Пространство между устоями и проёмами арок образует внутри камеры продольный центральный канал, который проходит по всей длине топочного отделения. Топочный канал в северной части печи имеет ширину около 0.6 м, к противоположному (южному) концу он постепенно суживается до 0.4 м. От него по западной стороне отходят пять, а по восточной четыре ответвления, являющиеся поперечными жаропроводными каналами шириной около 0.3 м. Они образованы междуарочными промежутками.

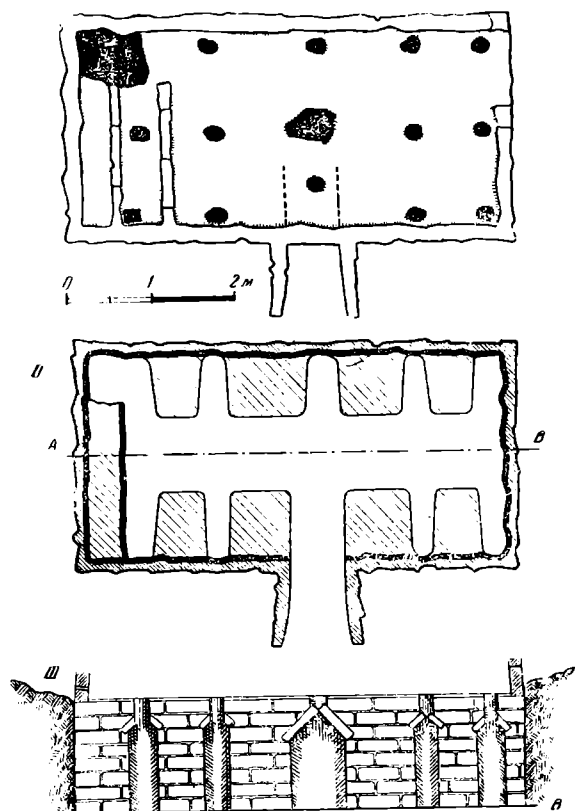

Рис. 6. План печи № 3.

I — камера обжига; II — топочная камера; III — вертикальный разрез по оси АВ.

в виде канала-раструба, перекрытого сверху примитивным арочным сводом, выступало от корпуса печи не менее чем на 2.5 м. У входного отверстия или жерла оно имело ширину около 1.5 м. Выход устья проходит между двумя парами поперечных жаропроводных ответвлений и приходится против центральных массивных устоев. Ширина его в этом месте около 0.75 м.

Боковые стены топочного устья шириной 0.5 м сложены из разнокалиберных кусков кирпичных плит; повидимому, при возведении стен были использованы не стандартные блоки, а бой, оставшийся после сооружения главного корпуса. Это подтверждается тем, что в кладке стен нет ни одной целой кирпичной плиты.

На высоте 1.20 м стены, так же как и устон арок топочной камеры, завершались примитивным арочным перекрытием, образованным кирпичными плитами размером $50 \times 50 \times 12$ см, попарно сведенными вместе под углом 110°

Дно топочного устья без какой-либо облицовки проложено прямо по грунту. Оно имеет некоторый наклон, начинающийся от порога, т. е. у жерла, и направлено внутрь топочной камеры. Наклон был придан, повидимому, с целью облегчения подачи топлива. Вся площадь дна была покрыта слежавшимся до твердости засохшей глины, нетолстым (0.05—0.07 м)

ночной четыре ответвления, являющиеся поперечными жаропроводными каналами шириной около 0.3 м. Они образованы междуарочными промежутками.

Топочное устье, или ввод, через который подавалось топливо и поступал воздух, необходимый в процессе горения, сооружено с восточной стороны корпуса печи, т. е. направлено в сторону, менее подвергнутую действию ветров, господствующих в Мингечауре, благодаря чему топочное отделение было предохранено от задувания.

Касаюсь устройства топочного устья, считаем необходимым оговориться, что точных, подлинных размеров мы привести не можем потому, что значительная часть его разрушена.

От топочного устья печи № 3 сохранилось четыре неполных ряда кладки боковых его стен.

Верхние перекрытия топочного устья сохранились только в той части, которая примыкает к корпусу печи.

Топочное устье, сооруженное

слоем золы, под которым грунтовый пласт сохранил следы действия огня и был местами прокален и обожжен на глубину 0.10—0.15 м.

Как уже было отмечено выше, нижняя топочная камера отделена от верхнего яруса горизонтальным разделом.

Опираясь на своды арок топочной камеры (рис. 7) горизонтальный раздел толщиной около 0.20 м перекрывает ее на уровне верхних стыков «замков» арочных стрелок, являясь одновременно «потолком» для нижней

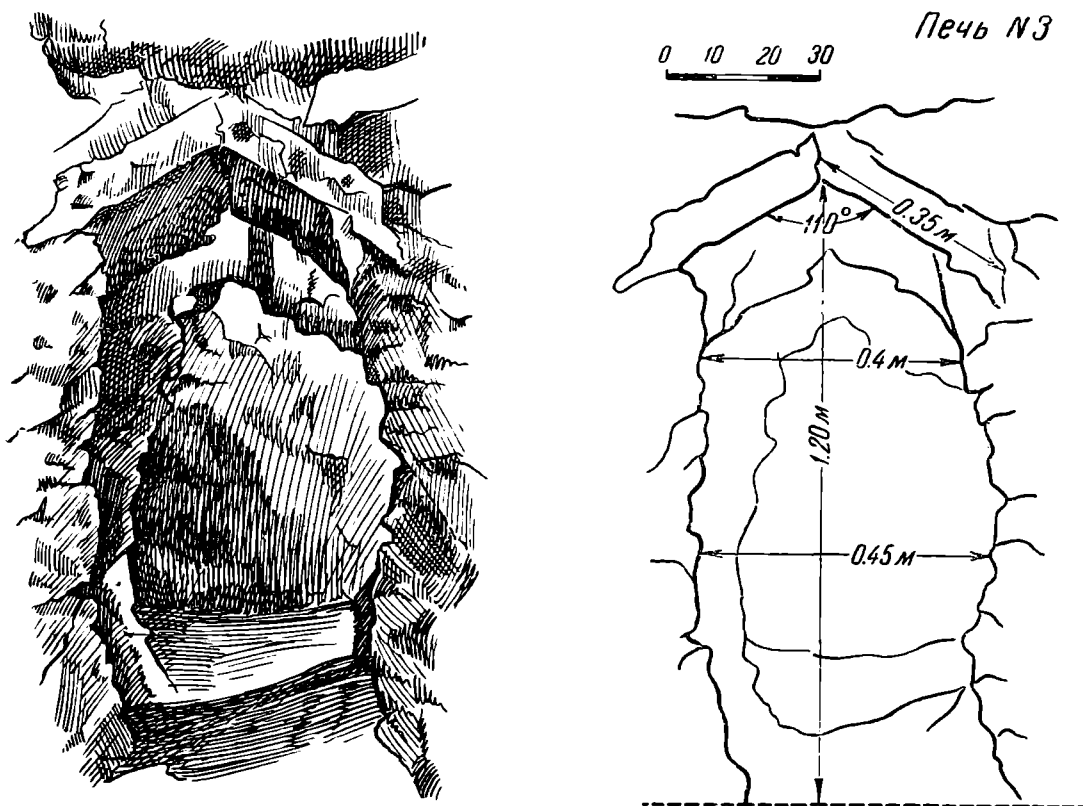

Рис. 7. Арочное перекрытие устоев печи № 3 (южная часть).

камеры и подом верхнего яруса. Выяснить технику перехода от арочных сводов к горизонтальной плоскости пода без разрушения печи было невозможно, и этот вопрос не получил разрешения. Установить принцип устройства перекрытия все же удалось путем аналогии при обследовании печи № 4.

В перекрытии имеется 14 сквозных вертикальных проемов, так называемых «продухов» или жаропроводных отверстий, диаметром 0.14—0.20 м, расположенных рядами и совмещенных с системой топочных и жаропроводных каналов так, что пять из них совпадают с центральным каналом, а остальные, по одному продуху, находятся над продольными отверстиями и топкой. Расстояния между отверстиями неравные и колеблются от 0.5 до 1 м. Посредством этих жаропроводных отверстий была создана взаимосвязь между нижней и верхней камерами.

От корпуса верхнего яруса сохранились основания стен, по которым и произведена реконструкция.

Камера обжига, по всем данным, в первоначальном виде представляла сооружение с трапециевидными стенами, возведенными с наклоном (ок. 10°), направленным внутрь камеры. Наклон стенам, надо полагать, был придан по двум причинам: с одной стороны, потому, что такие стены лучше отражают восходящие потоки пламени внутри камеры, с другой,— наклонные, трапециевидные стены по мере их удлинения от основания

сужаются и сближаются кверху и тем самым уменьшают площадь для перекрытия.

Стены сооружены из сырцовых саманных кирпичей, уложенных на плоскость в один ряд и получивших достаточно хороший обжиг уже в процессе производства. Кладка кирпичей была скреплена раствором, в обожженной массе которого различаются следы выгоревших стебельков растений и мелкие зерна речного галечника. Повидимому, тесто было изготовлено из глины с примесью рубленой соломы и речного песка.

Характерно, что и в кладке стен камеры обжига также не обнаружено стандартных блоков. Стены возведены из кирпичей, по форме напоминающих бруски различных размеров; так, например, в нижнем основном ряду уложены кирпичи размерами $0.52 \times 0.15 \times 0.12$; $0.45 \times 0.13 \times 0.10$; во втором ряду кладки $0.4 \times 0.12 \times 0.07$; $0.25 \times 0.10 \times 0.07$ м и т. д.

Однако, несмотря на разные размеры кирпича, плоскости стен внутри камеры достаточно ровные. Все шероховатости и неровности были обращены наружу. Стены с наружной стороны, судя по аналогии с другими печами, по-видимому, были выравнены дополнительной подмазкой и облицованы сырцовыми блоками.

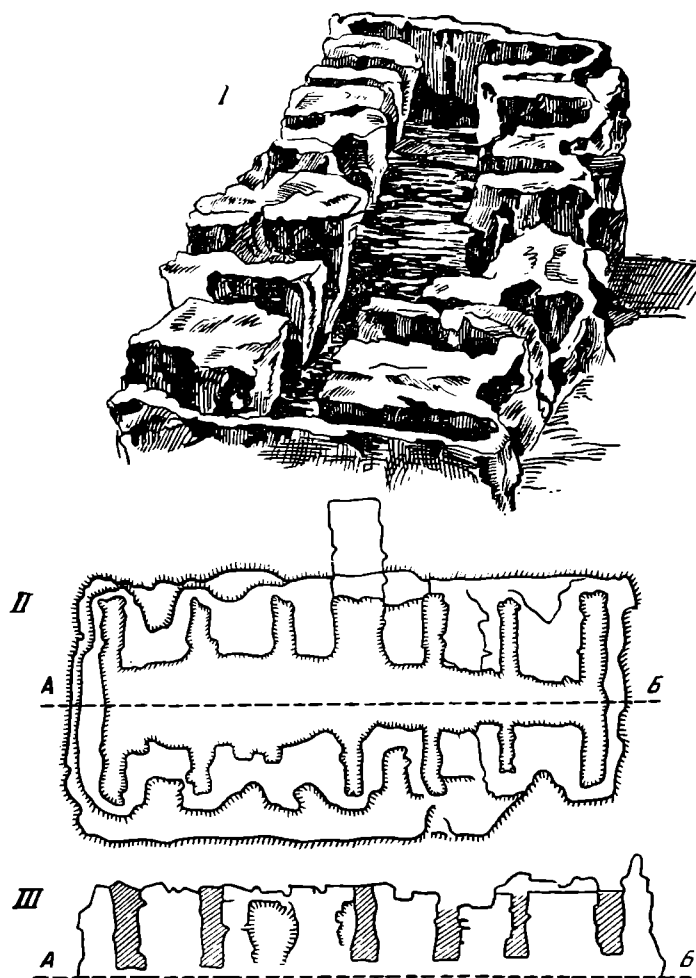

Рис. 8. Печь № 2.

I — общий вид топчного отделения; II — план; III — вертикальный разрез по оси АБ.

Внутри камеры плоскости стен и под покрыты штукатуркой. Слои облицовочной массы толщиной 0.05 м был нанесен без инструмента, т. е. рукой, о чем свидетельствуют следы от пальцев, хорошо сохранившиеся на обожженной поверхности штукатурки. Тесто для штукатурки было изготовлено из глины с большой примесью соломы. В результате воздействия огня на штукатурку в глиняной массе солома выгорела, а глина, получив обжиг, образовала плотный пористый покров, необходимый для сооружения подобного назначения.

При дальнейшем обследовании остатков стен мы пришли к выводу, что три стены — восточная, южная и западная — были совершенно глухими, потому что с южной стороны печи находится вытяжной канал, с восточной стороны — устье топки; на западной стене не обнаружено никаких проемов.

Северная стена имела у северо-западного угла проем шириной в 1 м, около которого остались две кирпичные плиты, уложенные с наружной стороны в уровень с подом обжигательной камеры и образовавшие площадку (1×0.5 м). Этот проем является так называемым загрузочно-выгрузочным ходом или лазом, через который камера загружалась изделиями, предназначенным для обжига. Высоту и контур загрузочного лаза определить не удалось.

Верх камеры, повидимому, имел глухое перекрытие.

Основными условиями для осуществления рационального обжига являются: медленное и постепенное повышение температуры, поддержание продолжительное время вокруг обжигаемых изделий равномерной тепловой среды; медленное снижение температуры в момент охлаждения обожженных изделий и т. д. Скачкообразное изменение температуры, резко отражающееся на тепловом режиме внутри камеры, вызывает порчу предметов — изделия лопаются без всякого внешнего воздействия. Поэтому для сохранения постоянного теплового режима «камера во время процесса обжига должна представлять замкнутое, изолированное от внешнего воздушного пространства помещение, обладающее свойством минимальных бесполезных потерь тепла».³

Это достижимо только двумя способами: или обжигательное помещение покрывалось сверху на время обжига, что применимо для печей небольших размеров, или оно имело постоянный свод, что, вероятнее всего, и было у печи № 3. Наличие специального вытяжного канала для воздушной тяги и выхода отработанных топочных газов убеждает нас в правильности вывода о том, что верх камеры обжига был перекрыт.

Вытяжной канал сконструирован в южной стороне печи за камерой обжига в виде прямоугольной узкой камеры (шириной около 0.45 м), прилегающей вплотную к камере обжига и сообщаемой с ней и с центральным топочным каналом посредством проемов или дымоходов. Внутренние стены вытяжного канала покрыты густым слоем копоти.

Таково в общих чертах устройство печи № 3, вскрытой нами на древнем могильном поле в Мингечауре. Не останавливаясь на описании других печей, находящихся в худшей сохранности, чем рассмотренная печь № 3, следует остановиться на характеристике печи № 6, обнаруженной на левом берегу Куры.

Печь № 6 по конструкции относится к группе двухъярусных печей и является новой их разновидностью. Конструктивная схема в принципе тождественна конструкции правобережных печей, но имеет ряд существенных особенностей.

Одной из главных отличительных черт нужно считать форму ее корпуса — печь № 6 в плане приближается к сильно вытянутому эллипсу (рис. 9). Такую форму ей придают, главным образом, продольные стены (длина их около 7 м, направление с северо-запада на юго-восток), имеющие ярко выраженную кривизну дуг. Поперечные стены (длина северо-восточной стены 1.27 м, а противоположной ей юго-восточной — около 1.4) почти прямолинейны, а имеющаяся незначительная кривизна их незаметна.

Характерной особенностью стен корпуса является то, что они не отвесны, а возведены с некоторым наклоном книзу и внутрь сооружения, что при вертикальном разрезе как по продольной, так и поперечной оси придает внешнему контуру корпуса очертание равнобедренной трапеции, обращенной большим основанием кверху.

Наклон стены получили в результате своеобразного приема в технике

³ В. Ф. Гайдукевич — Античные керамические обжигательные печи. ОГИЗ, М.—Л., 1934, стр. 40.

кладки, примененного строителями в зависимости от строительного материала. Стены возведены из глинобитной массы.

При постройке стен в массу глинобита для большей прочности уложили черепки обожженных гончарных изделий, куски раздробленного кирпича, шлаков, сколы от глыб мелкозернистого песчаника, речную гальку и даже кости животных. Стены возводились с опорой на вертикальные сре-

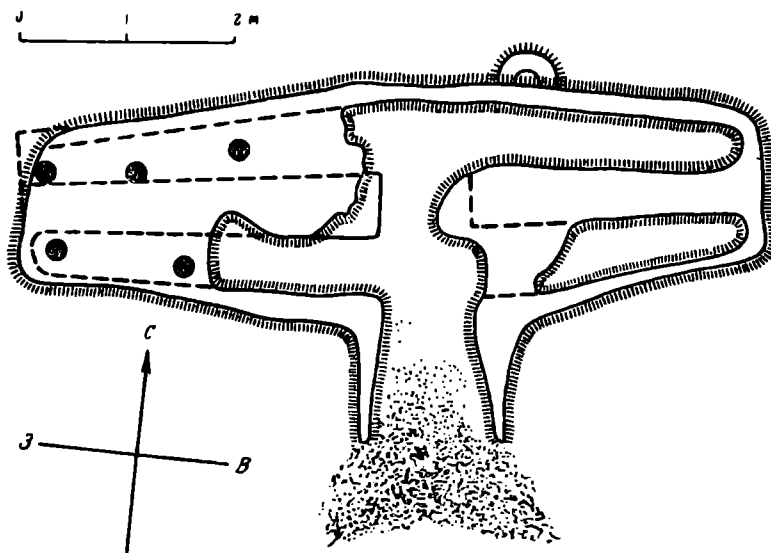

Рис. 9. План печи № 6.

зы котлована, при этом для большей устойчивости основание стен было уложено значительно толще (0.4 м), чем верхняя часть (0.1 м), от чего стены имеют наклон внутрь камер.

Таким образом, вследствие некоторого наклона стен и значительной кривизны продольных сторон, топочная камера, т. е. нижняя сохранившаяся часть корпуса напоминает лодку или длинное узкое корыто, округлые бока которого образуют в центральной части корпуса расширение ок. 2.5 м (рис. 9).

Жаропроводная система топочной камеры рассматриваемой печи отличается от системы топочного отделения прямоугольных печей, а по конструкции более примитивна.

Внутри корытообразного корпуса топочной камеры вместо одного продольного центрального топочного канала с отходящей от него сетью боковых ответвлений — поперечных жаропроводных каналов (см. конструкцию печи № 3), печь № 6 имеет два продольных канала.

Посредине топочной камеры, через всю ее длину, проходит узкая стена. Она возведена из кусков сырцовых блоков, не имеющих одного определенного стандартного размера. Плиты уложены на плоскости горизонтальными рядами и скреплены глиной, имеющей в массе рубленую солому и речной песок. Толщина стены около 0.7 м. Она делит топочную камеру надвое и вместе с длинными стенами корпуса образует два промежутка шириной в центральной части 0.6 м, которые сужаются к противоположным концам до 0.35 м. Промежутки при данной системе являются продольными каналами.

Упомянутая стена, находясь в середине топочного отделения и имея протяженность на всю длину камеры, кроме того, выполняла главную функцию своего назначения, а именно функцию основной опоры или подпорной стены, на которую ложилась вся тяжесть горизонтального раздела.

Горизонтальный раздел печи № 6, как и каждый раздел двухъярусных печей, является одновременно для топочной камеры верхним перекрытием и подом для камеры обжига. Устройство его очень простое. Сырцовые блоки различных размеров, уложенные вплотную друг к другу, с опорой на верхние срезы стен плоскостями, обращенными книзу, перекрывали промежутки продольных каналов, а плоскостями, обращенными кверху, образовывали площадку пода, которая была оштукатурена глиной с большой примесью соломы. Толщина его вместе с облицовочным слоем — 0.2 м. В нем имеются продухи круглого сечения (диаметром ок. 0.2 м), размещенные друг от друга на расстоянии 0.8 м; число их приблизительно около 18. Точнее о количестве жаропроводных отверстий сказать ничего невозможно, потому что под в большей своей части разрушен.

В конструкции топочного устья печи № 6 много общего с устройством топливника печи № 3.

Все обследованные нами печи действовали на дровах. В осмотренных отвалах золы, которыми заполнены участки, примыкающие к печам, обнаружено много древесного угля. Сухое древесное топливо для Мингечаура являлось наиболее дешевым и, пожалуй, единственным, тем более, что и в настоящее время Мингечаур окружен со всех сторон девственными лесами. В заключение считаем необходимым остановиться на вопросе о хронологических основах в датировке обжигательных печей и, в частности, на вопросе датировки печей Мингечаура.

Обнаруженные в Мингечауре печи могут быть причислены по конструкции к так называемым античным или позднееримским двухъярусным печам.

В капитальном исследовании античных керамических обжигательных печей, проведенном В. Ф. Гайдукевичем,⁴ гончарные печи с округлым корпусом, открытые и обследованные им в Керчи и Фанагории в 1929—1931 гг., датированы на основании керамики, монет и других предметов IV в. н. э.

Исследователь при этом отмечает, что круглые печи применялись в производстве одновременно с печами прямоугольной формы — это во всяком случае совершенно установлено для римского времени.

Выводы, сделанные В. Ф. Гайдукевичем, подтверждаются целым рядом других исследований. Так, например, трудами Лудович в Пфальце были раскрыты места бытовых находок римской керамики и обнаружено свыше 130 гончарных печей, частью круглых, частью прямоугольных, отнесенных по типу к позднееримскому периоду.

В работе А. Л. Якобсона «Гончарные печи средневекового Херсонеса»⁵ указывается, что прямоугольные печи позднееримского типа были обнаружены в Западной Германии, в Рейнской области и т. д.

Таким образом, начальную историческую грань можно отнести к III—IV вв. н. э.

Тип обжигательных печей с двухъярусным округлым или прямоугольным корпусом, с кладкой стен из сырцовых или саманных блоков без каких-либо существенных изменений в основной схеме конструкций, продолжал бытовать и в последующие века, вплоть до средневековья (IX—XII вв. н. э.).

Ссылаясь на указанную работу А. Л. Якобсона, можно привести в качестве примера печи, обнаруженные в Херсонесе в 1914 г., которые отнесены исследователем к периоду XI—XII вв. н. э. Печи, открытые в 1932 г. близ с. Мадара в Болгарии, датированы IX—X вв.⁶

⁴ В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч.

А. Л. Якобсон. «Гончарные печи средневекового Херсонеса». КС ИИМК, вып. X, 1941, стр. 53—63.

⁶ А. Л. Якобсон. Ук. соч.

Следовательно, исторический период существования печей, у которых верхний ярус является камерой обжига, а нижний ярус топочной камерой с более или менее сложной системой топочных жаропроводных каналов, исчисляется несколькими столетиями (IV—XII вв. н. э.).

В настоящее время мы располагаем достаточным числом доказательств, позволяющих более или менее точно датировать обнаруженные нами печи.

В процессе раскопок, при расчистке правобережных печей, добыто большое количество фрагментов глиняных сосудов красного цвета различных оттенков (рис. 10).

В числе их: а) фрагменты погребальных урн и больших хозяйственных кувшинов типа закавказских «кюп»;

б) фрагменты тонкостенных глубоких чаш сферической формы, имеющих характерную вдавленность в центре днища;

в) фрагменты плоских — тарелкообразных мисок с петлеобразными ручками;

г) ручки, фрагменты горловин, втульчатые и флажковые носики небольших узкогорлых кувшинов;

д) фрагменты глиняных статуэток, изображающих женские фигурки;

е) пряслица, грузила и т. д.

Перечисленные фрагменты, различные сосуды и предметы представляют типичные образцы глиняных изделий, встреченных при археологическом обследовании древнего могильного поля в Мингечауре в инвентаре кувшинных погребений. Допуская предположение о том, что те или иные предметы могли попасть в печи случайно, вместе с мусором, которым заполнялись печи на протяжении последующего времени, следует обратить внимание на факт отсутствия в числе предметов фрагментов керамических изделий или других каких-либо предметов, характерных для более раннего периода или более позднего — средневековья. Вне всякого сомнения то, что правобережные печи перестали существовать значительно раньше средневекового периода и, по всей вероятности, сохранились в том состоянии, в каком они оказались после разрушения.

Интересно, что при дополнительном обследовании участков, примыкающих к месту раскопок печей, не обнаружено погребений, разрушенных или носящих следы повреждений, причиненных строителями печей, хотя район нахождения печей представляет собой участок, густо заполненный одним из видов древних захоронений, погребениями в кувшинах. Полная сохранность и нетронутость погребений, находящихся в одном культурном слое вместе с капитальными сооружениями, возможны только в одном случае, а именно: строители печей, безусловно, избирали территории, на которых меньше всего можно было нарушить погребения своих родичей, а такой выбор участков, тем более на территориях, соприкасающихся с могильным полем, был доступен только современникам, хорошо знавшим планировку своего поселка и места погребений.

Постройку того или иного сооружения строители могли приблизить к границам могильного поля, но нельзя допустить, чтобы они согласились на кощунственное разрушение могил своих близких, — поэтому нами и не обнаружено ни одного погребения, разрушенного печами.

Погребения на этих территориях были совершены в последующее время. Несколько обследованных печей было разрушено позднейшими погребениями в кувшинах. В этом отношении особенно наглядным является состояние печи № 5.

Полуразрушенная нижняя часть ее корпуса оказалась окруженной со всех сторон восемью кувшинными погребениями. Некоторые из них вплотную примыкали к ее стенам и более того, отдельными сосудами из погребального инвентаря врезались в кладку стен.

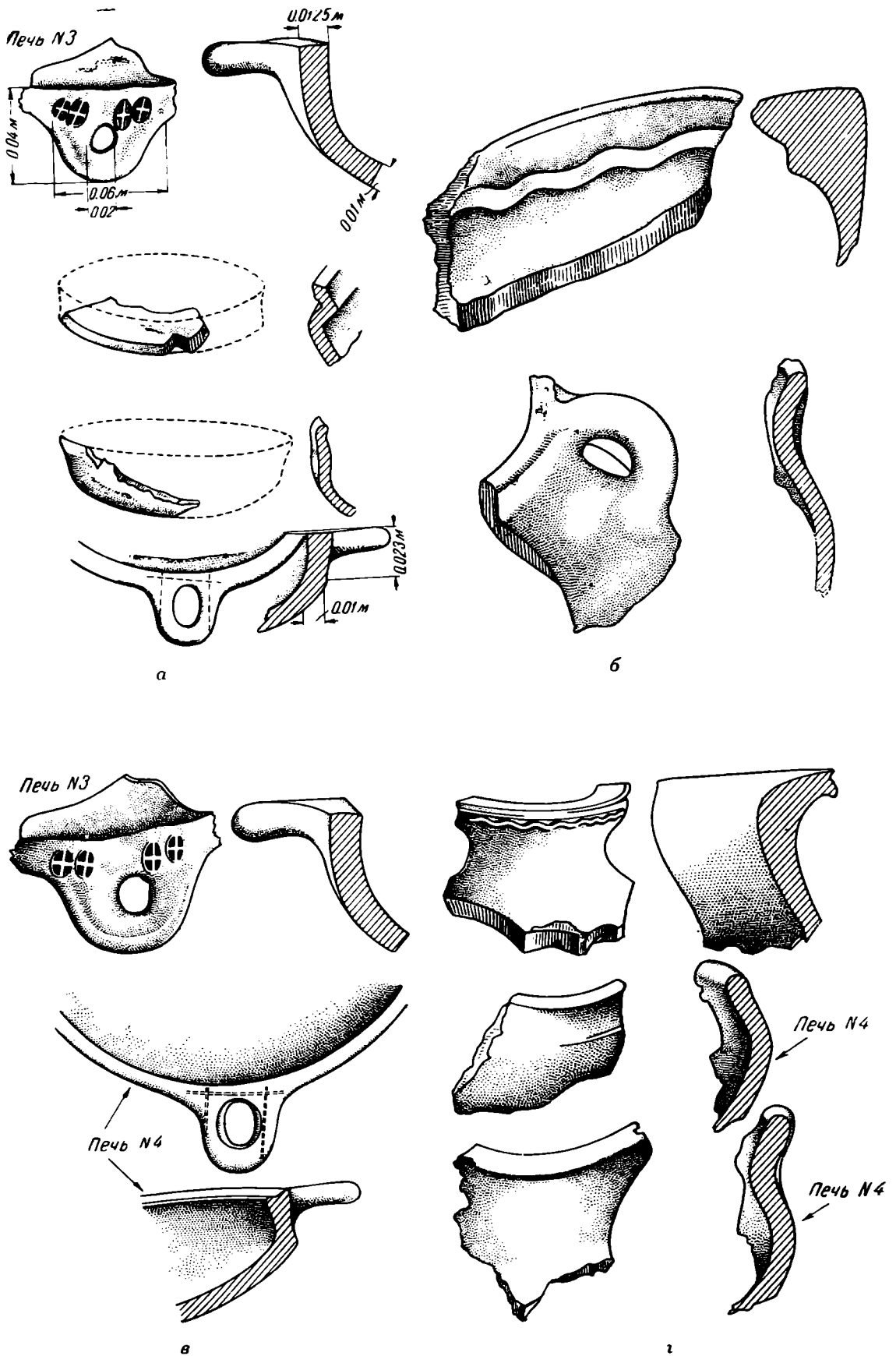

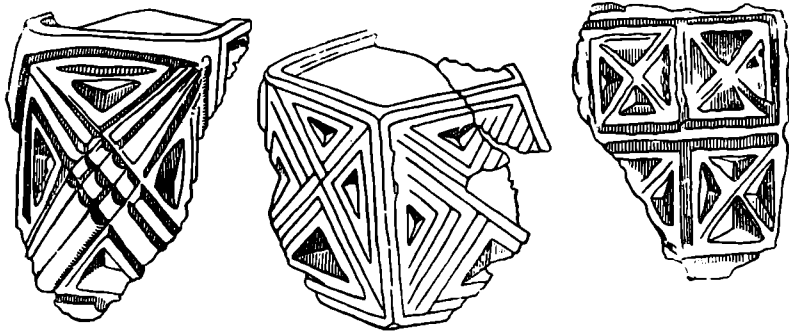
Рис. 10. Находки из правобережных печей.

а — фрагменты сосудов, добытых при расчистке печей № 3 и № 4, внутри топочных камер; б — фрагменты горловин, добытых в отвалах печи № 3; в — фрагменты сосудов, добытых при расчистке печи внутри топочных камер печей № 3 и № 4; г — типы гончарных изделий, добытых из печи № 4.

Все погребения и находившийся при них инвентарь найдены в состоянии нетронутости и в хорошей сохранности. Следовательно, захоронения на этом участке производились после того, как печь была уже заброшена.

Неслучайным является и то, что у некоторых погребальных урн упомянутых погребений жерла горловин, вместо обычного и типичного прикрытия их днищами или боковинами других сосудов, были замурованы обожженными плитами сырцовых блоков, встречаемых только в кладке арок или стен обжигательных печей.

Нужно думать, что в процессе совершившихся захоронений для замуровки жерл погребальных урн выбирались кирпичные плиты из кладки находившихся поблизости заброшенных печей.

а

Рис. 11. Находки из левобережных печей.

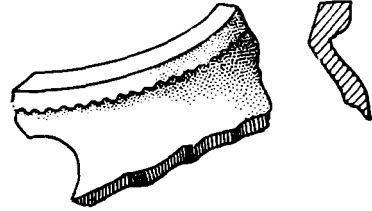
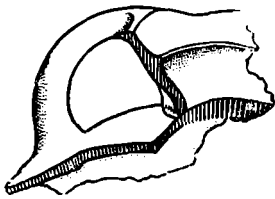
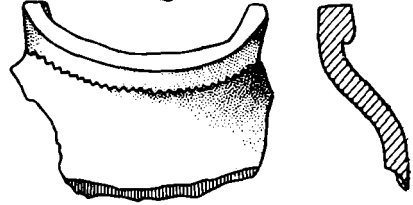
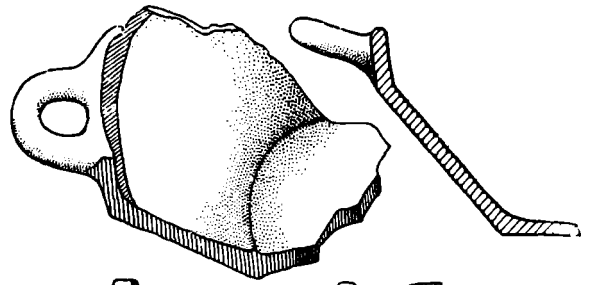
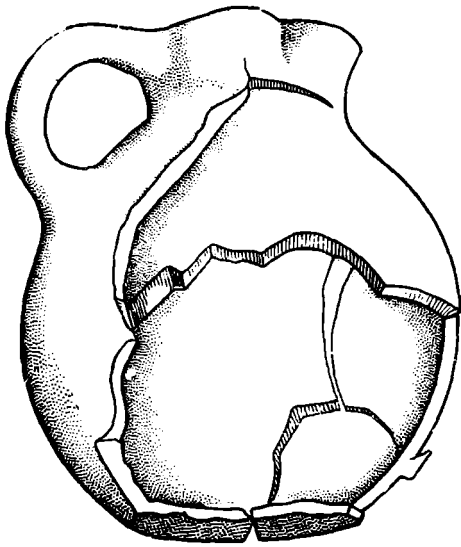
-- фрагменты гончарных изделий („маразцы“) внутри топочной камеры печи № 6.

Случаи использования кирпичных плит отмечены нами и в ряде других погребений, в частности, в кувшинных погребениях, находившихся в районе печей № 1 и № 2. На примере печи № 3 (у которой вводный топочный канал оказался разрушенным кувшинным погребением хорошей сохранности) и на примере печи № 2 (рис. 8) (у горнила которой в слое золы, выброшенной из топочной камеры, были обнаружены детские кувшинные погребения, причем один погребальный сосуд был обложен комьями шлака) еще раз подтверждается, что некоторые захоронения были совершены значительно позже сооружения печи.

Суммируя приведенные факты, с очевидной достоверностью можно сделать следующий вывод: правобережные керамические обжигательные печи, обнаруженные на территории древнего могильного поля в Мингечауре, стратиграфически совпадающие с культурным слоем кувшинных погребений, синхронны им и должны быть датированы периодом существования в Мингечауре культуры кувшинных погребений, т. е. III—I вв. до н. э. и II—III вв. н. э.⁷ и являются более ранними, чем так называемые поздние римские печи, хотя по конструкции и близки к ним.

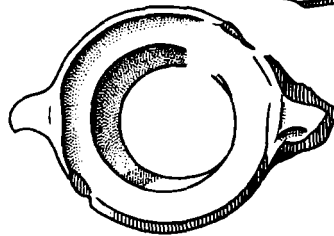
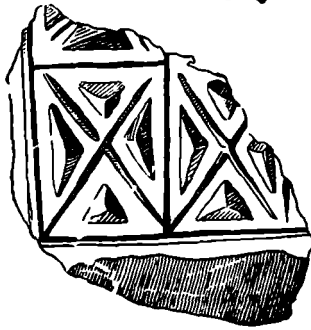
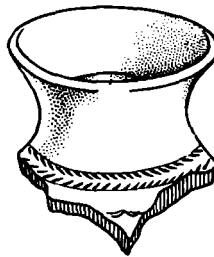
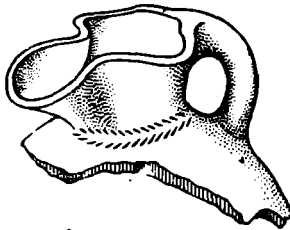
После решения вопроса о датировке невольно возникает вопрос о генезисе печей — являются ли печи «импортной техникой», занесенной извне на основе взаимосвязи и оживленных торговых сношений, или они возникли в результате развития внутренних производительных сил. Окончательные выводы было бы делать преждевременно.

⁷ Вопрос о датировке погребений в кувшинах не получил до настоящего времени окончательного решения. Датировки по различным источникам колеблются в пределах конца I тысячелетия до н. э. (III—I вв.) и первыми веками н. э. (I—IV вв.). При датировке печей использована последняя хронологическая грань, установленная новым исследованием кувшинных погребений, И. И. Иващенко. Кувшинное погребение Азербайджана и Грузии. Изв. АН Азерб. ССР, № 1, 1947, стр. 95, 96.

б

в

г

Рис. 11 Находки из левобережных печей.
б — гончарный брак; в — фрагменты; г — фрагменты.

Вопрос датировки левобережной печи № 6 решается значительно труднее, чем он решался в отношении правобережных печей. При учете всех данных, полученных при обследовании памятника, пока можно только приблизительно определить начальную хронологическую грань периода появления и действия в Мингечауре двухъярусных печей с эллипсоидной формой корпуса и упрощенной схемой топочной камеры.

За исходный момент в определении хронологической грани прежде всего нужно взять датировку городища, на территории которого обнаружена печь. В настоящее время археологическое обследование городища находится в начальной стадии, поэтому считаем преждевременным утверждать те или иные хронологические рамки для периода существования его и наметаем пока примерную датировку, ограничивающуюся в пределах VI—VIII вв. н. э. Что печь синхронна периоду существования городища и является одним из типов сооружений, бытовавших в этот период, устанавливается путем сравнения гончарных изделий, полученных при рекогносцировочных работах на территории городища и добытых в процессе обследования печи (рис. 11).

Совершенно ясно, что гончарный брак и фрагменты керамических изделий, извлеченных при очистке каналов топочной камеры и разборе отвалов черепков битых сосудов, найденных на площадке раскопок около печи, характеризуют продукцию, обжигавшуюся в ней; а сосуды, добытые с различных участков территории городища, являются предметами хозяйственно-бытового назначения, имевшими широкое применение.

Типы сосудов, здесь обнаруженные, являются характерными для культуры гончарного производства средневекового городища Мингечаура.

Кроме того, сделаны наблюдения, что кувшинные погребения хронологически предшествуют левобережной печи № 6. Так, на территории нахождения печи № 6 в 3 м от западной стены корпуса было обнаружено кувшинное погребение,⁸ но без инвентаря, обычно выставляемого у погребальной урны. Эта находка могла бы вызвать сомнение в правильности датировки. Однако нахождению этого погребального сосуда предшествовал навал черепицы, толстый слой которого был отделен от кувшинного погребения прослойкой земли.

С северной стороны печи, несколько глубже уровня подошвы основания ее корпуса, найден также ряд сосудов, типичных для кувшинных погребений; а один сосуд, находившийся выше других, оказался вмазанным в стены корпуса печи и именно той частью, которая выступала внутрь котлована: повидимому, при рытье котлована для печи упомянутый кувшин не был извлечен строителями печи, а был использован ими как опорная площадка для укладки глинобита. Вероятно, и заселение левого берега и постройка печи являются более поздними процессами по отношению к культуре кувшинных погребений.

Таким образом, основываясь на совокупности всех фактов, можно сделать предположение, что левобережная печь № 6 была построена не раньше IV в. н. э. и не позднее VI в. н. э.

---

⁸ Нахождение кувшинных погребений на левом берегу — явление весьма редкое. Повидимому, они были в большом числе разрушены в период роста средневекового городища. Сохранились кувшинные погребения только на охранных территориях, где находятся гончарные печи, сооружение которых всегда выносилось за черту города.

Я. И. ГУММЕЛЬ

КУРГАН № 2 БЛИЗ ХАНЛАРА

Дополнительные сведения

Раскопанный нами в 1931 г. на юго-западе от Ханлара (бывш. Еленендорф) курган № 2¹ представляет исключительный интерес ввиду погребения в нем вождя-военачальника эпохи разложения родового общества. В роскошном центральном склепе этого кургана (рис. 12, мог. I) было погребено 10 человек, а рядом — в обычной грунтовой могиле (мог. II) — раб, сопровождавший своего господина в загробный мир. В центральном склепе обнаружены также скелеты 2 лошадей и свиньи.

В январе 1940 г. колхозники Ханлара при ремонте шоссе наткнулись на грунтовое погребение (могила III), связанное с ранее изученными могилами.

Могила III расположена в 15 м к западу от эпицентра кургана; соответствующий луч пересекает ее по диагонали, азимут которой равен 263° .² Размеры грунтовой ямы $2.05 \times 0.5 \times 1.2$ (глуб.) м; направление главной оси ВЮВ—ЗСЗ (99°). Она была перекрыта плитообразными речными булыжниками и содержала, по словам колхозников, одиночное погребение: костяк лежал скорченно на левом боку. К сожалению, в процессе работы могила была разрушена и найденные черноглиняные сосуды, среди которых

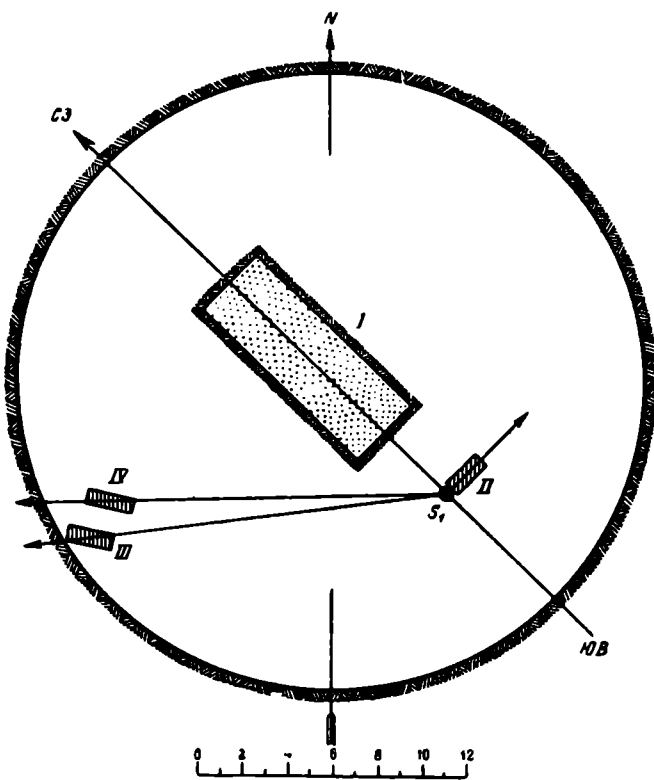

Рис. 12. План кургана № 2.

¹ Jacob Hummel. Zur Archäologie Azerbaidžans. (ESA, VIII, p. 215, 218—232.)

² О лучеобразной ориентировке могил см. Я. И. Гуммель. Из памятников материальной культуры древнего Азербайджана. ВДИ, 1(10), 1940, стр. 209—214

были и бело-инкрустированные, разошлись по рукам находчиков. При просмотре материала, выброшенного из могилы, нам удалось найти лишь один обломок от горлышка черноглиняного кувшина.

Могила IV, обнаруженная рядом с описанной (к северу от нее), также имела перекрытие из 6 плитообразных речных булыжников. Она отстоит от эпицентра кургана S₁ на расстоянии 14 м, соответствующий луч совпадает с ее диагональю (268°); главная ось ориентирована с ВЮВ на ЗСЗ (103°). Размеры сравнительно длинной могильной ямы, суживающейся немного в ВЮВ части, 2.1 × 0.48 × 0.65 (глуб.) м.

Описываемая могила представляет значительный научный интерес, ибо погребенный в ней взрослый мужчина был уложен на молотильной доске. Голова его лежала в дальней, а ноги — в ближней к эпицентру части могильной ямы (рис. 37 — 7). Костяк был скорчен на левом боку, ноги сильно

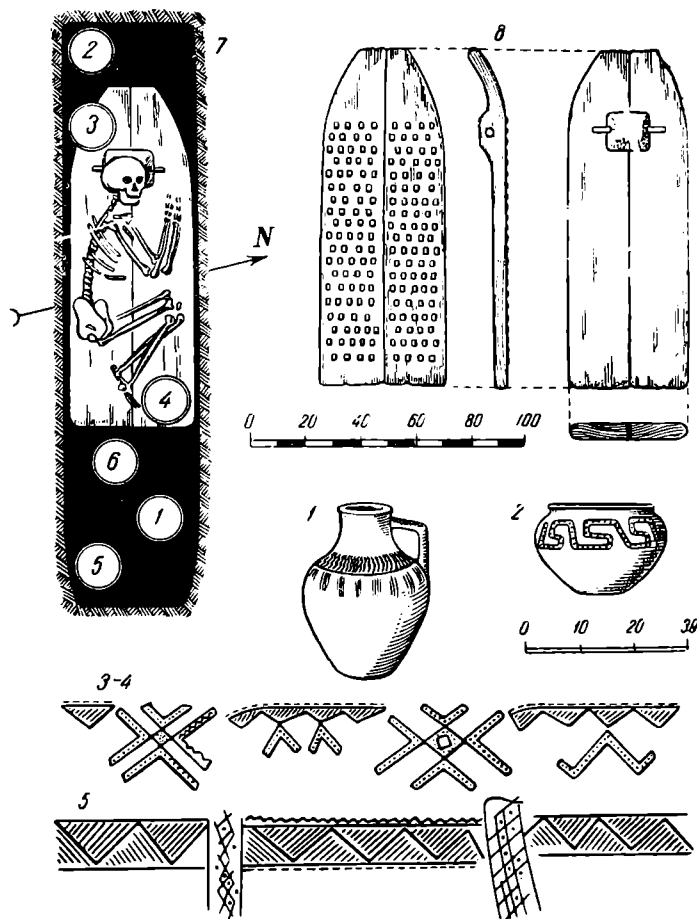

Рис. 13. План могилы III и могильный инвентарь.

подтянуты, а руки согнуты в локтях. У изголовья его стояло два (№ 2 и 3 на рис. 13—7) и возле ног — четыре черноглиняных сосуда (№ 1, 4, 5, 6 на рис. 13—7). Другого погребального инвентаря в могиле не оказалось. Как видно из нижеследующего краткого описания найденных сосудов, могила относится к эпохе бронзы, а ориентировка могилы связывает ее с комплексом могил кургана № 2, датированного концом II тысячелетия до н. э. Ниже приводятся сведения о сосудах (стр. 57).

Большой черноглиняный кувшин № 1 имеет расширенное тело, узкое горло, слегка выпуклое дно, украшен дугообразной ручкой и врезанным геометрическим орнаментом, не заполненным инкрустированной массой (рис. 13—1). Черноглиняная миска № 2 украшена врезанным геометрическим орнаментом (меандр), заполненным белой пастой, доньшко ее слегка вдавленное (рис. 13—2). В миске сохранились остатки пищи (кости барана).

Миски № 3 и 4 (на рис. 13—7) имеют форму, одинаковую с сосудом № 2 (рис. 13—2), и украшены одинаковым геометрическим орнаментом (рис. 13—3-4).

Миска № 5 имеет ту же форму, но изготовлена из бурой глины и украшена неинкрустированным орнаментом, нанесенным тонким врезом (рис. 13—5).

Буроглиняная миска № 5 украшена врезанным геометрическим орнаментом, заполненным белой инкрустационной пастой (на рис. 13—7).

Наиболее замечательным из того, что дали раскопки, является впервые найденная на территории Азербайджана молотильная доска эпохи бронзы, на которой лежал костяк и стояли два сосуда. Доска — типа применявшихся еще не так давно в азербайджанских селах молотильных досок со вставленными с нижней стороны камнями. Ее размеры: $120 \times 40 \times 4.5$ см (рис. 13 — 8). Молотилка составлена из двух приставленных друг к другу симметричных половинок с округленными наружными краями, она несколько сужается в верхней дугообразно приподнятой части, где имеется выступающее утолщение для скрепления досок и прикрепления веревки. На указанном выступе покоился череп погребенного. С нижней стороны доски выдолблены в шахматном порядке четырехугольные выемки размера при-

Сведения о сосудах (размеры даны в сантиметрах)

№ п/п.	Форма	Дно	Высота	Диаметры			Толщина стенок
				верхний	наибольш.	дна	
1	Кувшин	вып.	30.3	11.5	28.0	10.3	0.6
2	Миска	вдав.	14.0	20.5	25.0	12.0	0.8
3	Миска	пл.	12.0	21.5	22.0	8.5	0.6
4	Миска	»	12.0	20.0	20.4	8.3	0.8
5	Миска	»	11.2	18.5	21.2	16.0	0.8
6	Миска	»	7.5	18.5	19.0	7.8	0.6

близительно $1.6 \times 1.6 \times 1.4$ см, в которые вставлены грубо обитые речные камешки кубической формы. Острые края последних указывают на то, что молотилка мало была в употреблении. Расстояние между камешками неодинаковое, в среднем 3 см.

Исследование извлеченных древесных остатков молотилки произведено ст. научн. сотр. Тбилисского ботанического института Груз. ФАН А. А. Яценко-Хмелевским. Древесина каштанового цвета, легкая и крошится в руках. Методика изготовления препаратов — шлифы по способу проф. В. О. Клера. Исследование дало следующие результаты. Древесина кольцесосудистая: крупные сосуды собраны в начале слоя, мелкие — собраны в узкое пламя. Лучи двух родов: узкие — однорядные и широкие — многорядные. Сосуды закупорены тиллами. Все это характерно для дуба — *Quercus* sp. Наличие тилл во всех слоях указывает, с большой долей вероятности, на дуб восточный — *Quercus tacranthera* F. et M. (?). Внутренние годичные слои широкие, от 3 до 5 мм; внешние — сравнительно узки — 7 слоев на 5 мм (на одном препарате) и 5 слоев на 10 мм (на другом). Это дает основание делать вывод, что это древесина ствола дуба.

Молотилка, подобная описанной выше, была найдена в свое время Морганом в Ахтале, на левом берегу реки Дебед-чай (сев. Армения).³

Найдена она Морганом на дне каменного ящика в совершенно разрушенном виде. Около ног костяка лежали куски дерева со вставленными

³ J. de Morgan. Mission scientifique au Caucase, т. I, 1889. На стр. 59 приводится описание погребения; описание молотилки с приведением аналогий, позволяющих ее реконструировать, дано на стр. 138. Моргановскую молотилку упоминает Б. Б. Пиотровский в брошюре «Урарту — древнейшее государство Закавказья» (Ленинград, 1939), в которой, наряду с кратким описанием ее (стр. 49—50), даются также рисунки древнего погребения и реконструированной молотилки (рис. 30 и 31).

камнями, а по всей могиле им найдены отдельные камешки от доски. Установить точно размеры моргановской молотилки представляет большие трудности, так как автор дает лишь размеры гробницы, включая при этом и толщину боковых стенок каменного ящика. Длина последнего — 0.92 м при ширине 0.70 м. Найденная им молотилка, следовательно, несколько меньших размеров.

Счастливая находка в Ханларе молотильной доски более хорошей сохранности дала возможность точно установить ее форму и размеры. Наряду с найденными нами в домах эпохи бронзы⁴ многотысячелетними зернотерками и большим числом кремневых вкладышей серпов, она указывает на земледелие как на важный экономический фактор в жизни обитателей Азербайджана конца II тысячелетия до н. э., о котором мы до сего времени очень мало знали.

Д. Г. КАПАНАДЗЕ

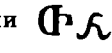

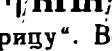

О МЕДНОЙ МОНЕТЕ С ИМЕНАМИ ГЕОРГИЯ И ТАМАРЫ

Одной из наиболее обильно представленных серий дошедшего до нас обширнейшего нумизматического наследия Грузии являются монеты прославленной царицы Тамары. Разные группы этой серии монет, равно как и отдельные их виды и варианты, уже издавна привлекали к себе внимание специалистов, всесторонне ими изучались и неоднократно были изданы. Казалось бы, что об этих монетах уже больше нечего сказать, но это совсем не так. Не говоря о том, что со дня издания последних работ в этой области обнаружены новые, пока не опубликованные мелкие варианты, некоторые, даже уже изданные монетные типы оказываются не вполне точно определенными или же точно приуроченными к тому или иному периоду царствования Тамары.

Даже такой авторитетный исследователь, как Е. А. Пахомов, разбирая одну из групп этой серии монет и издавая ее, задался вопросом: «Кому же принадлежат [монеты] №№ 52—55 и когда они биты?». ¹

Однако возобновим в памяти монету, вызвавшую эти сомнения, и повторим ее описание, не меняя определений лицевой и оборотной сторон, т. е. сохранив тот же порядок, которого придерживался Е. А. Пахомов:

Монета неправильной формы и различного веса. Медь.

Ав. В центре четырехосевой розетки из веревочного плетения с узлами, грузинской буквой шрифтом „мтаврული“ проставлен инициал Тамары — . Иногда это имя передано буквами или , а на некоторых, немногих экземплярах в виде . ² Во внешних гнездах розетки тем же шрифтом помещена круговая легенда: „“ т. е. „Боже! возвеличь царя и царицу“. Все окружено линейным ободком.

Рв. Такая же орнаментальная, но уже шестиосевая розетка, в центре которой имя Георгия постоянно выражено двумя буквами . Во внешних гнездах розетки легенда: „“, т. е. „Боже! возвеличь царя царей“.

Тут тоже кругом линейный ободок.

Из всех известных монет, помеченных именем Тамары, описанная является редким исключением, отличающимся от большинства остальных отсутствием даты, и это, конечно, затрудняет приурочение монеты к определенному периоду ее царствования, так как современников Тамары,

¹ Так как эта моя статья в основном посвящена доводам и теоретическим обоснованиям Е. А. Пахомова, помещенным в его монографии «Монеты Грузии», ч. I, СПб., 1910 (отдельный оттиск из IV вып. 1 тома Записок Нумизматического отделения ИРАО), то привлекаемые отсюда цитаты в тексте дальнейшего изложения сопровождаются заключенными в скобки указаниями на страницу означенной работы.

² Сокращать таким образом имя Тамары на грузинском языке не принято. Возможно, что тут простая ошибка резчика металла.

носящих имя Георгия, было трое: 1) отец царицы — Георгий III, 2) ее первый муж — Георгий Русский и 3) сын ее — Георгий Лаша.

Отметив это обстоятельство и подробно перечислив исследователей, дававших предпочтение тому или иному из Георгиев, Е. А. Пахомов остановил свой выбор на втором. Правда, в одной из последующих своих работ это определение, не дав каких-либо объяснений, он сопроводил уже знаком вопроса,³ но это не помешало Т. Н. Ломоури безоговорочно прикннуть к его первоначальному мнению.⁴ Такого же мнения держится и А. А. Быков, полагающий, что «вероятнее всего, эти буквы указывают на русского князя Юрия, сына Андрея Боголюбского, мужа Тамары».⁵

Таким образом, эту точку зрения следовало бы считать как будто окончательно утвердившейся, но после соответствующей проверки и анализа ряда вопросов, изложению которых посвящена эта статья, истинный инициатор выпуска этой монеты должен стать, наконец, известным.

Хотя сын Тамары, Георгий Лаша был коронован и объявлен соправителем еще при жизни своей матери, но я полностью разделяю мнение Е. А. Пахомова, сразу отстранившего Георгия IV от участия в выпуске этой монеты (стр. 97); однако считать Георгия мужем царицы не могу.

Обосновывая свои положения и приписывая выпуск монеты первому мужу Тамары, Е. А. Пахомов приводит доводы, которые недостаточно убедительны, частью же явно противоречивы. Например:

I. Признав факт объявления Тамары соправительницей Георгия III и почему-то считая его формальным, он указывает, что Тамара и Георгий выступают как равноправные лица. Е. А. Пахомов предполагает, что «молодая девушка не могла становиться на одну доску с могущественным царем царей и в лучшем случае ее имя появилось бы на второстепенном месте (разрядка моя.— Д. К.), в виде фразы: «Тамара — дочь Георгия» (стр. 97, 98). В данном случае фраза «Тамара, дочь Георгия» трактуется как упоминание имени царицы на второстепенном месте. Несколькими же страницами ниже, описывая монету Лаша Георгия, фразу «Георгий, сын Тамары» он рассматривает как «факт очень странный», так как имя Тамары, «отдельно на монете не упоминается, и на первом месте (разрядка моя.— Д. К.) выступает Георгий IV» (стр. 108).

Е. А. Пахомов правильно заметил, что «Тамара, на происхождение которой нет намека, и Георгий выступают как равноправные лица (стр. 98); но, объявляя ее соправительницей и коронуя еще при своей жизни, не этого ли добивался ее отец? Подчеркивать ее происхождение и «указывать, что она — единственная дочь законного царя и наследница престола» (стр. 98), не было никакой необходимости, так как титул, предшествующий имени Тамары, подчеркивал значительно больше; он указывал, что она не только наследница престола и даже царица, но и царь — «*მეფე და მეფეფულო*».

Упоминание же о ее происхождении на монете, и так уже загруженной надписями, было бы совершенно излишним, — Георгий III и его знаменитая дочь, конечно, хорошо были известны и в Грузии и далеко за ее рубежами. Смысл надписи монеты делает непонятной цель Георгия III лишний раз подчеркнуть и внушить своим подданным, равно как и соседям, мысль о том, что его дочь уже не наследница престола, а полноправ-

Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и Закавказья. Изд. Об-ва обследов. и изучения Азербайджана. Баку, 1926, стр. 94.

³ Т. Н. Ломоури. Деньги в эпоху Шота Руставели, стр. 288, в юбилейном сборнике, изданном на грузинском языке «Материальная культура в эпоху Шота Руставели», под ред. акад. И. А. Джавахишвили. Тбилиси, 1938.

⁵ А. А. Быков. Грузинские монеты XII—XIII вв. В юбилейном сборнике Гос. Эрмитажа «Памятники эпохи Руставели», изд. Акад. Наук СССР, Л., 1938, стр. 83.

ная его соправительница, равная царю. Вот откуда, выражаясь словами Е. А. Пахомова, «мог явиться оригинальный титул — ц а р ь и ц а р и ц а» (стр. 98).

II. Совершенно понятно и то, что имени Тамары на этой монете предшествует титул царя — ფაფა , — ведь и в истории, и в народе она известна, как «Тамар-мепе». Мнение же Е. А. Пахомова, утверждающего, что этот титул «мог утвердиться за ней лишь после смерти Георгия III, когда она осталась единственной владелицей трона» (стр. 98), в корне противоречит понятиям о соцарствовании. Можно привести ряд примеров, когда соцарствующие лица одинаково носили этот титул. Да, наконец, в той же работе, несколькими строками ниже, указав, что «в средневековой Грузии очень часты случаи коронования наследника и даже придания ему царского титула при жизни правящего государя» (стр. 98), он явно опровергает первоначальное положение. Итак, наличие перед именем Тамары титула царя никак не может служить поводом для отстранения от участия в совместном выпуске этой монеты отца царицы Георгия III.

III. Желание окончательно утвердиться на выбранной точке зрения привело Е. А. Пахомова к тому убеждению, что «одновременное употребление двух матриц при одном правительстве» невозможно и на этом основании разбираемая монета должна была выпускаться или:

«1) короткое время от свадьбы Тамары до начала чекана № 56 и др. или 2) в промежутке между 1187 годом, когда был выпущен № 56, и 1192 годом — временем удаления русского князя из Грузии, или же 3) после этого и до вторичного брака Тамары, причем в последнем случае они биты сторонниками Георгия Русского, который в своей борьбе за престол, несомненно, должен был подчеркивать, что он, требуя восстановления своих прав, не собирается лишить таковых и Тамару, через которую только и мог быть претендентом на грузинский престол» (стр. 99).

Предлагаемый Е. А. Пахомовым второй вариант возможного выпуска этой монеты противоречит предлагаемому им же положению о «невозможности одновременного употребления двух различных типов матриц при одном правительстве», так как с 1187 г. начинается очень обильный выпуск монеты № 56, помеченной именем одной лишь Тамары и, следовательно, чеканенной другой матрицей. Имеются многочисленные примеры, свидетельствующие о том, что одно и то же правительство часто выпускало два, а то и больше различного типа монет. Таким образом, при наличии нескольких типов матриц с именем одного лишь Георгия III (описаны в «Монетах Грузии» под №№ 48—51), выпуск одного лишнего монетного типа, на котором рядом с его именем фигурировало бы имя его соправительницы и дочери, следовало бы считать вполне естественным и понятным, особенно в связи с тем, что объявление Тамары соправительницей и ее коронование изменили состав правительства.

Время же от свадьбы Тамары, происшедшей приблизительно в 1187 году, до начала чекана следующего № 56 монетного типа, помеченного тоже 1187 годом, было, повидимому, таким коротким, что первый вариант, предложенный Е. А. Пахомовым, как-то сам по себе отпадает.

Что же касается третьего варианта Е. А. Пахомова, то совершенно невероятно, например, чтобы претендент на престол, «требующий восстановления своих прав только через Тамару», именовал себя «царем царей», а ей оставлял лишь титул «царя и царицы». В еще не законченной борьбе за престол это было бы несколько преждевременным.

IV В специальном разделе, посвященном вопросам надчеканок на грузинских средневековых монетах, в качестве еще одного довода, свидетельствующего в пользу Георгия Русского, Е. А. Пахомов привлекает интересную деталь: «Мы видели выше, — говорит он, — что есть возмож-

ность приписать выпуск монет Тамары и Георгия (№№ 52—55) — Георгию Русскому; они, как чеканенные не откупщиками центрального правительства, не проходили и через монетных чиновников последнего, а потому и никогда не снабжались клеймом» (стр. 126).

Если даже предположить, что разбираемая монета действительно чеканилась приверженцами Георгия Русского, то даже в этом случае «фальсификаторы» должны были прилагать все усилия к тому, чтобы она ничем не отличалась от «правительственной». Монетные мастера, освоившие выпуск такой во всех отношениях прекрасной монеты, как разбираемая, конечно не остановились бы перед выполнением незначительной и легко выполнимой детали, как надчекан.

Поэтому и этот довод Е. А. Пахомова я не считаю убедительным, тем более, что такой надчеканки нет и на монете отца Тамары, Георгия III.

Не довольствуясь анализом одних лишь теоретических соображений Е. А. Пахомова, я долго искал дополнительных фактов, которые наглядно опровергли бы установившееся мнение. Тут мое внимание привлекло одно обстоятельство, которого Е. А. Пахомов коснулся вскользь, не проанализировав его до конца.

Вспомнив о втором браке Тамары и сравнив положение ее второго мужа Давида Сослана «с положением Георгия Русского», он усмотрел в этом «еще один аргумент в пользу признания последнего настоящим царем, а не супругом царицы» (стр. 94). Но так ли это в действительности? Какое положение в самом деле занимал Георгий Русский?

Надо полагать, что он действительно был только мужем Тамары, который, как правильно заметил и Е. А. Пахомов, «требуя восстановления своих прав, не собирался лишать таковых и Тамару, через которую только и мог быть претендентом на грузинский престол» (стр. 99).

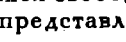
Мог ли он, будучи в таком положении, выставлять на монете рядом со своим именем титул «царь царей», а Тамаре уделить лишь роль царя и царицы? Конечно нет!

По ходу изложения необходимо описать еще одну монету.

Если бы на нее своевременно обратили соответствующее внимание, многое объяснилось бы совершенно иначе.

Медь. $d =$ от 24 до 29 мм. $p =$ 4.20 до 10.50 г.

Av. В центре монетного поля родовой знак (?) царицы Тамары , слева от него.

т. е. на первом месте, сокращенное имя Тамары, переданное двумя грузинскими шрифтом „мтаврули“, буквами — , справа же, т. е. на втором уже месте, имя Давида Сослана, тоже сокращенное, переданное двумя буквами . Над и под этими именами, в оставшихся свободными углах монеты, тем же шрифтом выставлены четыре буквы , представляющие собой дату по грузинскому короникону — 400 и 20 (соответствует 1200-му году н. э.).⁶ Все это окружено ободком из слитых точек.

Rv. Все поле монеты занято четырехстрочной арабской надписью: „царица царей. /слава мира и религии./ Тамара, дочь Георгия. /поклонница Мессии“/. Ободок и тут точечный.

Характерные особенности этих надписей, конечно, сильно заметны: именам царицы и ее супруга, выставленным на лицевой стороне монеты, титулы не сопутствуют, но имя Тамары все же стоит на первом месте. Это преимущество Тамары перед мужем на оборотной стороне монеты еще очевиднее, — арабская надпись вовсе не упоминает о Давиде, тут сообщается имя одной лишь Тамары, дочери Георгия, которое сопровождается

⁶ Значительно реже этот же монетный тип встречается и без даты.

соответствующим титулом и подходящим эпитетом. Здесь прямо подчеркивается, что монета бьется от имени Тамары, содержание надписи указывает на то, что царица только Тамара. Давиду Сослану уделено второстепенное место, и ему приходится довольствоваться положением мужа знаменитой царицы.

Какие же следуют отсюда выводы? Пересмотрим все сказанное в свете имеющихся исторических сведений, сообщающих о том, что Тамара, жившая со вторым своим мужем в содружестве и добром согласии, уже к 1200 г. имела от него наследника престола. А это, конечно, еще более утверждало и так уже достаточно прочное положение Давида Сослана. Однако несмотря на это монета чеканится от имени Тамары, а мужу уделается лишь второе место, да и то без упоминания титула.

В лучшем случае этот порядок соблюдался бы и в отношении царицы с ее первым мужем и он отразился бы на нашей монете, если она действительно билась Тамарой совместно с русским князем. Но достоверно известно, что отношения между супругами с самого же начала определились по меньшей мере натянутыми и при таком положении дел, в то время, как — «божьей милостью» царице (მკვლავი გვირგვინების ბი), являющейся отпрыском многовековой династии, был представлен лишь титул царя, имени Георгия Русского, в лучшем случае находящегося в том же положении, как и Давид Сослан, титул «царя царей», конечно, не сопутствовал бы.

От участия в совместном с Тамарой выпуске разбираемой монеты должен быть отстранен и Лаша Георгий, сын Тамары, который на всех своих монетах постоянно отмечает свое происхождение именно от Тамары, но отнюдь не отца — Давида Сослана. Известны пока лишь три основных типа, чеканенных его именем:

- 1) монета так называемой «неправильной» чеканки, выпуска 1210 г.,
- 2) монета правильной чеканки, без даты, на которой он упоминается, как «повелитель джавахетцев», и
- 3) монеты, тоже правильной чеканки, с его изображением, стоящим во весь рост en face.⁷

Ни на одной из них Давид Сослан не упомянут, и везде Георгий выступает, как «сын Тамары». Цитируя Е. А. Пахомова, «факт» действительно «очень странный» и не только для грузинской, но, насколько мне известно, вообще для мировой нумизматики. Вряд ли найдется подобная аналогия.

Сила авторитета и обаяние Тамары, очевидно, были столь велики, имея это так уважаемо и чтимо, что вопреки существующим традициям, даже сын, законный наследник престола, уже при жизни матери коронованный, предпочитал вести генеалогию не от отца, а от матери.⁸

Единственный «царь царей», которого я мог бы оставить на разбираемой нами монете, после исключения двух вышеупомянутых претендентов, — это Георгий III, могущественный отец Тамары. А выпуск этой монеты следует приурочить к тому периоду, когда Тамара, совсем юной девушкой, еще при жизни своего отца была объявлена им соправительницей, коронована и возведена на прародительский престол.

⁷ Эта монета, являющаяся пока единственной, впервые изданная Е. А. Пахомовым и переданная им в прориси (стр. 110), хранится в кабинете нумизматики Гос. музея Грузии.

⁸ Тут было бы очень кстати привести еще один пример из той же грузинской нумизматики, — внук Тамары, сын Русудани от ее брака с сельджукским принцем Могиседином (сын Тогрул шаха), вовсе не упоминает на монетах о своих родителях. Тут невозможно установить его происхождение. Ясно, что грузинский царь Давид Нарин предпочитал молчать о своем происхождении от отца-сельджука и ничем не прославившей своего управления матери-царицы.

Н. В. АНФИМОВ

КЛАД ПАНТИКАПЕЙСКИХ МОНЕТ ИЗ СТАНИЦЫ
СТАРО-НИЖНЕ-СТЕБЛИЕВСКОЙ

В 1941 г. в Краснодарский музей были доставлены преподавателем Ф. А. Жданом шесть пантикапейских монет.¹ По словам доставившего, монеты были найдены близ ст. Старо-Нижне-Стеблиевской при рытье канала для рисовых полей. Они входили в состав клада, состоявшего, по словам находчиков, из 55 монет, находившихся в глиняном сосуде. В 1945 г. тем же преподавателем Ф. А. Жданом были доставлены еще семь монет, происходящих, по видимому, из того же клада. Таким образом, в настоящее время мы располагаем 13 монетами из ст. Старо-Нижне-Стеблиевской. Все монеты совершенно однотипны. На лицевой стороне они имеют изображе-

Рис. 14. Пантикапейская монета из Старо-нижне-стеблиевского клада.

ние головы безбородого сатира в плющевом венке; на оборотной — львиную голову с осетром под ней и с тремя буквами π, α, η по трем сторонам (рис. 14, оборот). Обе стороны имеют надчеканку: на лицевой — двенадцатиконечной звездой, на оборотной — горитом.² Сохранность монет хорошая, только две из них покрыты зеленой окисью, легко поддающейся очистке.

Все монеты имеют плотные кружки от 2 до 3 мм толщиной и не носят следов литников. Сравнение лицевых сторон, а также оборотных показывает, что имеющиеся экземпляры биты разными штемпелями; случаев повторения одинаковых штемпелей не прослеживается. Монеты данного

¹ Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям. Одесса, 1848, табл. XX, 72.

² Там же.

№ п/п.	Диаметр в мм	Вес в г	№ п/п.	Диаметр в мм	Вес в г
1	18	5.65	8	19	7.40
2	19	6.75	9	18	7.35
3	20	7.70	10	20	6.20
4	19	6.55	11	20	6.55
5	18	6.80	12	18	5.50
6	18	4.90	13	19	6.35
7	18	6.70			

типа с надчеканками А. Н. Зограф относит к началу III в. до н. э. и отмечает, что они составляют наиболее многочисленную группу в автономной медной чеканке Пантикапея, что находит себе подтверждение в целом ряде кладов.³ В изданном Е. О. Прушевской Анапском кладе пантикапейских монет,⁴ две монеты, являющиеся наиболее ранними в данном кладе, принадлежат к вышеописанному типу.

Другой клад, вошедший в перечень, составленный Е. Е. Люценко,⁵ был найден в 1877 г. в Керчи, по дороге в крепость, и состоял целиком (не менее 500 экземпляров) из одного типа монет с надчеканкой на лицевой стороне двенадцатиконечной звезды и на оборотной стороне горита, т. е. типа, отмеченного Бурачковым (XX, 72). В последнее время были найдены еще два монетных клада: один в 1941 г. в Анапском районе, заключавший 136 монет,⁶ другой на хут. Батарейном, Варениковского района, где был найден лепной горшок из черной глины с пантикапейскими монетами.⁷ К сожалению, более подробных сведений об обоих кладах мы не имеем.

Все известные в настоящее время клады пантикапейских монет происходят с территории Боспорского государства. Наиболее восточным является клад, найденный на хут. Батарейном. Нахождение его здесь является вполне закономерным, так как на территории хутора расположено большое городище с мощными фортификационными сооружениями, являющееся окраинным городом Боспорского государства. Находки на нем пантикапейских монет не составляют редкость. Совершенно иное положение занимает описываемый нами клад из ст. Старо-Нижне-Стеблиевской. Данная территория не входила непосредственно в состав Боспорского государства. Она была заселена меотскими племенами, которые то подчинялись Боспору, то отпадали от него; но во все времена истории Боспора влияние его здесь было весьма сильно. Мы имеем из этой местности ряд находок, которые говорят о существовании интенсивных торговых связей. Так, в 1913 г. при прокладке полотна Кубано-Черноморской железной дороги было найдено несколько гераклейских амфор с энглифическими клеймами на горле. В 1940 г. в ст. Красноармейской (в 12 км от ст. Старо-Нижне-Стеблиевской) при земляных работах было вскрыто несколько погребений, в которых среди прочего инвентаря были найдены амфоры IV в.—нач. III в. до н. э. и чернолаковый канфар 2-й половины IV в. до н. э.⁸ Обе находки по времени вполне совпадают с найденным в этом же районе кла-

³ А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 4, М.—Л., 1941, стр. 159.

⁴ Труды отдела нумизматики Гос. Эрмитажа, т. I, Л., 1945, стр. 17—23.

⁵ Е. Е. Люценко. Некоторые сведения о денежных кладах, найденных в последнее время.

⁶ Заметки в газ. «Знамя колхозника» от 20/VII 1941 г.

⁷ Записки СКОАИЭ, кн. I, вып. 3—4. Ростов-Дон, стр. 75—76.

⁸ Хранится в Краснодарском музее.

дом. Повидимому, боспорские купцы являлись частыми посетителями этой местности. Клад из ст. Старо-Нижне-Стеблиевской, как выше было указано, датируется началом III в. до н. э., т. е. относится ко времени начала денежного кризиса на Боспоре, когда «зарытие даже медных монет, как отмечает Е. О. Прушевская,⁹ составляло обычное явление».

Находок же кладов пантикапейских монет вне пределов собственно Боспорского государства (в Приазовье и Прикубанье) известно не было. Таким образом, описываемый клад в настоящее время является единственным, происходящим с территории меотских племен, и в этом отношении представляет значительный интерес.

---

⁹ Труды отдела нумизматики Гос. Эрмитажа, т. I, Л., 1945.

М. В. ВОЕВОДСКИЙГОРОДИЩА ВЕРХНЕЙ ДЕСНЫ¹*(Доклад, прочитанный на заседании сектора славяно-русской археологии
в марте 1947 г.)*

Область бассейна Десны представляет большой интерес для выяснения истории формирования древнерусских племен, но систематических археологических исследований на этой территории не производилось вплоть до последних лет.

Работы проф. Самоквасова, проведенные еще в конце прошлого столетия, к настоящему времени устарели, а в более позднее время напечатано всего несколько статей, посвященных описанию материала с отдельных памятников или кратких очерков результатов разведочных работ.² Несмотря на небольшое количество, материал настолько своеобразен, что П. Н. Третьяков в своей сводке³ выделил городища Десны в особую культурную область. В 1939—1940 гг. и после перерыва, вызванного войной, в 1945—1947 гг. городища Десны систематически исследуются Деснинской экспедицией.⁴

В течение этих лет был обследован правый берег Десны от Брянска до г. Сосниц и на нескольких городищах произведены раскопки. Собранные материалы позволяют в настоящее время дать характеристику культуры Деснинских городищ и наметить основные этапы ее развития.

Изучение стратиграфии культурных наслоений и собранного археологического материала позволяет выделить три этапа в существовании городищ и селищ.

Самая ранняя культура, названная нами Юхновской, по Юхновскому городищу, раскопанному еще в 70-х годах XIX в. проф. Самоквасовым, может быть датирована временем с IV в. до н. э. и до первых веков нашей эры. Эта датировка устанавливается по находкам скифских вещей на Юхновском городище⁵ и позднелатенского браслета на городище «Песочный Ров».

¹ По исследованиям Деснинской экспедиции.

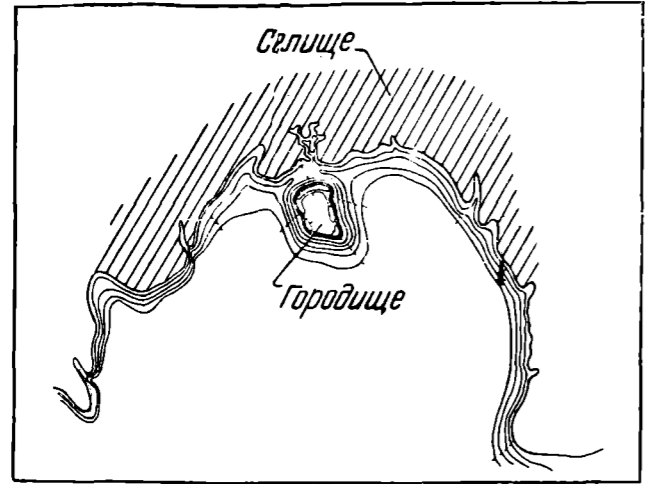
² Н. В. Трубникова. К вопросу о Юхновском городище. Тр. Гос. истор. музея, т. VIII М., 1938, стр. 123—128; В. П. Левенок. Археологические работы Трубчевского музея. КС ИИМК, т. X, изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 95—99.

³ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. Мат. и иссл. по археол. СССР, № 6, изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 9—55.

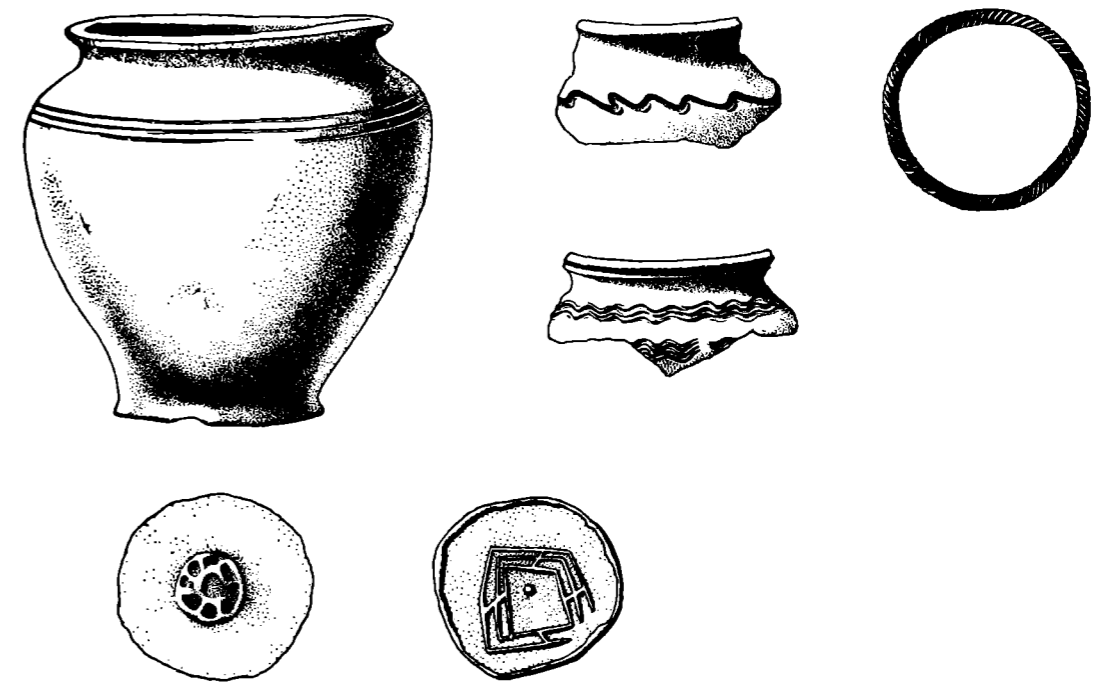
⁴ М. В. Воеводский. Деснинская археологическая экспедиция 1940 г. КС ИИМК, вып. XIII, изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 89—94.

⁵ Н. В. Трубникова. Ук. соч., стр. 125.

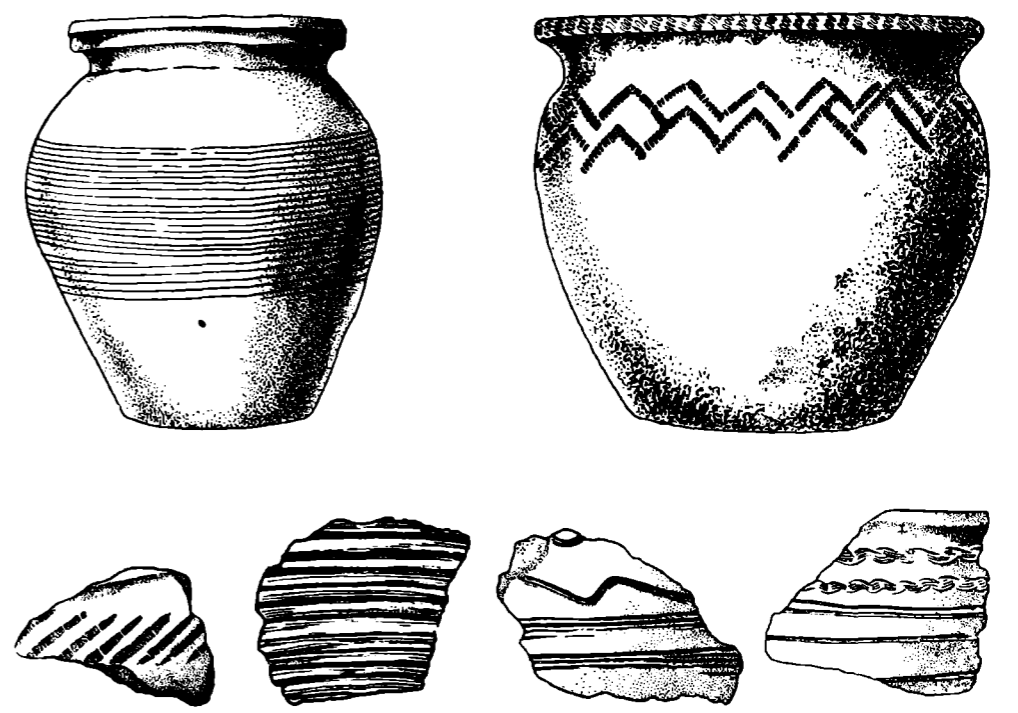
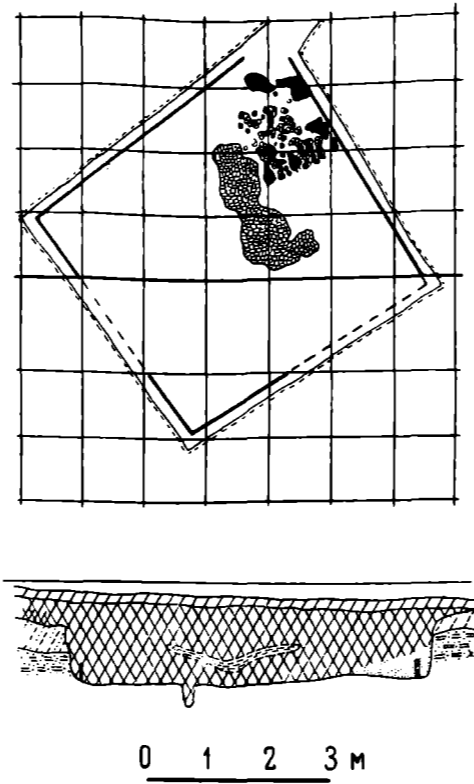
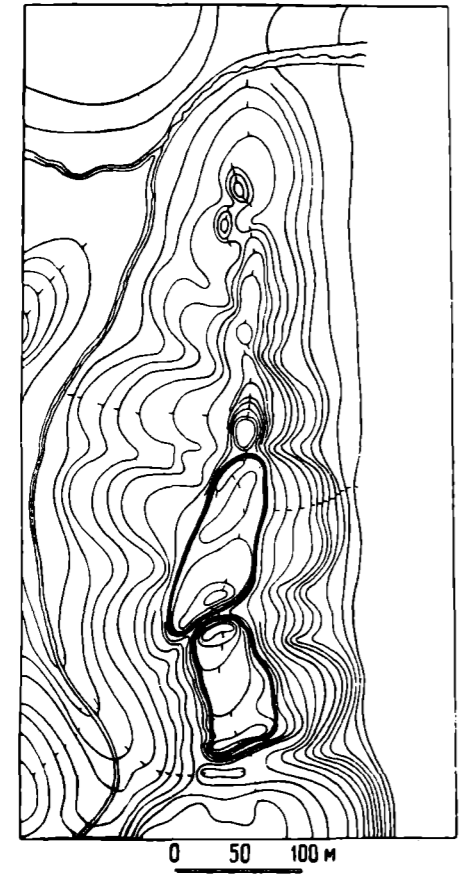
Киевская
X-XIII вв. н.э.

?

Доменная
VIII-X вв. н.э.

Южновская
IV в. до н.э.-III н.э.

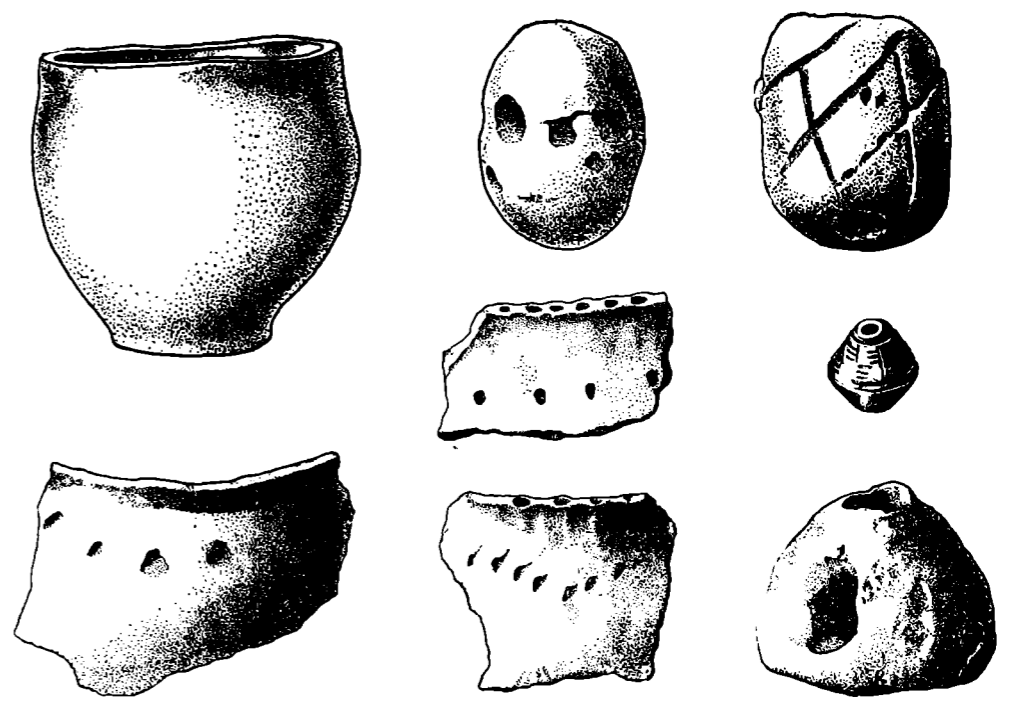
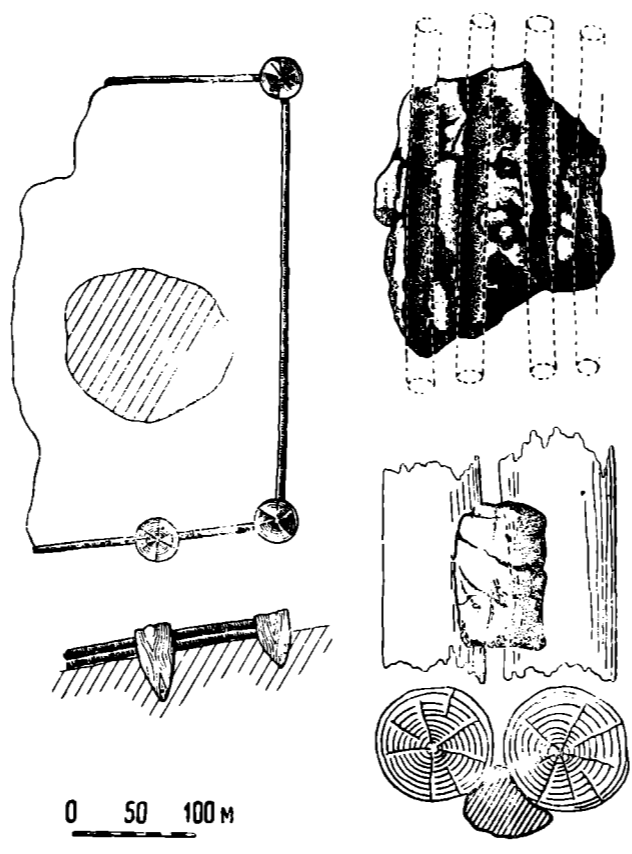
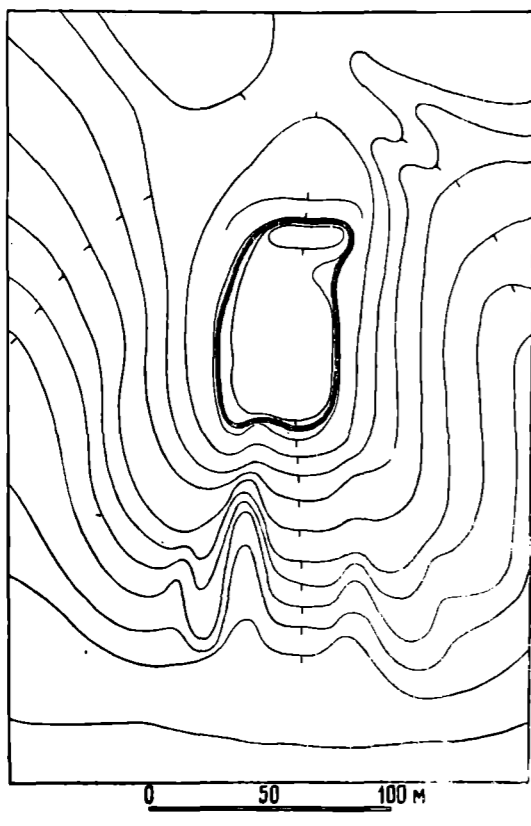

Рис. 16. Таблица-схема культуры городищ.

Распространение городищ Юхновского типа прослежено пока от Брянска до Сосниц (рис. 15). Все они расположены на мысах, образованных крутым берегом Десны и впадающими в неё оврагами (рис. 16). Размеры и форма площадок целиком зависят от конфигурации мыса, характера

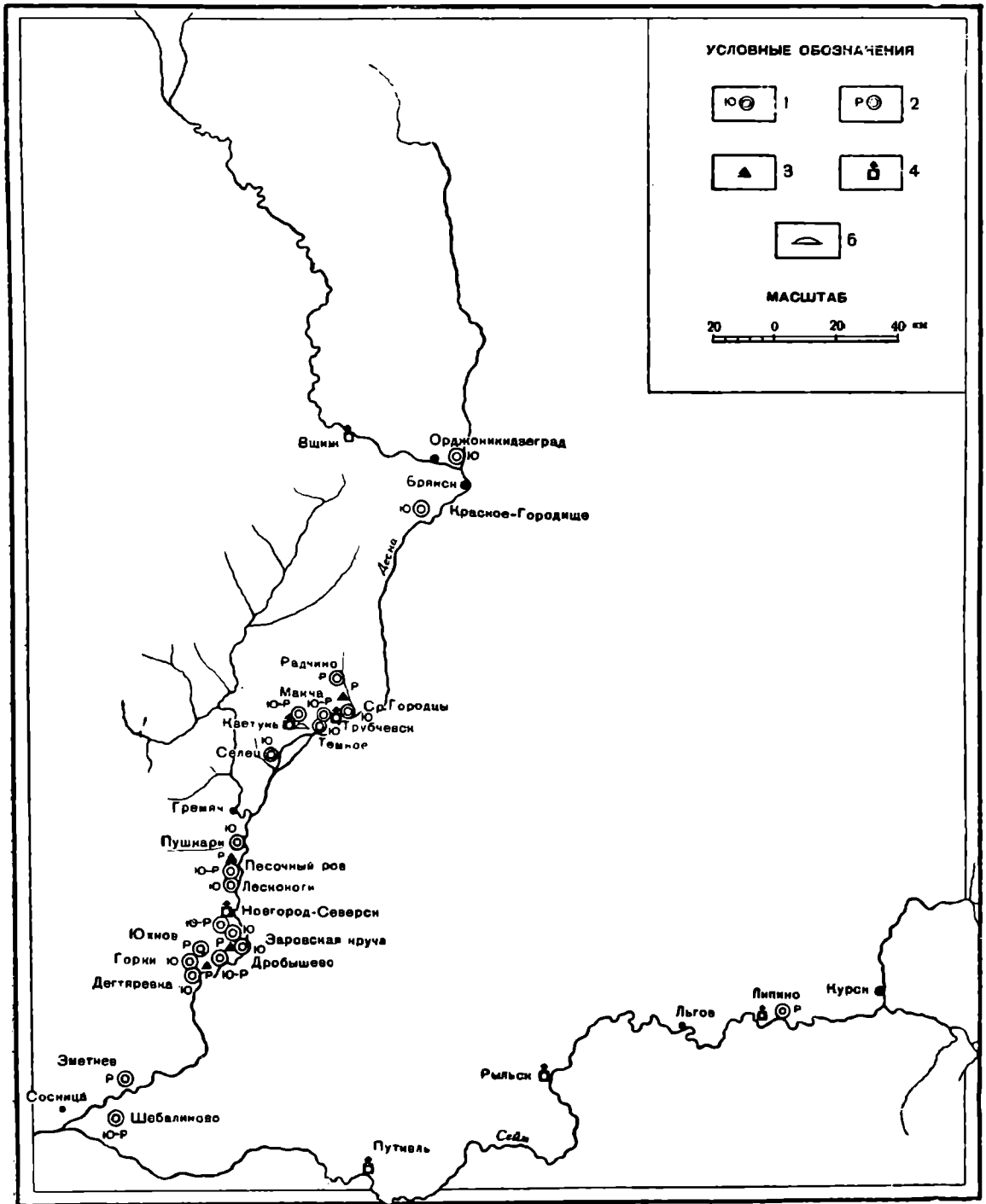

Рис. 15. Карта городищ и селищ средней Десны и Сейма.

1 — городища Юхновской культуры; 2 — городища Роменской культуры; 3 — селища Роменской культуры; 4 — древние русские города; 5 — курганы.

склонов и ограничивающих городище оврагов. Со стороны плато площадка отделялась рвом и валом, достигающим иногда 5 м высоты, как, например, на II Горкинском городище. Размеры площадок очень невелики —

обычно 0.2—0.5 га. Благодаря тому, что во время Великой Отечественной войны многие из городищ были прорезаны окопами и ходами сообщений, удалось проследить характер культурных наслоений. Почти на всех городищах культурный слой мощностью до 2 м покрывает всю площадку сплошным покровом. Слой состоит по преимуществу из золы различных оттенков — серого, желтого или розоватого, — залегающей в виде прослоек разной толщины. Большая мощность золистого слоя свидетельствует о длительном обитании и применении в качестве топлива соломы и бурьяна, обугленные остатки которых встречаются среди золы. Возможно, что быстрому накоплению золистых слоев способствовало то, что, как мы увидим ниже, наземные жилища строились из дерева и, вероятно, с соломенными крышами. При частых пожарах они, несомненно, давали много золы. Лишь на двух городищах — «Песочный Ров» и II Горкинском — культурный слой имеет толщину 30—40 см. Он слабо насыщен находками — костями животных, обломками глиняной посуды и грузил.

В стенках окопов иногда обнажаются остатки жилищ в виде тонких глиняных прослоек — следов пола, смазанного глиной. Землянок на городищах этой культуры пока не обнаружено.

На городище «Песочный Ров» на различных частях площадок были обнаружены многочисленные ямы от столбов, а в одном месте — часть сгоревшего столбового дома. По его углам и середине длинных сторон были вкопаны дубовые столбы. Самые стены состояли из тонких бревен, концы которых были, повидимому, впущены в пазы столбов. К сожалению, большая часть дома обрушилась в овраг и поэтому планировку всего сооружения проследить не удалось (рис. 16). В настоящее время подобная техника строительства широко распространена в средней полосе в крестьянских постройках облегченного типа — крытых дворах, сараях и т. д. В древности это был основной способ сооружения длинных домов Лужицкой культуры.⁶ Но для последней совершенно нехарактерна обмазка стен глиной. Этот способ, распространенный в степных районах с древности и до настоящего времени, позволяет говорить о влиянии степных культур на ранние городища Десны.

Культурный слой близ остатков этого жилища и в районе расположения ям от столбов на других участках содержал в большом количестве куски обожженной глиняной обмазки с отпечатками тонких бревен, жердей и прутьев. Повидимому бревенчатые или жердевые стены домов обмазывались глиной, которая при пожарах обжигалась и благодаря этому дошла до нас.

Наружная поверхность обмазки часто хорошо выглажена и покрыта тонким слоем отмученной глины. Судя по отпечаткам, стены домов возводились из бревен толщиной 5—10 см, из тонких жердей толщиной всего 1.5—2.0 см и из плетней, сделанных из прутьев.

Бытовой и производственный инвентарь состоит из обломков глиняных сосудов, грузил, пряслиц и небольшого количества костяных и металлических орудий. Все сосуды Юхновской культуры леплены от руки ленточной техникой, из глины с примесью дресвы или крупного песка, с толщиной стенок 4—8 мм. Основная масса стенок имеет толщину 5—7 мм. Днища плоские, без следов среза или подсыпки, диаметром 7—10 см, обжиг костровой, черепки серого, иногда бурого, цвета. Сердцевина обычно более темная, иногда почти черная. Обработка поверхности очень характерна. Почти на всех сосудах наружная и внутренняя поверхности покрыты штрихами, более грубыми снаружи и более тонкими внутри,

⁶ М. В. Воеводский. Остатки торфяного поселения Лужицкой культуры в Польше. ВДИ., № 2 (3), 1938, стр. 224—237.

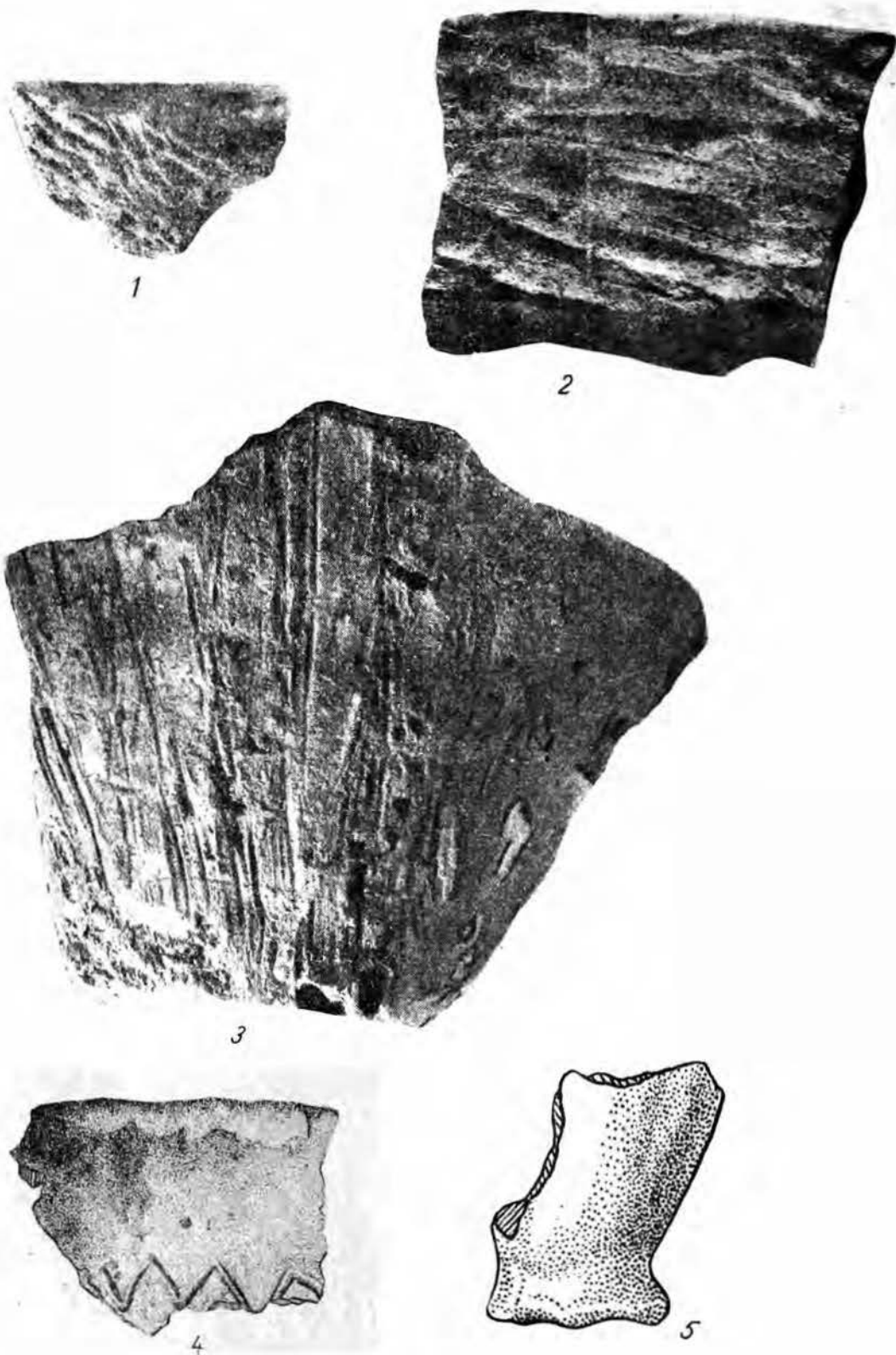

Рис. 17а

1 — обломок стенки сосуда с „сетчатой“ поверхностью (н. в.), Новгородсеверское городище; 2 — обработка поверхности сосуда ($2/3$ н. в.), селища «Майдан» Римской культуры; 3 — вертикальное обстругивание стенки сосуда ($2/3$ н. в.), Красное городище Южновской культуры; 4 — обломок стенки сосуда с линейным орнаментом ($1/2$ н. в.), Городище «Песочный ров» Роменской культуры; 5 — конический сосудик на поддоне (н. в.), Горьканское городище, Южновская культура

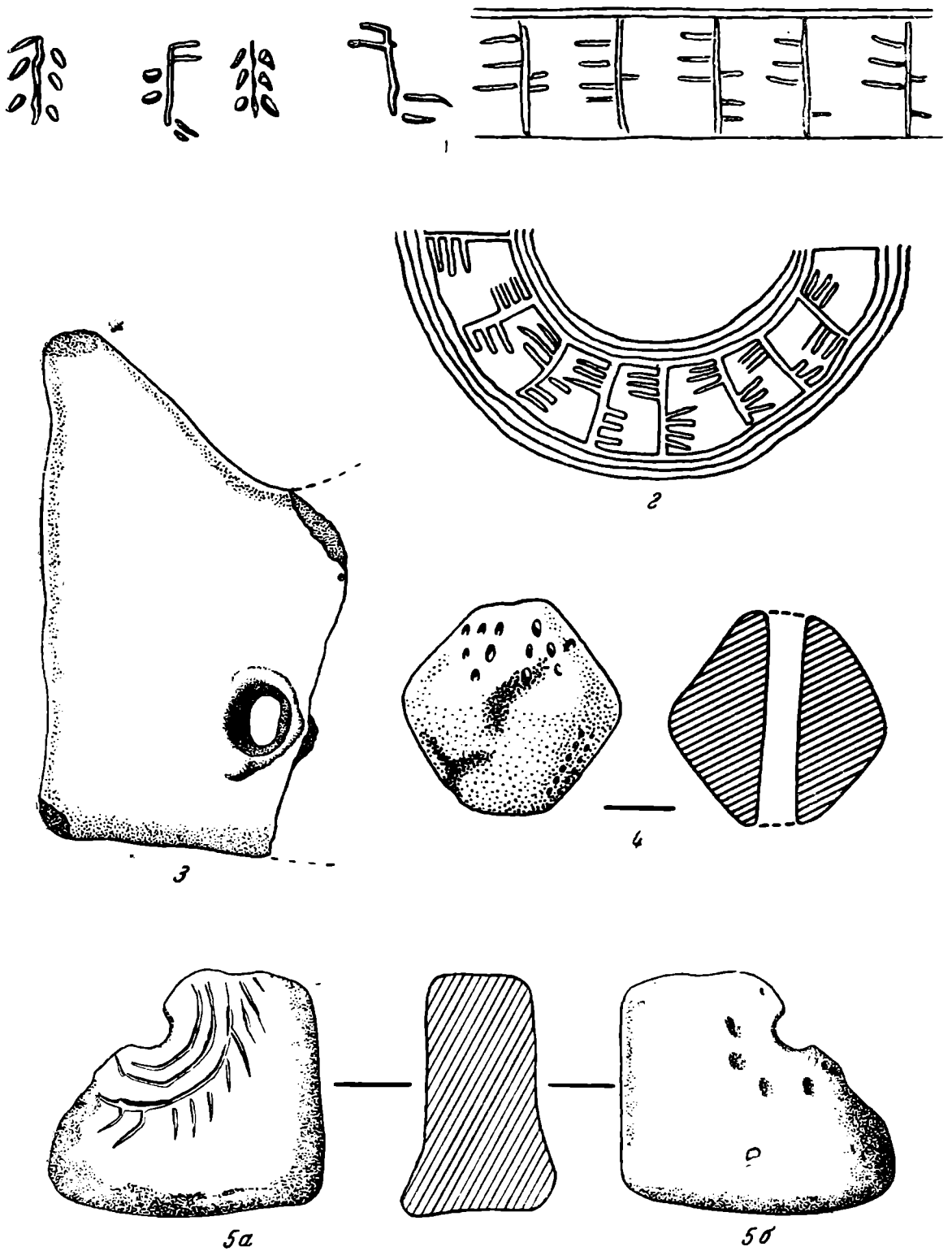

Рис. 176.

1 — орнамент на грузиле (н. в.), Юхновское городище; 2 — то же (н. в.), Горкинское городище, Юхновская культура; 3 — «рогатый кирпич» ($1\frac{1}{2}$ н. в.), Кветунское городище, Юхновская культура; 4 — грузило (н. в.), Горкинское городище, Юхновская культура; 5 — обломок «рогатого кирпича» ($1\frac{1}{2}$ н. в.), Красное городище, Юхновская культура.

идущими в вертикальном направлении, снизу вверх. Наружная поверхность в нижней части стенок покрыта более грубой штриховкой от сглаживания пучком травы или обстругивания деревянным ножом (рис. 17а — 3). Верхние части плечиков и шейки сглажены в горизонтальном направлении мокрой кожей или рукой. При этом зерна примеси утопились и поверхность получилась ровной и сравнительно гладкой. Формы сосудов мало разнообразны. Основным типом является горшок удлиненных пропорций с широким горлом и узким дном, с прямыми или слабо выпуклыми стенками, слегка выпуклыми плечиками и прямой низкой шейкой. Венчик не выделен, с прямосрезанным или скругленным краем. В малом числе встречаются небольшие, иногда совсем миниатюрные сосудики, почти правильной конической формы, на низком грубо вылепленном поддоне (рис. 17а — 5). Орнамент чаще всего состоит из одного ряда редких ямочных вдавлений по границе шейки и стенки. Иногда орнаментальный пояс имеет вид пологого горизонтального зигзага или дополнен небольшими редкими треугольными городками, спускающимися на плечики (рис. 16). Ямки частью круглые с плоским дном, но более часто встречаются угловатые, нанесенные узкой лопаточкой или концом прямосрезанной палочки, поставленной наискось. Обрез венчика бывает украшен теми же ямками, либо поперечными насечками. Посуда эта резко отличается как от южной скифской, так и от северной — дьяковской. О некоторых связях с последней свидетельствует нахождение на двух городищах (II Новгород-Северском и «Красном городище») единичных черепков с «сетчатой» наружной поверхностью (рис. 17а — 1). В обоих случаях эти черепки принадлежат к раннему типу дьяковской керамики.

Особенно характерны для Юхновской культуры многочисленные глиняные грузила разнообразной формы и величины (рис. 16). Среди них можно выделить несколько стойких типов. Бесспорными грузилами для сетей служили цилиндрические, шаровидные и в форме усеченного конуса, имеющие сквозное круглое отверстие. Они большого размера — до 10 см в диаметре. Но назначение ряда больших глиняных блоков остается не вполне ясным. К таким относятся овальные, шаровидные, иногда сферические и в виде усеченного конуса без отверстий, но часто с глубокими ямками, проходящими через всё тело. На большей части блоков бывает одна ямка. На некоторых усеченноконических, кроме одной, нанесенной сверху вниз, имеются 2—3 на боковых сторонах. Возможно, что эти блоки являлись тоже грузилами. Для подвешивания к сети они могли дополняться дужками из согнутых прутьев. Часть грузил украшена орнаментом из больших неглубоких ямок или нарезок.

Кроме крупных грузил на всех городищах встречаются небольшие глиняные грузики, считающиеся обычно пряслицами. Они имеют форму двух усеченных конусов, соединенных основаниями (рис. 17б — 4). На всех имеются круглые отверстия, проходящие по длинной оси. Диаметр этого отверстия очень невелик — всего 1,5 — 3 мм. Совершенно ясно, что они не могли надеваться на веретено, а служили либо грузилами для легких сетей, либо, что вероятнее, грузиками для ткацкого стана. Но вопрос этот, так же как и для аналогичных предметов, находимых в городищах Дьякова типа, пока остается нерешенным. Часть этих грузиков украшена орнаментом из мелких ямок с узором в виде треугольников. На некоторых узор имеет вид длинных прочерченных вертикальных линий с отходящими от них короткими черточками. Грузики с таким, почти идентичным, орнаментом встречены на нескольких городищах (рис. 17б — 1, 2).⁷

Очень своеобразны находимые в небольшом числе на всех городищах «рогатые кирпичи». Они состоят из уплощенного подпрямоугольного тела, со слегка утолщенным плоским основанием. От верхних углов отходят в стороны два коротких слегка изогнутых кверху рога. В центре тела имеется отверстие диаметром 1—2 см (рис. 176—3, 5).

Боковые широкие поверхности часто орнаментированы неглубокими ямками или прочерченными линиями. Последние обычно окаймляют центральное отверстие. Высота «рогатых кирпичей» от 6 до 20 см.

В. А. Городцов описывает очень близкие по форме изделия из раннедьяковского Старшего Каширского городища.⁸ Они отличаются от Юхновских отсутствием орнамента и тем, что у них вместо рогов имеются короткие заостренные выступы. В. А. Городцов указывает на находки аналогичных предметов на городище Дуна близ г. Лихвина на Оке и в городищах в окрестностях Краснодара на Кубани. Приводя ряд гипотез по поводу их возможного назначения, он приходит к выводу, что «рогатые кирпичи» являлись предметами культа. Мне кажется, что, судя по их форме, они могли служить подставками для вертела, ставившимися попарно по обе стороны очага. Это не исключает их связи с культом домашнего очага.

Кроме описанных выше глиняных изделий встречаются в небольшом числе обломки толстостенных жаровен. Они изготовлены из глины с примесью растительных остатков. От них сохраняются прямые или слегка вогнутые стенки высотой 4—5 см и толщиной 2—3 см. Среди них выделяются слабо обожженные бортики толщиной 3—4 см. Последние являются обломками бортиков, окаймляющих верх глинобитных печей. Целая печь такой конструкции была открыта в 1947 г. на Липинском городище в Курской области (рис. 18). Небольшое количество найденных до сих

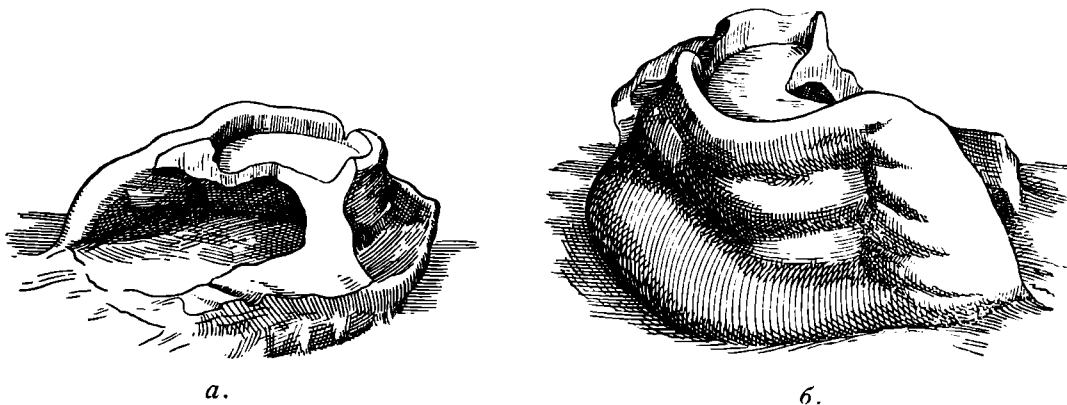

Рис. 18. Печь глинобитная. Липинское городище.

вид с юго-запада; б — вид с северо-запада.

пор костяных и металлических предметов состоит из нескольких крупных шильев или кочедыков, сделанных из костей, одного струга из коровьего ребра, обломка наконечника остроги, железной пряжки с «Красного городища», обломка массивного бронзового браслета позднелатенского типа, украшенного тремя рядами крупной ложной зерни — с городища «Песочный Ров», трех скифских бронзовых втульчатых трехгранных наконечников стрел и бронзовой булавки с загнутым в виде петли концом — с Юхновского городища. Эти немногочисленные находки могут быть использованы лишь для целей датировки. Характер хозяйства населения городищ

⁸ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. Изв. ГАИМК, вып. 85, М.—Л., 1933, стр. 14—15.

Юхновской культуры, благодаря малому масштабу раскопок, пока не может быть полностью охарактеризован.

Имеющийся материал позволяет говорить о большом значении рыболовства. Об этом свидетельствует большое количество и разнообразие грузил для сетей и обширные скопления рыбных костей и чешуи, встречаемых на всех городищах. По заключению ихтиолога Лебедева, обработавшего материал из Юхновских городищ А и Б, основными рыбами в уловах были: щука, сом, лещ и другие карповые.⁹ Он говорит что: «лов таких рыб, как щука, сом, судак и окунь, мог производиться крючковой снастью или острогой. Но наличие большого количества остатков карповых рыб (смешанный характер улова) и находки грузил делают более вероятным предположение, что основными орудиями лова были различные сетные снасти. По величине и форме грузил можно предположить, что применялись неводы и плавные сети». Плотва, по его мнению, в то время не вылавливалась. Средний размер рыб в уловах был больше современных. О наличии развитого рыболовства говорит и нахождение по берегам пойменных озёр и протоков на левом берегу Десны, против Пушкаревских городищ, целой системы мелких временных рыболовческих становищ, иногда состоящих из одного кострища с небольшим количеством черепков от разбитого горшка и скопления рыбьей чешуи и костей.

Среди костей млекопитающих, по заключению В. И. Цалкина, значительно преобладают кости домашних животных, из которых на первом месте стоит крупный рогатый скот и свинья и в меньшем числе представлены мелкий рогатый скот и лошадь, употреблявшаяся в пищу, о чем свидетельствуют и разбитые мозговые кости.

Среди костей диких животных встречались кости лося, косули, медведя, кабана, хомяка, зайца, лисицы, куницы, белки и бобра. Среди охотничьей добычи преобладают пищевые, а не пушные виды. Особенно любопытно малое количество бобра, столь обильного в Дьяковских и, особенно, Прикамских городищах. Так как несомненно бобр водился в бассейне Десны в достаточном числе, то его малое количество среди находок говорит о слабом значении в Юхновской культуре охоты на пушных животных.

Относительно земледелия пока, к сожалению, можно сказать мало. Ни находок земледельческих орудий, ни остатков обугленных зерен нами не найдено. Косвенным доказательством существования земледелия является наличие на городище «Песочный Ров» больших зерновых ям, имеющих характер, сходный со скифскими. Они округлые в плане, с плоским дном, диаметром около метра, с куполообразным сводом и узким круглым отверстием сверху. Глубина их около метра. Наличие земледелия подтверждается также нахождением частей обугленных стеблей злаковых среди золы и отпечатками их в глиняной обмазке жилищ.

Следующая стадия городищ представлена позднероменской культурой VIII—IX вв. н. э. В это время новые городища почти не возводились, а использовались более древние Юхновские. В некоторых случаях к небольшому старому городищу пристраивалась вторая площадка, отграничивавшаяся от материка также рвом и валом. Таково, например, большое двойное Кветунское городище, в 12 км ниже г. Трубчевска (рис. 16).

Количество городищ Роменской культуры значительно меньше, чем Юхновской; большая часть юхновских в это время оставалась незаселенной. Основная масса носителей Роменской культуры жила на неукрепленных селищах, количество которых значительно превышает число городищ. Эти

⁹ В. Д. Лебедев. К вопросу об изменении ихтиофауны реки Десны в период от последней межледниковой до современной эпохи. Зоол. журн., т. XXIII, вып. 5, 1944, стр. 240—249.

селища занимают большие площади, иногда достигающие нескольких гектаров. Таковы, например, селища «Овчары» близ г. Орджоникидзеграда (Бежицы), Майдан у с. Пушкари и др. Они обычно располагаются на боровых террасах правого берега Десны и на сниженных пологих участках склонов балок. Некоторая часть селищ располагается на плато, непосредственно за валом городища, образуя как бы зачаток городского посада.

В то время как юхновские селища имеют характер небольших временных становищ рыбаков и может быть пастухов, селища Роменской культуры являются обширными постоянными поселениями с большим количеством землянок, хорошо прослеживаемых в стенках окопов. Таковы поселения у Кветунского, II Горкинского городищ, Майдан и др.

Основным типом жилища в это время были большие землянки. Одна из таких землянок на городище «Песочный Ров» имела глубину до 1,5 м и площадь в 20 м² (рис. 16). На дне землянки, в углу близ входа, располагалась печь типа каменки, сложенная из больших каменных глыб на глиняном растворе, или глинобитная. Одна из глинобитных печей, раскопанная на Липинском городище (относящаяся к слою XI—XII вв.), имеет очень своеобразную конструкцию (рис. 18).

Печь, битая из сырой глины с растительной примесью, стоит прямо на полу так, что её под приподнят над уровнем пола всего на 4—5 см. Под вымощен крупной галькой на глиняном растворе и смазан слоем извести или мергеля. Основание печи круглое в плане с наружным диаметром 110 см. Топка низкая (высота свода в центре 30 см) без трубы. Жерло слегка скошено кверху. Верх печи в плане круглый, плоский, диаметром 63 см и обрамлен по краю толстым глиняным бортиком высотой 10 см. Это сооружение имеет вид жаровни, посаженной на печь.

В культурных слоях роменских поселений не встречается глиняной обмазки. Таким образом, и форма жилищ и строительная техника резко отличается от юхновской. Ввиду того, что раскопки роменских памятников нами проводились в небольшом масштабе, сколько-нибудь полной характеристики культуры в настоящее время дать невозможно. Основной материал в наших сборах состоит из обломков глиняной посуды. Она представлена горшками двух типов (рис. 16), глиняными тарелками и обломками больших жаровен. Горшки изготовлены из глины с примесью крупных зерен шамота (дробленой керамики) и, частью, дресвы. Они плоскодонные, леплены от руки ленточной техникой, с костровым и, может быть, частью печным обжигом. Некоторая часть сосудов изготовлена на примитивном, медленно поворачиваемом ручном кругу. По составу глиняного теста, форме, толщине стенок и орнаменту сосуды делятся на две группы. Для первой характерны толстостенные (0,8—1,2 см) сосуды из глины с примесью большого количества зерен крупного шамота, благодаря которым поверхность часто бывает бугристой (рис. 17а—2). Наружная поверхность в нижней части сосуда грубо сглажена пучком травы или обстругана деревянным ножом, а в верхней части обработана мокрой кожей или рукой. Сглаживание нижней части стенок часто производилось в вертикальном направлении, снизу вверх, от дна к шейке. Дно иногда бывает не совсем ровное, а слегка выпуклое. Форма горшков довольно однообразна. Более крупные — широкие, довольно низкие, с широким дном, прямыми или слегка выпуклыми стенками, хорошо выраженными плечиками и низкой прямой или отогнутой наружу шейкой (рис. 16, правый сосуд). Венчик обычно не выражен, со скругленным обрезом. Орнамент на сосудах этой группы состоит из отпечатков палочки, обмотанной шнурком, образующих один или два пояса по границе шейки и стенки. Узор обычно состоит из горизонтального зигзага или ряда косых отпечатков (рис. 16). На части сосудов имеется прочерченный орнамент в виде зигзага, идущего по пле-

чикам (рис. 17а — 4). Эта группа горшков лепилась от руки, без круга. Сходные сосуды встречаются в ранних Смоленских курганах, датированных Спицыным¹⁰ и Сизовым¹¹ IX веком.

Вторая группа горшков (рис. 16, левый сосуд) изготовлена частично из глины с шамотом, но чаще с примесью дресвы и песка. Они имеют более правильную форму, более тонкостенны и изготовлены большей частью на примитивном, медленно поворачиваемом кругу. О последнем свидетельствует часто наличие подсыпки на дне, тонкие параллельные горизонтальные штрихи на обеих поверхностях и характер прорезанного орнамента, несомненно нанесенного при поворачивании круга. Клейм на днищах этих сосудов не встречено. Представлены они горшками вытянутых пропорций с узким плоским дном, слегка выпуклыми стенками, сильно выпуклыми плечиками, низкой, обычно отогнутой наружу шейкой и кососрезанным обрезом венчика. Значительная часть этих сосудов орнаментирована линейным, прямым или волнистым, орнаментом. Часть сосудов покрыта по всей поверхности часто расположенными желобчатыми горизонтальными штрихами. Этого рода сосуды имеют аналогии в ранних Смоленских и Черниговских курганах и в основной массе должны быть датированы временем не позднее X в., тем более, что в городищах и селищах Десны оба типа встречаются совместно, не только в одних слоях, но и в одних комплексах. Из металлических вещей, позволяющих утверждать ту же дату, можно сослаться на находку на городище «Песочный Ров», в позднем комплексе, лировидной пряжки со звериными головками архаичной формы, еще не потерявшими реалистических черт, и поясной бляшки с розеткой. Аналогичные предметы также встречаются в Гнездовских курганах, но они более грубой работы.

Из прочей посуды встречаются плоскодонные тарелки с невысоким вертикальным бортиком и обломки толстостенных жаровен из глины с растительной примесью и обломки бортиков печей, аналогичных липинской. Полной характеристики хозяйства насельников поселений Роменской культуры, благодаря малому количеству материала, пока дать невозможно. При раскопках и разведочных сборах были обнаружены скопления рыбьей чешуи и костей, принадлежащих, по определению Лебедева, тем же видам, что и в памятниках Юхновской культуры.

Среди немногочисленных костей млекопитающих преобладают кости домашних животных — крупного и мелкого рогатого скота, свиньи и лошади. Кости диких животных представлены теми же видами лесных животных, что и в Юхновской культуре. Материала, относящегося к земледелию, пока не найдено.

Одной из проблем, интересующих сейчас археологов, занимающихся этногенезом восточных славян, является вопрос о месте происхождения и развития ранних стадий Роменской культуры. На территории, где она изучалась до сих пор, в степном левобережьи Днестра, между ранней культурой «полей погребений» и культурой городищ Роменского типа отсутствует преемственность и существует хронологический разрыв, измеряемый двумя столетиями. Позднейшие памятники «полей погребений» датируются IV—V вв. н. э., а древнейшие слои роменских городищ VI—VII вв. П. Н. Третьяковым выдвинута гипотеза о передвижении «роменцев» на юг из области бассейнов Сейма и Десны. По его мнению, «несомненно, что именно здесь лежит центр роменских племен, здесь они сложились в

¹⁰ А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. Изв. Археолог. ком., вып. 15, СПб., 1905, стр. 18.

¹¹ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. Мат. по археол. России, № 28, СПб., 1902, стр. 115.

процессе автохтонного развития, отсюда они начали расширять свою территорию на юг». ¹²

Этот тезис как будто не подтверждается на приведенном выше материале поздних городищ Десны. Исследованные до сих пор городища не могут быть датированы временем более ранним, чем VIII—IX в. н. э.

Но во время работ 1940 и 1947 гг. были открыты селища Авдеевское на правом берегу Сейма, в 40 км ниже Курска и Майдан у с. Пушкари, на правом берегу Десны, в 20 км выше г. Новгород-Северска, — содержащие керамику, несомненно более раннюю, нежели описанная выше. Она имеет черты переходные между Юхновской и Роменской и, вероятно, эти памятники заполняют хронологический разрыв между обеими культурами. На селище Майдан среди грубой посуды, покрытой штрихами по наружной поверхности, встречено несколько черепков ранней лощеной посуды, напоминающих по составу глиняного теста и способу лощения сосуда верхних слоев Дьяковских городищ, но отличающихся от них по форме. Среди них любопытны два обломка невысоких острореберных чаш.

Наиболее поздние городища Десны относятся к позднему периоду Киевской Руси — к XI—XIII вв. — и представляют собою остатки городов. Большинство их упоминается в летописях и «Слове о полку Игореве». Почти все они находятся под современными городами и селениями, сохранившими древние названия. Благодаря тому что на месте древних поселений в течение многих столетий существовали и строились города, древние остатки оказались застроенными и сильно разрушенными. Таковы Вщиж выше Брянска, ¹³ Трубчевск, Новгород-Северский, Путивль, Рыльск.

От древних поселений на них в более или менее хорошей сохранности остались лишь основные укрепленные части — детинцы, расположенные на мысах высоких берегов Десны и Сейма. Сильно пострадал лишь детинец Трубчевска, в большей части обрушившийся в результате подмывания рекой.

На остальных сохранились площадки, огражденные валом, в основе сооруженные еще в Юхновское и использовавшиеся в Роменское время.

Но два остатка древних городов — у с. Кветунь, в 12 км ниже Трубчевска, близ Челнского монастыря на Десне и у с. Липино, в 40 км ниже Курска на Сейме, находятся вне современных поселений. Благодаря этому они сохранили много древних частей в мало разрушенном состоянии. Большое Кветунское городище с двумя площадками, обрамленными рвами и валами, содержит поверх юхновских и роменских, слой с вещами XI в. В обрезах стенок окопов встречаются типичные плоские квадратные кирпичи. За валами, на плато, раскинулось обширное селище — посад. Вокруг поселения, на плато и у подножья на пойме Десны, разбросано в нескольких группах около 500 курганов. Большинство их имеет высоту всего 0.5—1.0 м, но на плато возвышаются несколько насыпей многометровой высоты. Между сохранившимися курганами виднеются сильно распаханные, иногда еле заметные, возвышения. Истинное количество курганов в Кветунских могильниках, повидимому, достигало не одной тысячи. Липинское поселение (рис. 16) представляет аналогичную картину, с той только разницей, что многочисленные курганы, упоминающиеся в старой археологической литературе, сейчас уже почти не существуют. Эти два пункта дают возможность изучить весь комплекс элементов древнерусского города, тем более, что для раскопок на них не существует препятствий в виде построек или ценных насаждений.

¹² П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена в свете археологических исследований последних лет. КС ИИМК, вып. XIII, изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 39—44.

¹³ Б. А. Рыбаков. Жернова Вщижского городища. КС ИИМК, вып. XI, изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 15—19.

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ

ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ XI—XIII вв.

(Доклад, прочитанный на заседании сектора славяно-русской археологии в марте 1947 г.)

По обширной территории Верхнего Поволжья разбросаны многочисленные курганы, оставленные населением деревень XI—XIII столетий.¹

Изучение погребальных обрядов, курганного инвентаря и хронологии курганов позволяет сделать следующие выводы:

1. Облик культуры населения Верхней Волги XI—XIII вв. в основных чертах сходен с обликом культуры других областей восточных славян.

2. Нанесение на карту различных типов погребальных обрядов (рис. 19) и курганных инвентарей (рис. 20) позволяет установить три исторически сложившихся района, обладающих определенными характерными особенностями материальной культуры. Задачей данной статьи и является исследование этих районов.

Для обширного района севера и северо-запада бывшей Тверской губернии, включающего верхнее течение реки Тверцы и ее притока Осуги, реку Мсту и верхнее течение реки Мологи (немного ниже впадения в нее реки Себли — западная часть Моложского уезда бывшей Ярославской губернии), характерны два вида погребальных обрядов: сопки и погребения в грунтовых могилах без насыпей.

По данным Н. Н. Черныгина,² сопки известны, главным образом, в верховьях Мологи и Мсты. В области средней Мологи они найдены под Весегонском, крайним восточным пунктом их распространения является приток Мологи — река Яна (деревня Перекладная).

Меньше их известно в западной части данного района, около озер Все-луг и Сиг и в верховьях Волги и Тверцы. Всего в данной области известно около 150 сопок.

Бескурганный могильник, открытый в 1903 г. Ширинским-Шихматовым у д. Федово на р. Мсте,³ содержит 84 погребения, расположенных близко друг к другу. Глубина могил от одного до полутора метров; ни гробовищ, ни бересты в них не обнаружено, иногда попадались угольки. Характерно отсутствие устойчивой ориентировки погребений: большинство из них лежит головой на северо-восток (27), на восток (24), на запад (9).

¹ Настоящий очерк охватывает область Верхнего Поволжья от истока р. Волги до впадения в нее р. Шексны. Обозначения старого административного деления сохранены в статье в связи с тем, что рассматриваемые памятники были раскопаны в дореволюционное время и описания их местоположения приводятся в литературе в этих границах.

² Н. Н. Черныгин. Длинные курганы и сопки. Материалы и исследования по археологии СССР, № 6, М.—Л., 1941.

³ Труды 2-го Твер. обл. съезда 1903 г. Тверь, 1906.

На основании найденного в могилах инвентаря можно заключить, что могильник принадлежит славянам и относится ко времени XI—XII вв.

На рассматриваемой нами территории известны и другие виды погребальных обрядов: индивидуальные курганы с трупосожжениями IX—X вв. и с трупоположениями на материке и в грунтовых ямах XI—XIII вв.⁴

Обозрение карты (рис. 20) позволяет заключить, что вещами, характерными для данного района, являются:

1) браслетообразные височные кольца с заходящими концами, найденные во всех семи курганных группах; наибольшее их количество найдено в Федовском могильнике;⁵

2) нагрудные цепочки с привешенными к ним разнообразными амулетами — коньками, ложечками, крестиками, звериными клыками и т. п.,⁶ из семи курганных групп известны в пяти и потому тоже могут считаться характерными;

3) полужгутовые загнутоконечные гривны — найдены в шести курганных группах;⁷

4) трапециевидные подвески — во всех курганных группах;⁸

5) брактеаты монет найдены в шести курганных группах.⁹

Следует отметить, что трапециевидные подвески являются частой находкой в длинных курганах, раскопанных Сизовым около Смоленска. В сочетании с округлой бляшкой, они составляют сложное шумящее украшение, а иногда входят в состав височного кольца. Районом распространения браслетообразных колец с трапециевидными подвесками является Гдовский.¹⁰ В составе височного украшения эти подвески известны в курганах XI—XII вв. верховьев Волги, Мсты и Мологи. Характерно, что именно в этих областях известны длинные курганы.

Второй район можно очертить по верхнему течению р. Волги с притоками; он охватывает территорию юго-восточной части Осташковского уезда, Ржевский, Зубцовский, Старицкий, Тверской и Корчевский уезды бывшей Тверской губернии. Сюда же можно отнести курганы Волоколамского,¹¹ Звенигородского¹² (по реке Истре), Московского¹³ (река Уча) и Дмитровского уездов бывшей Московской губернии.¹⁴

Здесь картина иная. Характерными для данной области являются преобладающие здесь курганы с трупоположениями на материке, трупосожжения в длинных курганах и погребения покойников в сидячем положении, являющиеся особенностью курганов Ржевского уезда. Последние два обряда распространяются и дальше на запад — в Смоленскую губернию, лишней раз подчеркивая исторические связи верховьев Днепра и Волги.¹⁵

Плетнев. Об остатках древности и старины в Тверской губ. Тверь, 1903.

⁵ А. А. Спицын. Старейшие русские могильники в Новгородской области. ИАК, вып. 15. Табл. в тексте, рис. 11.

⁶ ИАК, вып. 6, табл. I, рис. 11, табл. III, рис. 23.

⁷ ИАК, вып. 15, стр. 145, рис. 234. Хотя этот тип гривен известен у всех славянских народов, но в данном районе он встречается чаще, чем в других областях Верхнего Поволжья, что и дает мне право считать его характерным.

⁸ ИАК, вып. 6, табл. I, рис. 3.

⁹ МАР, № 29, табл. XXII, рис. 14 (СПб., 1903).

¹⁰ МАР, № 29, II, 1903.

¹¹ С. К. Богоявленский, Ю. В. Готье. Отчет о раскопках Елизаровского могильника Волоколамского уезда Московской губ. «Древности», т. XIX, вып. II, М., 1901; Спицын. Отчет о раскопках Гатцука... ЗОРСА, т. VII, в. 1.

¹² К. Я. Виноградов. Археологические раскопки. 1923—1924 гг. Воскресенск, 1925.

¹³ А. Ф. Дубынин. Каргашинские курганы. РАНИОН, т. IV, М., 1928.

¹⁴ Линдеман. Раскопки курганов летом 1907 г. «Древности», т. XXII, вып. I, М., 1909.

¹⁵ Смоленская губ. и уезд, дер. Буховка, река Вопец.

В отличие от предыдущего района, здесь удается проследить две стадии труположений на материке, — в курганах находят вещи ранние и поздние.

Характерными для первой стадии курганов являются:

1) браслетообразные завязанные височные кольца.¹⁶ Из 16 курганных групп, отмеченных на карте, они найдены в 14;

2) стеклянные бочкообразные позолоченные бусы — найдены в 13 курганных группах;¹⁷

3) сердоликовые бипирамидальные бусы — в 10 курганных группах;¹⁸

4) грушевидные бубенчики с крестообразной прорезью — в 10 курганных группах;¹⁹

5) пластинчатые тупоконечные браслеты — в 9 курганных группах.²⁰

Вещи второй стадии отмечены всего в пяти курганных группах. Наиболее часты браслеты витые тройные и 2×3 по типологии А. В. Арциховского — найдены в четырех курганных группах.

Третий район охватывает курганы Ярославского Поволжья с уездами бывшей Ярославской губернии: Угличским, Мышкинским, Рыбинским и Моложским (от реки Сити).

Курганы данного района имеют много общего с владимирскими и костромскими.

Особенностью этого участка Волги является наличие мелких курганных групп (не более 20—30 курганов в группе), что соответствует здесь и небольшому размеру селищ.²¹

Сопки и длинные курганы здесь немногочисленны.

Индивидуальные курганы с трупосожжениями были раскопаны по реке Сити Ивановским²² и у села Грехов Ручей, около Углича — И. А. Тихомировым.²³ Преобладающим обрядом погребения, как и в предыдущем районе, является труположение на материке. В курганах найдены вещи обеих стадий.

В Угличском уезде такие курганы раскопаны близ д. Кирьяново, Жуково, Вороново и Стромьнь, в Мышкинском уезде — в села Кривец,²⁴ в Моложском уезде — у с. Владимирское, Лопатино, Михалево, Плавь.²⁵ В Рыбинском уезде курганы раскопаны у с. Елохово, Кстово на р. Черемухе.²⁶ Следует отметить, что большинство раскопанных курганов Рыбинского уезда содержало мужские погребения с орудиями труда и оружием (ножи, топоры), в двух женских погребениях найдены серпы.

Вещами, характерными для первой стадии курганов, являются:

1) стеклянные бочкообразные позолоченные бусы — из 6 курганных групп найдены в пяти; 2) пластинчатые тупоконечные браслеты — известны в четырех курганных группах; 3) пластинчатые усатые перстни — в четырех курганных группах.²⁷

¹⁶ ИАК, вып. 15, стр. 138, рис. 119, в. с.

¹⁷ МАР, № 29, табл. XXII, рис. 75—76.

¹⁸ ИАК, вып. 15, стр. 55, рис. 14.

¹⁹ МАР, вып. 29, табл. XXIII, рис. 8.

²⁰ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, М., 1930, стр. 23, рис. 15.

²¹ Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. т. I. М.—Л., 1935. П. Н. Третьяков. Участок Молога-Норское, стр. 103.

²² Л. К. Ивановский. Отчет о раскопках курганов в Моложском у. Ярославской губ. «Древности», т. IX, вып. I, М., 1881.

²³ Архив ИИМК. Дело Археологической комиссии № 82 за 1900 год.

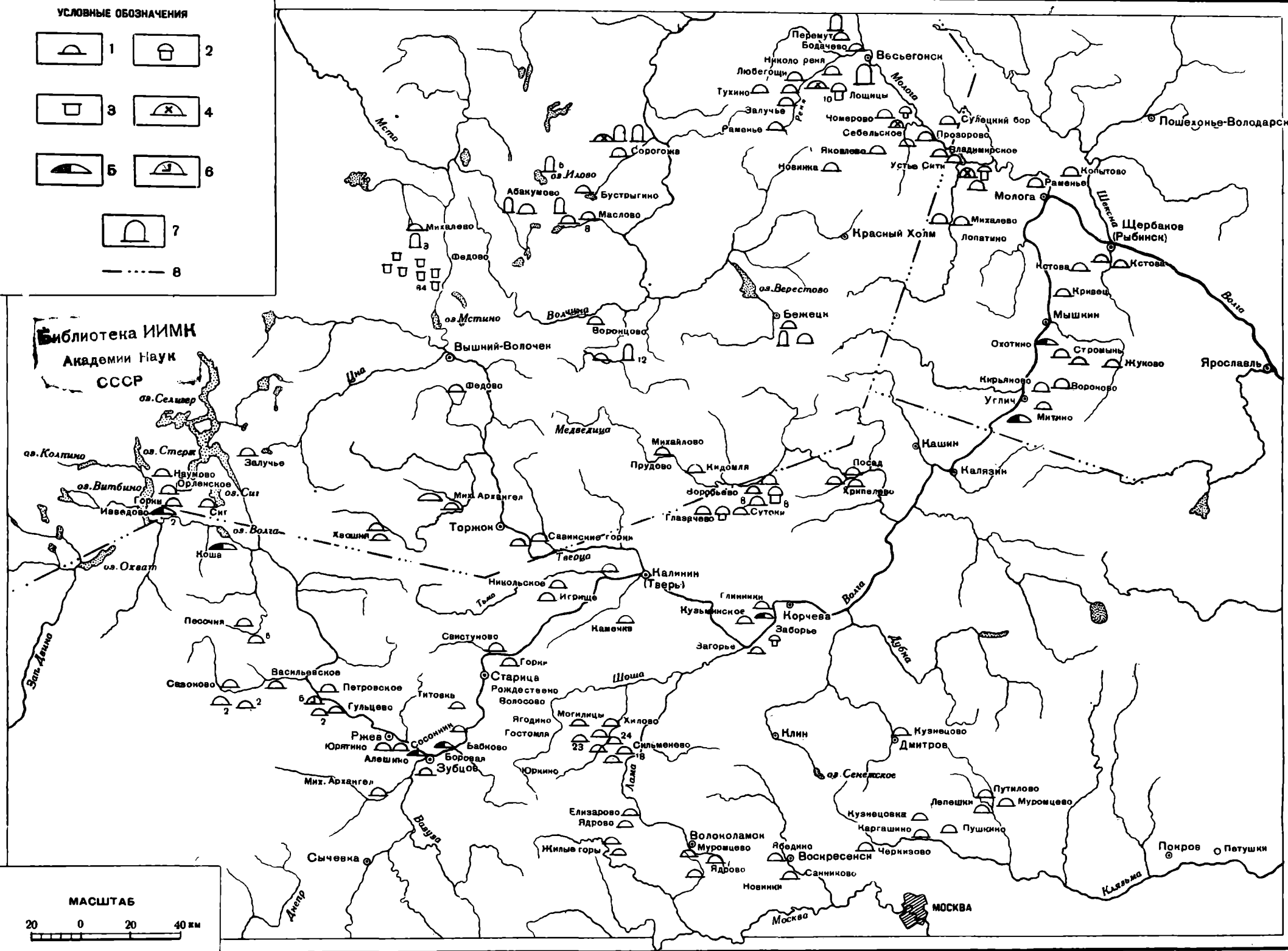
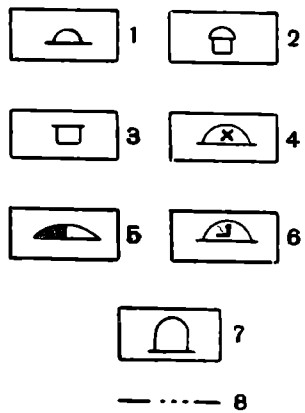
²⁴ Я. А. Ушаков. Раскопки в Мышкинском уезде в 1887 г. Труды VII археологического съезда в Ярославле, т. I.

²⁵ Ивановский. Ук. соч.

²⁶ Л. Альбицкий. О курганных раскопках, произведенных в Рыбинском уезде с 1916 по 1919 г. Рыбинск, 1923.

²⁷ ИАК, вып. 15, стр. 151, рис. 311.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Библиотека ИИМК
Академии Наук
СССР

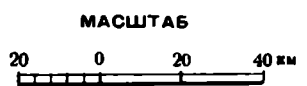

Рис. 19. Карта распределения погребальных обрядов по районам.

1—труположение на материке; 2—труположение в грунтовой яме; 3—бескурганный могильник; 4—трупосожжение; 5—длинные курганы; 6—погребение в сидячем положении; 7—сопки; 8—границы районов

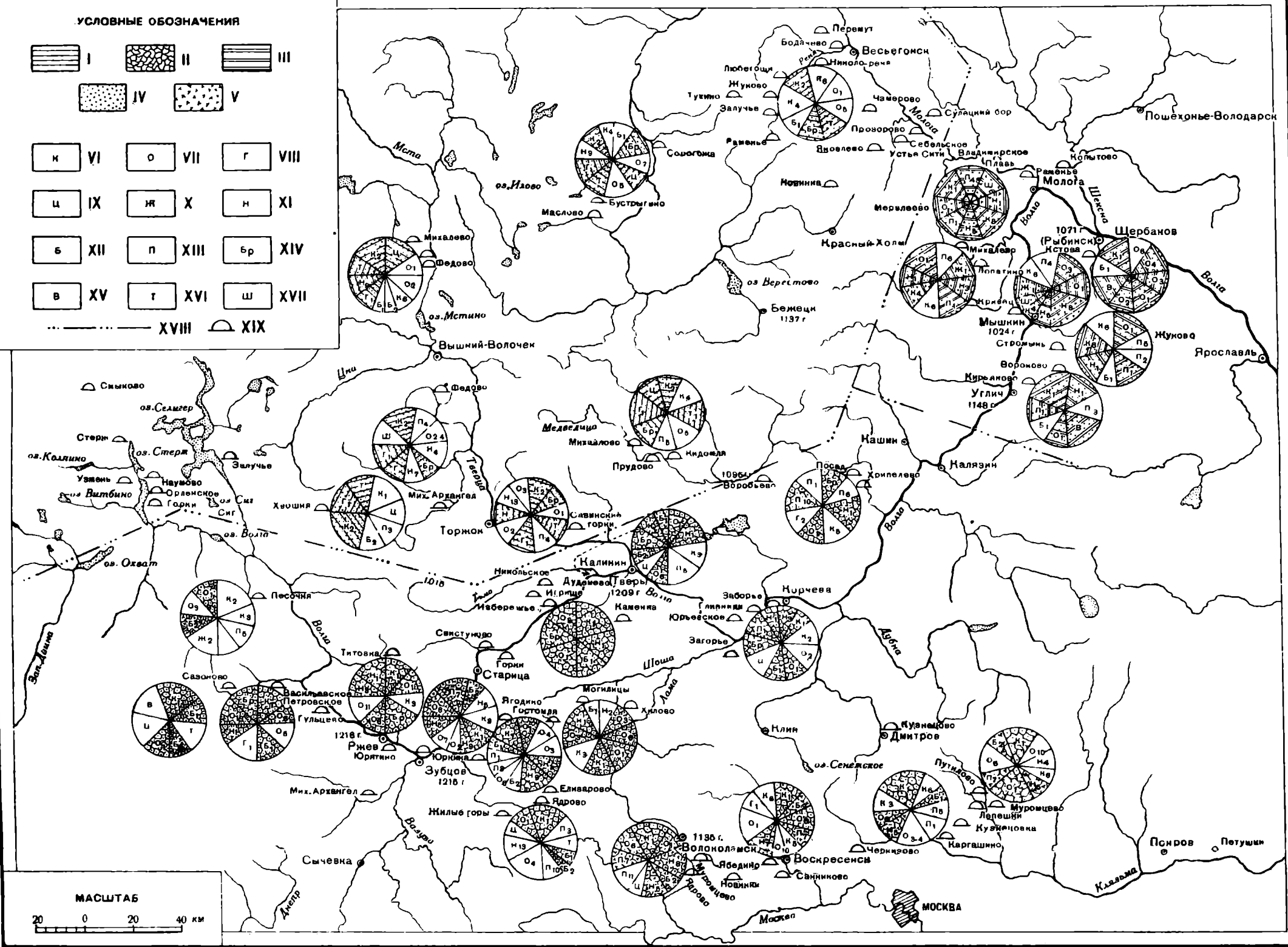

Рис. 20. Карта распределения типов украшений по районам.

I — вещи, характерные для 1-го района; II — вещи, характерные для 2-го района; III — вещи, характерные для 3-го района; IV — вещи I стадии XI — XII вв.; V — вещи II стадии XII — XIII вв. VI (К) — височные кольца. 1 — браслетообразные завязанные; 2 — браслетообразные с заходящими концами; 3 — браслетообразные с трапециевидными подвесками; 4 — трехбусенные гладкие; 5 — браслетообразные с завитком; 6 — перстнеобразные; 7 — ромбикотковые. VII (О) — бусы. 1 — золотостеклянные бочкообразные; 2 — золотостеклянные цилиндрические; 3 — серебростеклянные бочкообразные; 4 — серебростеклянные цилиндрические; 5 — сердоликовые призматические; 6 — сердоликовые бипирамидальные; 7 — синие белоромбические; 8 — мозаичные; 9 — кольцевые; 10 — хрустальные многогранные. VIII (Г) — гривны шейные. 1 — полужгутовые загнутоконечные; 2 — круглопроволочные свободноконечные; 3 — витые завязанные; 4 — плетеные с пластинчатými концами; 5 — витые тройные, 2 × 3; 6 — пластинчатые завязанные; 7 — пластинчатые агнутоконечные; 8 — круглопроволочные разокнутые; 9 — четырехгранные; 10 — круглопроволочные свободноконечные; 11 — узкий пластинчатый; 12 — вогнуто-выпуклый. XII (Б) — бубенчики. 1 — грушевидные с крестообразной прорезью; 2 — шарообразные с одной прорезью. XIII (П) — перстни. 1 — пластинчатые овалноконечные; 2 — пластинчатые завязанные; 3 — пластинчатые с слюдяным орнаментом; 4 — пластинчатые широкосредние; 5 — рубчатые; 6 — пластинчатые сплошные; 7 — решетчатые; 8 — круглопроволочные; 9 — пластинчатые дырчатые; 10 — пластинчатые с заходящими концами; 11 — витые с тонкими заходящими концами. XIV (Бр) — бракетты монет. XV (В) — венчики головные. XVI (Т) — трапециевидные подвески. XVII (Ш) — шумящие привески. XVIII — границы районов. XIX — курганы.

Характерных типов височных колец, наличие которых можно было бы отметить во всех курганных группах, выделить не удается. В некоторых курганах, например дер. Кирьяново около Углича, найдены браслетообразные завязанные височные кольца, в других — селах Плавь и Владимирское на Мологе — ромбоштитковые височные кольца.

Курганы, содержащие вещи второй стадии, немногочисленны, хотя, по сравнению с предыдущими районами, здесь их больше. Они сосредоточены главным образом в одной курганной группе у с. Кривец на Волге (недалеко от города Мышкина), затем — в селах Владимирском и Плавь на Мологе и, наконец, в д. Лопатино и Михалево на реке Сить.

Из вещей, характерных для второй стадии курганов, следует отметить: 1) трехбусенные гладкие височные кольца — найдены во всех курганных группах;²⁸ 2) браслеты витые тройные и 2×3 — известны в двух курганных группах;²⁹ 3) браслеты пластинчатые загнутоконечные — в двух курганных группах.³⁰

В курганах второй стадии многочисленны разнообразные шумящие украшения: пронизки, треугольные, спиральные, зооморфные и т. д.; тонкие штампованные жетоны и решетчатые подвески к ожерелью, стеклянные кольцевые бусы.

Изучение погребальных обрядов и курганных инвентарей северного района убеждает нас в том, что он имеет много общего с областью новгородских славян. Как известно, погребальными сооружениями, характерными для Новгородской земли, являются сопки. Данный обряд погребения преобладает и в нашем северном районе.

Обе названные территории имеют также одинаковый инвентарь, в том числе и характерный для северного района: нагрудные цепочки с разнообразными подвесками, трапециевидные подвески, полужгутовые загнутоконечные гривны.

Не нарушают отмеченного единства и лингвистические источники. В северном районе, включающем в себя Весьегонский, Бежецкий, Вышневолоцкий, Новоторжский и северную часть Тверского уезда, господствует севернорусское наречие, в частности новгородский говор (цокающая группа), который ведет свое происхождение от двух восточнославянских племен — новгородских славян и кривичей.³¹ Для говора новгородских славян было характерно сильное оканье, произношение *e* как *и*, звук средний между *ц* и *ч*, сочетание *жг жд*. Кривичи тоже окали (остатки оканья в псковских говорах).³²

Если сравнить эти сведения с результатами антропологических исследований, то окажется, что они находятся в полном соответствии друг с другом. По данным антрополога Т. А. Трофимовой, группа черепов из Вышневолоцкого, Весьегонского, Бежецкого уездов быв. Тверской губ. является смешанной из словенских и кривичских элементов.³³

Как известно, путь через Мсту и Тверцу на Волгу был одним из древнейших путей сообщения новгородцев. С возникновением Киевского государства территория верховьев Тверцы и Мсты стала принадлежать Новгороду. Уже в первой трети XII в. Торжок и Помостье упоминаются в

²⁸ И А К, вып. 15, стр. 140, рис. 164.

²⁹ А. В. Арциховский, Курганы вятичей. М., 1930, стр. 11, рис. 1, 3.

³⁰ Там же, стр. 23, рис. 14.

³¹ Ф. П. Филин. Диалектологический атлас русского языка. «Фронт науки и техники», № 12, 1936.

³² Ф. П. Филин. Очерк истории русского языка до XIX столетия. Уч. Зап. Ленинградского пединститута им. Герцена. Л., 1940.

³³ Т. А. Трофимова. Кривичи, вятичи и славянские племена Приднепровья. «Советская этнография», № 1, 1946.

грамотах как Новгородские волости.³⁴ Князь Ярослав Владимирович, изгнанный новгородцами в 1197 г., чтобы отомстить им «иде в Новый Торг... и дани взя по всей области, по верху Мьсты и за Волоком».³⁵

Возможно, что некоторые волости, как, например, Торжок и Волок Ламский, находились в совместном владении Новгорода и Тверских князей. «А что ти, княже, пошло на Торжку и на Волоце тивун свой держати, на своей части держати, а новгородец на своей части держати».³⁶

На основании грамот XIII в. можно заключить, что в состав Новгородской земли входила довольно обширная территория, в том числе и области по рр. Мсте и Мологе.

«А се, княже, волости Новгородские: Волок со всеми волостьми, Торжок, Бежице, Городец — Палиц, Мелеча, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Тре, Перемь, Печеро, Югра».³⁷

Таким образом, все рассмотренные источники — археологические, письменные, антропологические, лингвистические — позволяют считать основным населением данного (северного) района новгородских славян.

Однако на основании некоторых письменных источников и данных антропологии можно заключить, что в состав населения этой области входили также кривичи, что объясняется, вероятно, соседством обоих племен.

Анализ погребальных обрядов и инвентаря курганов второго (южного) района говорит о культурной общности его с областью днепровских кривичей. Для обеих территорий характерны длинные курганы и погребения в сидячем положении.

Как в верховьях Волги, так и в верховьях Днепра преобладающим типом височных колец являются браслетообразные загязанные; из других типов вещей и там и здесь особенно многочисленны стеклянные позолоченные и посеребренные бусы, пластинчатые тупоконечные браслеты, грушевидные бубенчики с крестообразной прорезью. Это культурное единство основано не только на подобных внешних признаках. Антропологическое исследование в районах верхнего течения Волги (Ржевского, Тверского, Корчевского уездов быв. Тверской губ.)³⁸ показало, что население данной территории является славянским племенем кривичей и примыкает к племени кривичей с территории БССР.³⁹ Группа эта обследована Г. Ф. Дебецом и объединена им с радимичами и дреговичами.⁴⁰ Как бы переходным звеном между ними является группа кривичей из Волоколамского и Звенигородского уездов быв. Московской губ.

На юг ведут и данные лингвистики. На преобладающей территории исследуемого района распространено северо-великорусское наречие (окающий говор). Но в Тверском, Старицком, Зубцовском (быв. Тверской губ.), Волоколамском и даже Клинском уездах (быв. Московской губ.) говор переходный на северо-великорусской основе к южно-великорусскому наречию, а в Осташковском и Ржевском уездах (быв. Тверской губ.) говор переходный на северо-великорусской основе к белорусскому. Южнее происхожде-

³⁴ 1134—1135 г. Уставная грамота новгородского князя Всеволода Мстиславовича, данная церкви св. Иоанна Предтечи на Опоках. Дополн. к актам историческим, т. I, № 3. СПб., 1846.

³⁵ Никоновская летопись, стр. 270. ПСРЛ, т. IX, СПб., 1862.

³⁶ Собрание гос. грамот и договоров, ч. I, М., 1843.

³⁷ Там же.

³⁸ Т. А. Т р о ф и м о в а. Черепка из Никольского кладбища. Уч. зап. МГУ, 1941 г., Антропология.

³⁹ Характерно, что самый юго-западный край Ржевского уезда занят белорусским наречием (У ш а к о в, Д у р н о в о. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. М., 1915).

⁴⁰ Близкое соседство кривичей с дреговичами и радимичами обусловило довольно раннее проникновение «аканья» в кривичские говоры (Ф. П. Ф и л и н. Очерк истории русского языка до XIX ст. Л., 1940).

ние особенно чувствуется в говоре населения западной части Ржевского уезда по реке Молодой Туд. Ржев долгое время принадлежал Смоленскому княжеству. Еще в 1216 г., накануне Липецкой битвы, по словам летописца, брат Ярослава Святослав Всеволодович осадил город Ржеву, принадлежавшую Мстиславу «Осели Святослав Ржевку, городъць Мьстиславль»).⁴¹

Если ко всему вышеизложенному прибавить сведения «Повести Временных лет» о том, что «Кривичи живут на верх Волги, и на верх Двины, и на верх Днепра»,⁴² то заключение о принадлежности «южного» района племени кривичей становится окончательным.

Переходя к третьему, «восточному» району (течение Волги от Углича до Рыбинска), напомним, что в своей материальной культуре он имеет много общего с двумя предыдущими районами. Сильнее это выражено в общности инвентаря, слабее — погребальных обрядов. Сопки известны здесь, главным образом, по Мологе и Шексне,⁴³ длинные курганы — по Волге, около Углича и Мышкина.⁴⁴

Очевидно не случайно, что в XI—XIII вв., в области распространения сопок (с. Плавь и Владимирское на р. Мологе) известны овально- и ромбоштитковые височные кольца, а там, где найдены длинные курганы (около Углича), — браслетообразные завязанные височные кольца.

Следует отметить, что по курганному инвентарю данного района можно проследить еще и третью локальную группу, испытывающую сильное влияние мерянской культуры, что выражается в наличии большого количества шумящих украшений в некоторых курганах (с. Кривец на Волге).

Антропологические исследования Т. А. Трофимовой показали, что основным населением данного района являются кривичи; они объединяются в одну группу с населением быв. Владимирской и Костромской губ. и имеют слабую примесь монголоидных элементов.⁴⁵

Таким образом, наличие кривичской колонизации на этом участке течения Волги можно проследить и по археологическим и по антропологическим данным. Другим источником колонизации, как это было доказано ранее,⁴⁶ являлась область новгородских славян.

Итак, рассматриваемый нами «восточный» район характеризуется сочетанием трех культурных влияний — кривичей, новгородских славян и мери. Это сказалось и в лингвистических особенностях данного района. Здесь господствует северо-великорусское наречие, его восточная группа.⁴⁷

Очерченные границы районов, разумеется, не могут быть совершенно замкнутыми.

При наличии общности материальной культуры на территории Верхнего Поволжья и культурного взаимодействия отдельных районов, естественно, что в них встречаются одинаковые обряды погребений и одинаковые типы вещей. Мало того, культурное единство славян, о котором говорилось выше, не есть явление, присущее только восточно-славянскому миру. По археологическим данным хорошо прослеживается наличие тесных культурных связей, соединявших в X—XIII вв. весь славянский мир.⁴⁸

⁴¹ ПСРЛ, т. III, Новгородская I лет., СПб., 1871, стр. 34.

⁴² ПСРЛ, т. I, Лаврентьевская лет., 1926, стр. 10.

⁴³ Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. Мат. и исслед. по археологии СССР, № 6, М.—Л., 1941.

⁴⁴ Там же

⁴⁵ Т. А. Трофимова. Черепа из Никольского кладбища.

⁴⁶ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. Мат. и исслед. по археологии СССР, № 6, М.—Л., 1941.

⁴⁷ Ушаков, Дурново. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. М., 1915.

⁴⁸ См. А. В. Арциховский. Культурное единство славян в средние века. «Советская этнография», № 1, 1946.

Н. Н. ВОРОНИН

ТВЕРСКОЙ КРЕМЛЬ В XV ВЕКЕ

Топография древней Твери до настоящего времени совершенно не изучена, хотя ряд местных историков и ставил перед собой эту задачу. Хронологическим пределом, до которого удавалось проникнуть исследователям, был XVII в., точнее 1616 г., когда, в связи с опустошившим город пожаром, была составлена дозорная книга, впервые сообщающая более или менее связные данные о топографии Твери.¹ Затем следовали писцовая книга Потапа Нарбекова 1626 г.,² переписи М. Н. Чирикова 1677 г.³ и Иллариона Шишкова 1685—1686 гг.⁴ На основании этих источников и строились исследования по древней топографии Твери Н. Н. Овсянникова, В. Колосова и других местных историков.

С появлением в печати записок Эрика Пальмквиста, содержащих в числе сопровождающих их рисунков план Твери, в руках исследователя оказался первый графический источник, казалось бы облегчающий работу над писцовыми материалами. Однако при ближайшем рассмотрении план Пальмквиста немногим расширил знание тверской топографии,⁵ так же как и слишком общие рисунки двух других иностранцев: Мейерберга⁶ и Олеария.⁷

Кроме перечисленных источников, исследователям тверской старины был хорошо известен памятник, дающий, как увидим ниже, наиболее раннее и документальное изображение тверского Кремля. Мы имеем в виду хранившуюся в тверском Спасо-Преображенском соборе икону князя Михаила Ярославича и его матери Ксении, поддерживающих руками миниатюрную кремлевскую панораму — «град Тверь» (рис. 21). Почти каждый автор, писавший о Твери, упоминал об этом изображении, но ни один из них не попытался сделать его предметом специального изучения и извлечь из него все возможные данные, как это было сделано с аналогичными иконографическими памятниками Новгорода и Пскова. Подлинной иконы нам увидеть не удалось, так как мы не могли найти ее следов в коллекциях Тверского музея. В своих суждениях о ней мы пользуемся весьма несовершенным ее воспроизведением по рисунку С. Измайлова, гравиро-

¹ Дозорная книга г. Твери 1616 г. Тверь, 1890.

² Выпись из тверских писцовых книг П. Нарбекова... 1626 г., г. Тверь. Тверь, 1901.

³ Церкви и монастыри в г. Твери в 1677 г. по переписи М. Н. Чирикова. Тверь, 1889.

⁴ Писцовая книга Иллариона Шишкова 1685—1686 гг. Рукопись Тверского музея.

⁵ Ю. В. Готье. Известия Пальмквиста о России. «Археологические известия и заметки», 1899; М. В. Рубцов. Тверь в 1674 г. по Пальмквисту. Тверь, 1902.

⁶ Альбом Мейерберга, СПб., 1903, Лист 14, рис. 42.

⁷ А. Олеарий. Описание путешествия в Московию. СПб., 1906.

ванному Э. Лиле и приложенному к сочинению А. Соколова⁸. Этот рисунок с достаточной точностью передает иконографию памятника. Издатель, интересовавшийся этим рисунком, как иконой «святого» князя тверского, естественно, не придавал должного значения изображенной здесь кремлевской панораме. В объяснении к рисункам он пишет: «Снимок с образа св. благ. кн. Михаила и матери его Ксении имеет достоинство замечательной древности. Благочестивой любознательности не безинтересно

Рис 21. Изображение Тверского кремля на иконе XV в.

видеть здесь изображение древней крепости г. Твери. На плане виден собор, построенный в. к. Михаилом; напротив алтаря соборного, как можно заключить по описаниям, Афанасьевский монастырь (где ныне гауптвахта). Там же виднеются бывшие палаты великокняжеские с церковью святого Михаила и двор Владычный с крестовою церковью, и др. храмы, бывшие в городской крепости».⁸ Подлинник, по словам Соколова, — 11 вершков длины и 9 вершков ширины хранился в соборной ризнице.⁹ В одной из своих работ Н. Овсянников отзывался об этой иконе как о произведении XVI в., основываясь главным образом на том, что собор еще покрыт «по кружалам», т. е. до перестройки в 1634—1635 гг.¹⁰ А. К. Жизневский, напротив, относил икону к «поздним строгановским письмам» X в., также не аргументируя своего заключения.¹¹ При отсутствии самого памятника, пользуясь лишь его репродукцией, можно сказать, что определение Жизневского гораздо ближе к истине. Но замечание Овсянникова позволяет уточнить более позднюю дату иконы: Спасский собор имеет здесь еще луковичные металлические главы. Из дозорной же книги Твери 1616 г. мы узнаем, что после большого пожара 1612 г. «верхи у храму были наделаны деревянные».¹² Следовательно, это изображение не может быть отнесено позже, чем к началу XVII в.

А. Соколов. Святой благоверный великий князь Михаил Ярославович тверской. Тверь, 1864.

⁹ А. Соколов. Ук. соч., стр. IV

¹⁰ Н. Овсянников. Указатель тверской старины. Тверь 1903, стр. 31.

¹¹ А. К. Жизневский. Тверские древности. «Вестник общества древнерусского искусства». 1874, Смесь, стр. 6.

¹² Дозорная книга г. Твери 1616 г. Тверь, 1890, стр. 13.

Однако можно поставить вопрос и иначе. Если отвлечемся от данной иконы Михаила и Ксении, которая очевидно была не единственной в своем роде, подобно тому как в Пскове был ряд икон местного святого князя Всеволода-Гавриила, то в первую очередь возникает вопрос о времени появления подобных церковных изображений основоположника «Тверского града» князя Михаила Ярославича и его матери. «Повесть» о его кончине в Орде в 1318 г., составленная, повидимому, очевидцем события и являющаяся, по признанию исследователей, одним из лучших памятников древнерусской агиобиографии, подверглась в середине XV в. в Твери переработке, превращавшей полусветскую повесть в житие святого.¹³ В это время была создана литературная почва для прославления и двух других героев тверской истории — князей Александра Михайловича и Михаила Александровича;¹⁴ однако, в связи с обострением московско-тверских отношений дальше их местного почитания в Твери дело не пошло.¹⁵ В XIV—XV вв. Москва уже значительно пополнила русский пантеон своими святыми и реликвиями,¹⁶ поэтому церковно-политическая деятельность в Твери первой половины XV в. была как бы ответным усилением церковного авторитета соперницы Москвы. Возможно, что в связи с церковным прославлением князя Михаила в первой половине XV в. появился и посвященный ему придел в Спасском соборе.

Можно думать, что в эту же пору, наряду с агиографической литературой, тверские иконописцы начали создавать иконные изображения князя Михаила. Для этого в их распоряжении имелся портрет князя и его матери княгини Ксении на миниатюре рукописи Амартола, исполненной по заказу самого князя Михаила (в 1294) мастером Прокопием. Возможно, что именно этот оригинал и дал повод изобразить на иконе святого князя вместе с его матерью, не пользовавшейся церковным почитанием;¹⁷ в иконописном же подлиннике он представляется единолично¹⁸. В этой парной композиции сказалась не только вероятная сила «образца», но и определенный идейный религиозно-политический смысл. В летописной тверской традиции княгиня Ксения выступала вместе со своим сыном как строительница главного собора Твери и видная фигура ранней тверской истории. На иконе они оба держат тверской «град», как бы подъявляя его кверху и поручая его судьбу божественному покровительству. В этом смысле культ князя Михаила играл ту же роль небесного патроната, какую в Новгороде играла икона Знамения, во Владимире — культ богородицы, в Пскове — культ князя Всеволода-Гавриила. Таким образом, можно предполагать, что и кремлевская панорама иконы может по своей иконографии восходить к тому же раннему времени, когда сложился и самый тип данной иконы Михаила и Ксении.

Обратимся к описанию кремлевской панорамы (рис. 21). На переднем плане изображена крепостная бревенчатая стена с пятью башнями, из которых три «воротные» — проездные с фланкирующими их «стрельницами» по бокам; башни покрыты шатровыми кровлями, стрельницы — на два ската. Хотя две башни — средняя и правая — не имеют обозначения бревен, они покрыты той же коричневой краской, что и весь «город», т. е.

¹³ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 250—256.

¹⁴ ПСРЛ, XV, стр. 463—470.

¹⁵ Н. Серебрянский. Ук. соч., стр. 257.

¹⁶ Канонизация митрополита Петра (1339); перенесение иконы Владимирской богородицы в Москву (1395); Сергей Радонежский (1422); митрополит Алексей (1481).

¹⁷ Любопытно, что работа над этой рукописью Амартола была продолжена тверскими мастерами во второй половине XIV в. Д. В. Айналов. Миниатюры древнейших русских рукописей. Краткий отчет о деятельности Общества древней письменности и искусства за 1917—1923 гг., Л., 1925, стр. 11—35.

¹⁸ Н. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882, стр. 371.

они, несомненно, деревянные.¹⁹ Внутри Кремля деревянными показаны только два здания: высокая бревенчатая шатровая колокольня (шести- или восьмигранная) и небольшая церковь с полусферическим куполом и луковичной главкой в левой части Кремля. Остальные постройки показаны каменными.²⁰ Это две церкви: Спасский собор с боковыми приделами Введения и Дмитрия и высокая многоярусная церковь справа от него. По бокам этой центральной части ансамбля видны фасады каменных построек гражданского характера; из-за их правой группы видны два высоких шатра. Такого же типа, но более низкий фасад иконописец поместил перед собором, закрыв им низ храма; жилое это здание или ограда — сказать трудно, хотя над входом по сторонам изображены два окна или бойницы. Такова немногосложная композиция иконного «тверского града».

Насколько можно пользоваться изображением Кремля для топографических целей, показывает анализ изобразительных приемов его автора. Прежде всего обращает на себя внимание кремлевская стена с пятью симметрично расположенными башнями. В центре и по бокам художник поместил проездные башни с воротами и фланкирующими их «стрельницами», по бокам средней — две глухие башни. Если полагать, что весь Кремль, как и Спасский собор, изображен с восточной стороны, то здесь действительно было бы видно пять башен (по Пальмквисту), причем лишь одна правая (северная) была бы проездной — это Владимирские ворота, замеченные в 1674 г. каменной башней.²¹ Но в целом тверской Кремль имел действительно три проездные башни: кроме Владимирской, выходящей на северо-восток, на юг — к Тьмаке — обращались Тьмацкие ворота, и на северо-запад — к Волге — выводили Волжские ворота. Двое из этих ворот упоминаются летописью при описании осады Твери московской ратью в 1375 г.,²² третьи — Владимирские — известны впервые по упоминанию 1408 г. о Владимирском мосте через ров.²³ Есть глухое указание, что в 1391 г. «во Тфери доспеша ворота у святого Василья», но были ли это четвертые ворота города, по отсутствию упоминаний о них в дальнейшем, — судить трудно.²⁴ Таким образом, сличая панораму с планом Пальмквиста, можно прийти к заключению, что иконник изобразил, так сказать, символическую стену тверского Кремля, перенеся трое его ворот на один

---

¹⁹ У Пальмквиста в северо-восточной части Кремля показано три каменных башни, так же как и на противоположном его конце. В то же время Пальмквист пишет, что «в настоящее время (т. е. в 1674 г.) фортификация состоит из одних только деревянных стен, большей частью обрушившихся, но, по всей вероятности, царь прикажет здесь возвести каменную стену, с башнями, потому что, пока посольство находилось в Москве, одни городские ворота с частью стен уже были возведены из камня, и говорили, что местный архиепископ будто бы вѣлся за свой счет построить три круглые башни, дабы более расположить царя к укреплению всей крепости» (цит. по статье Линдемана в Трудах II тверского областного археологического съезда, стр. 353). Действительно, в 1674 г. архиепископ Иосаф строил каменную проездную башню «домовую казною» (Писцовая книга Шишкова; Рубцов. Ук. соч., стр. 22). Тогда у Пальмквиста показана неверно и эта единственная каменная башня; она была против моста через ров. Остальные «каменные башни» Пальмквист показал, видимо, «авансом», основываясь на уловленных им слухах. Иконный рисунок ближе к истине, чем кажущийся точным «план» шведского шпиона.

²⁰ Овсянников писал, что «на этой иконе... написан старый собор с некоторыми окружающими его зданиями, церквами и княжеским дворцом. Все строения вокруг него каменные» (Тверь в XVII веке. Тверь, 1889, стр. 93). Можно сомневаться в точности изображения на иконе и сама она, быть может, давала искаженное представление о первоначальных красках и результате наслоений грязи а, может быть, и записи. Однако ниже мы постоянно проверяем данные иконы показаниями других источников.

²¹ Рубцов. Ук. соч., стр. 22.

²² ПСРЛ, XI, стр. 24; XV, стр. 434—435.

²³ ПСРЛ, XV, стр. 474.

²⁴ ПСРЛ, XI, стр. 125.

условный фасад, чем придавал ему определенную для средневекового восприятия конкретность, но лишил это изображение стены всякого значения для анализа топографии тверского Кремля.

Следует принять во внимание и другое возможное толкование панорамы, согласно которому стена Кремля изображена со стороны сухого рва, так что справа оказывается башня Волжских ворот, в центре — Владимирская башня, а слева — предполагаемые Васильевские («у святого Василья») ворота. При этом панорама приобретает реальное значение для исторической топографии Твери.²⁵

Что касается расположения зданий внутри кремлевской стены, то и здесь мы вправе относиться к его реальности и топографической точности с большой осторожностью. Однако в общей группировке основных ансамблей иконник относительно правильно выдержал их соотношения при взгляде на Кремль с востока: собор с его колокольней расположен почти в центре, а здания княжеского двора — справа от него, т. е. в северной части изображения, как это и было в действительности.²⁶

Иначе приходится отнестись к изображению отдельных зданий и деталей ансамбля. Как показывает специальное исследование, иконное изображение собора передает его двухпридельную композицию относительно верно.²⁷ То же можно сказать и относительно других памятников Кремля.

Однако кажущийся схематичным и иконописным пояс кремлевской стены при ближайшем рассмотрении имеет интересные реальные подробности. Проездные башни изображены с боковыми фланкирующими ворота «стрельницами», которые упоминаются в летописном рассказе об осаде Твери московской ратью в 1375 г.: москвичи во время штурма «у Тматских ворот мост и стрельницы зажгоша».²⁸ Повидимому, в панораме Кремля отобразился его очень ранний облик: осада 1375 г. имела дело с укреплениями, созданными еще в 1369 и 1373 гг. князем Михаилом Александровичем в связи с обострившимися отношениями с Москвой.²⁹ Эти укрепления усиливались в 1387 и 1391 гг., перестраивались в 1394 г.,³⁰ а с 1414 г. начинается ряд опустошительных пожаров: в этом году погорел весь Кремль, в 1443 г. — треть Кремля, в 1449 г. возобновленную стену подожгли у Волжских ворот «Ростопчины дети Иванко до Степура»; в 1465 г. снова сгорела половина Кремля.³¹ Повидимому, стены немедленно возобновлялись, хотя летопись и не отметила этих работ. Кремлевская панорама иконы представляет, таким образом, очень ценный источник для истории крепостной архитектуры Твери XIV—XV вв.

Большой интерес представляет также изображение огромного деревянного шатрового столпа-колокольни, стоящего рядом с собором Спаса и доминирующего над всеми зданиями города. Мы имеем единственное упоминание о постройке колокольни в Твери в 1407 г. «Того же лета во Тфери заложена бысть колоколя около старые великим князем Иваном Михайловичем Тферским в Петрово говенье».³² Четырьмя годами раньше, в 1403 г. «слит бысть колокол святому Спасу благовестник князем Ива-

²⁵ Доклад аспиранта Э. А. Рикмана. Топография Тверского Кремля в XII—XV вв. на секторе славяно-русской археологии в феврале 1948 г. Э. А. Рикман обратил внимание на неправильность ориентировки плана Пальмквиста, на котором север отклонился примерно на 45° к востоку. Но это влечет за собой признание, что Пальмквист неверно ориентировал здания в Кремле.

²⁶ Рубцов. Ук. соч., стр. 32.

²⁷ Н. Н. Воронин. Тверское зодчество XIII—XIV вв. ИОИФ, 1945, № 5.

²⁸ ПСРЛ, XI, стр. 24.

²⁹ ПСРЛ, XI, стр. 12 и 19.

³⁰ ПСРЛ, XI, стр. 93, 125, 156.

³¹ ПСРЛ, XV, стр. 486, 492, 494, 496.

³² ПСРЛ, XI, стр. 198; XV, стр. 473.

ном Михайловичем и бысть глас его красен». ³³ Несомненно, что эти два факта взаимно связаны и что здесь идет речь о сооружении колокольни при соборе для вновь слитого «благовестника», т. е. большого колокола. О сооружении «старой» колокольни летописи не упомянули: повидимому, этой постройке не придавалось никакого значения. Новая же колокольня и отливка колокола привлекли внимание летописца. Князь Иван Михайлович (1399—1425) стремился следовать заветам своего отца в деле укрепления политического авторитета Твери ³⁴ и укрепления Тверского княжества новыми постройками: в Старице он строил вместе с отцом каменные храмы (1396—1403). ³⁵ Сооружение новой звонницы в Кремле имело, несомненно, большой политический смысл. В 1339 г. Иван Калита снял колокол у тверского Спаса и увез с собой на Москву; ³⁶ возможно, что тверской собор долгое время стоял без звона. Князь Иван Михайлович делает новый большой колокол «красного» звона и строит новую колокольню. Что панорама Кремля изображает именно эту постройку князя Ивана, свидетельствует ее как бы демонстративный масштаб, заставляющий вспомнить, с одной стороны, огромную рубленую вежу посреди стольного города Даниила Галицкого — Холма, а с другой, столетием позднее, столп Ивана Великого в Московском Кремле. Повидимому, подобное же архитектурно-композиционное и идейное значение имела и колокольня тверского Спаса, созданная князем Иваном в обстановке напряженной борьбы за самостоятельность Твери. Возможно, что она горела во время тверских пожаров XV в., но несомненно, что она, так же как и Кремль, выростала вновь. Писцовые книги конца XVI в. знают церковь «Ивановскую, что во Твери под колоколы», ³⁷ а в 1616 г. Дозорная книга упоминает «колоколницу болшую». ³⁸ На изображении Твери в альбоме Мейерберга мы видим очень тонкий и высокий «столп», увенчанный луковичной главой с крестом, но отстоящий довольно далеко от собора. Повторим еще раз, что в иконной панораме Твери «столп» князя Ивана Михайловича занимает подчеркнутое и масштабно-преувеличенное место.

Обратимся к другому, не менее интересному зданию Кремля.

Против алтарей Спасского собора, к северо-востоку от него, изображена многоярусная церковь, которая не находит себе места в числе известных по летописным данным памятников тверской архитектуры. Храм Афанасьевского монастыря, построенный в XIII в. за алтарями собора, был, как позволяют заключить источники, деревянный, на панораме же изображен каменный храм. На изображении Твери у Олеария ³⁹ мы находим в центре города, повидимому, эту же самую церковь, с ее характерной и своеобразной ярусной композицией. Видеть в этом изображении старый Спасский собор совершенно невозможно, так как это был большой пятиглавый собор с двумя придельными храмами. Собора вообще на гравюре Олеария нет; можно думать, что он видел Тверь, когда старый собор был уже разобран, а новый еще не построен. ⁴⁰ Отсутствие других храмов на

³³ ПСРЛ, XI, стр. 188; XV, стр. 470—471.

³⁴ Борьба с удельными князьями кашинскими и холмскими, сложные политические взаимоотношения с Литвой, Москвой и татарами. См. Экземплярский, II, стр. 497—503.

³⁵ ПСРЛ, XV, стр. 457, 470.

³⁶ ПСРЛ, X, стр. 211.

³⁷ ПКМГ, ч. I, отд. 2, стр. 159.

³⁸ Дозорная книга, стр. 27.

³⁹ А. Олеарий Описание путешествия в Московию. СПб., 1906, стр. 26.

⁴⁰ Олеарий был в Твери в 1634 г., а новый собор был построен в 1634—1635 гг. Отметим, что вид Твери по немецкой гравюре XVII в., приложенной к изданию Герберштейна, представляет собой зеркальное повторение гравюры Олеария. Ср. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 116 и А. Потапов. Очерк древнерусского гражданского зодчества. «Древности» МАО, XIX, табл. I, рис. 1.

гравюре не должно удивлять, так как они разрушились после пожара 1612 г. Таким образом, можно утверждать, что изображенная на иконе многоярусная церковь — не плод фантазии иконописца, но реальное здание, еще существовавшее во времена Олеария, построенное, повидимому, до начала XVII в.

В Дозорной книге 1616 г. мы впервые встречаемся с упоминанием каменной церкви Ивана Милостивого, находящейся в соседстве с храмами Михаила и Бориса и Глеба при княжеском дворце, собором Спаса и большой соборной колокольней;⁴¹ в конце XVI в. писцовые книги даже объединяют колокольню и ц. Ивана («Ивановская, что во Твери под колоколы»).⁴² Эта связь построек прекрасно совпадает с положением на панораме многоярусного безымянного храма, который мы и назовем церковью Ивана Милостивого. Значительно сложнее вопрос о ее дате.

По справедливому замечанию А. Н. Вершинского, топография тверского Кремля и группировка его зданий сложилась в основном в XIV—XV вв.; позднее время — вплоть до XVII в. — не вносило новых существенных изменений в его облик.⁴³ Поэтому в первую очередь следует выяснить — не могла ли церковь Иоанна появиться в это время. Как мы видели, в 1407 г. князь Иван Михайлович построил в Кремле огромный рубленый столп соборной колокольни, с которой позже стали связывать и церковь Иоанна. Не могла ли быть построена им и эта последняя, тем более, что на эту мысль наводит и ее посвящение соименному князю святому? Однако, кроме постройки церкви Николая в Старице и колокольни в Твери, летописи больше не говорят о строительной деятельности князя Ивана вплоть до 1421 г., когда им производится ремонт (или перестройка) собора Федоровского монастыря. Но это еще не может опровергнуть сделанное нами предположение. Исследователями было отмечено, что с 1413 по 1421 г. князь Иван «как бы исчезает со страниц летописей». ⁴⁴ Являлось ли это результатом позднейшей редакционной работы над тверскими записями или следствием каких-либо иных причин, — но этим молчанием о деятельности князя может быть объяснено и отсутствие записи о постройке им нового каменного храма в тверском Кремле. В этом смысле любопытно, что запись 1421 г. открывается сообщением о строительных работах, предпринятых князем в Федоровском монастыре,⁴⁵ которые могли быть не эпизодом, но звеном в ряду работ. Возможно, что после постройки колокольни с церковью Иоанна «под колоколы», т. е. в ее нижнем ярусе, этот престол был вынесен в особый новый каменный храм. Его датой мы считаем, таким образом, 1413—1420 гг. Его ярусная композиция, кажущаяся необычной для этого раннего времени, находит аналогию в единственном сохранившемся тверском памятнике этого типа — церкви в с. Городне второй четверти XV в.

Правая часть Кремля занята изображением каменных великокняжеских палат в виде высоких зданий с прямолинейными, видимо, двускатными кровлями. Расположение палат к северу от собора отвечает их месту на плане Пальмквиста. Над кровлями палат возвышаются, уменьшаясь как бы в перспективе, три шатровых верха: два из них отмечены церковными главками. О постройке двух каменных храмов при дворце известно из источников — это церкви Бориса и Глеба (1435—1438) и Михаила

⁴¹ Дозорная книга 1616 г., стр. 13 и 27.

⁴² ПКМГ, ч. I, отд. 2, стр. 159.

⁴³ А. Н. Вершинский, Возникновение феодальной Твери. «Проблемы истории докапиталистических обществ». № 9—10, 1935, стр. 120—121.

⁴⁴ Экземплярский, II, стр. 503.

⁴⁵ ПСРЛ, XV, стр. 488.

Архангела (1452—1455).⁴⁶ Однако «палатная церковь святого Михаила», повидимому еще деревянная, уже существовала в 1399 г. во дворе князя Михаила Александровича;⁴⁷ едва ли шатры над кровлями дворца принадлежат каменным храмам,— вероятнее предполагать, что это еще старые деревянные храмы при дворе тверских князей. Рядом с шатровым столпом колокольни 1407 г. эти храмы не могут вызвать особых сомнений.

Наконец, последний храм с купольным верхом, но показанный деревянным, изображен в крайнем левом углу Кремля. У нас нет никаких данных для определения имени и даты этой постройки.

Все изложенные выше результаты анализа изображения тверского Кремля на иконе Михаила и Ксении приводят нас к определенным выводам: 1) оно имеет вполне документальный характер, представляя реально существовавшие здания; 2) их состав и характер позволяет утверждать, что явно поздняя икона в этой своей детали следует схеме, сложившейся, повидимому, уже в ранних иконах Михаила и Ксении этого типа в первой половине XV в.; 3) данные этого изображения Кремля могут послужить существенным источником для характеристики тверского зодчества XIV—XV в. и кремлевского ансамбля той поры, а вместе с тем являются драгоценным документом для истории русского зодчества того времени в целом.

-----

⁴⁶ ПСРЛ, XV, стр. 490—491; 494—495.

⁴⁷ ПСРЛ, XV (Рог.), стр. 171.

А. Л. МОНГАЙТ

РАСКОПКИ В МАРТИРЬЕВСКОЙ ПАПЕРТИ СОФИЙСКОГО СОБОРА В НОВГОРОДЕ

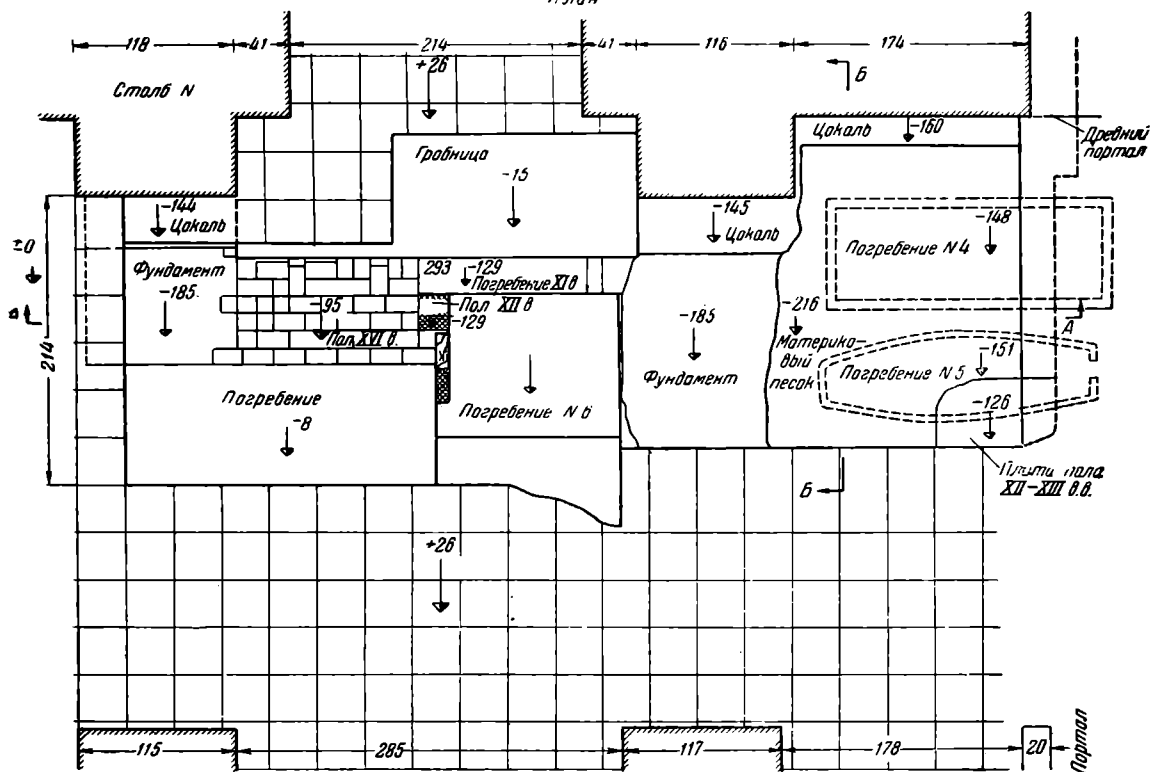
(Доклад, прочитанный на заседании сектора славяно-русской археологии в феврале 1947 г.)

На протяжении последних лет ведется историко-архитектурное исследование Софийского собора в Новгороде бригадой Академии архитектуры СССР под руководством проф. Н. И. Брунова. По его инициативе были предприняты и археологические раскопки в Софийском соборе, производившиеся в 1945, 1946, 1947 гг. Они коснулись различных частей собора и дали многочисленные и разнообразные материалы по истории здания, строительной технике, фресковой росписи и т. д. Наиболее интересные археологические находки были сделаны в Мартирьевской паперти, в 1946 г. Раскопки 1946 г. были продолжением раскопок 1945 г.¹ на север и на запад. Раскоп простирался от южной стены собора до лопатки с фреской Константина и Елены и от западной границы главного портала до лопатки, следующей на запад от вышеупомянутой (в дальнейшем будем называть ее северо-западной лопаткой Мартирьевской паперти) (рис. 22). Ширина раскопа в восточной части 5.9 м, в западной — 2.25—2.34 м; длина раскопа с востока на запад 6.2 м (размеры раскопа определялись расстоянием между лопатками и лопаткой и противоположащим контрфорсом). На некоторой части раскопа расположена солея, приподнятая на 27 см над уровнем современного пола. В дальнейшем все отметки глубин в раскопе даны от уровня современного пола Софийского собора. Целью раскопок в Мартирьевской паперти было выяснение времени или последовательности постройки отдельных частей собора, а также выяснение строительных приемов (кладка стен, фундаментов, устройство полов и т. д.) в различные периоды строительства. Так как раскопки ставили ограниченную цель историко-архитектурного исследования памятника, то вскрытие погребений производилось лишь в тех случаях, когда погребения мешали доступу к древним фундаментам, полам, изучение которых представлялось в научном отношении ценным и необходимым. Во всех остальных случаях погребения оставлены нетронутыми. Для того чтобы сохранить древние полы для музейной экспозиции, они также были вскрыты лишь в отдельных случаях, когда это было необходимо для того, чтобы дойти до нижележащих слоев (рис. 23).

¹ См. А. Л. Монгайт. Археологические раскопки 1945 г. в Софийском соборе в Новгороде. Сооб. Ин-та истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР, вып. 7, 1947, стр. 42—50.

Раскоп в Мартирьевской паперти 1946 г
План

Раскоп в Мартирьевской паперти 1946 г
Разрез А-А

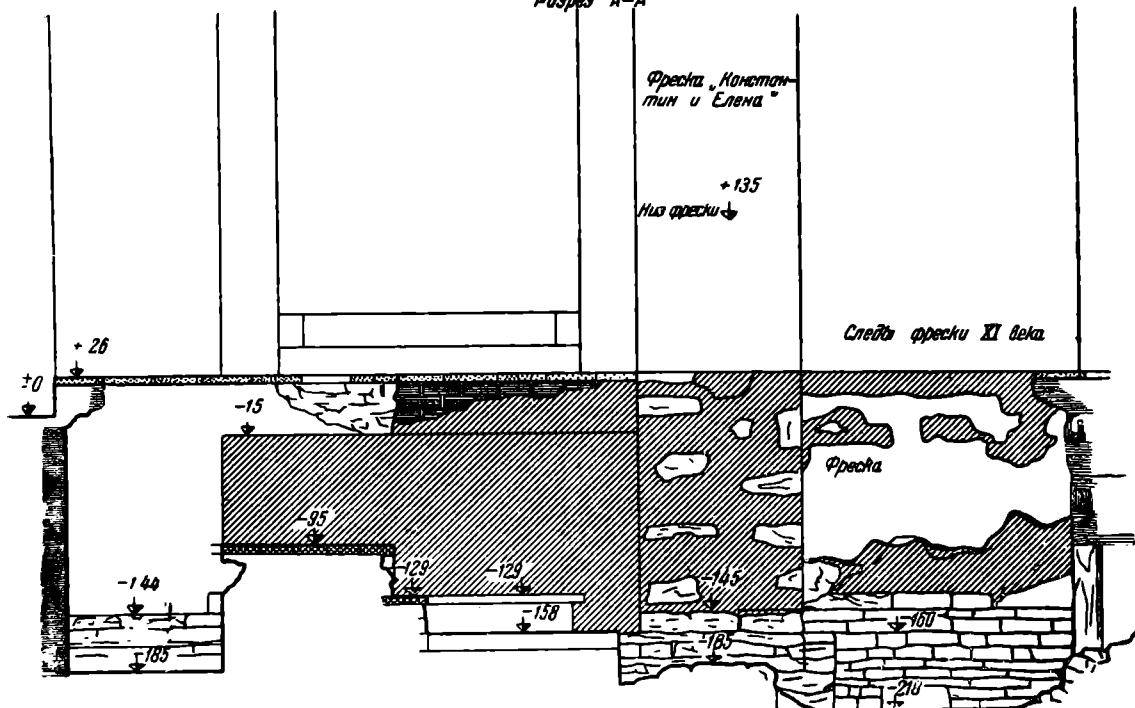

Рис. 22. План и разрез раскопа в Мартирьевской паперти.

Плиты современного пола (сооружен во время реставрации 1893—1895 гг.) уложены на цементе и глине с известкой, которыми залит слой строительного мусора, подстилающий полы. После того как были подняты плиты современного пола, мы приступили к разборке строительного му-

сора, состоящего из битого кирпича, глины, кусков цемента и фрагментов фресок. Очевидно он скопился под полами Софии неодновременно, в процессе ремонтов и перестроек. Однако во время последней реставрации, в связи с постройкой ходов отопления, строительный мусор был перерыт и в настоящее время не поддается какому-либо разделению на разновременные слои. Лишь в отдельных случаях, когда слой мусора располагался выше кирпичной кладки, сделанной в 1893—1895 гг., можно определенно связывать его образование с последней реставрацией.

Рис. 23. Общий вид раскопа в Мартирьевской паперти, виден древний пол собора.

В разных частях раскопа нами собрано большое количество фрагментов фресок, относящихся к разным периодам росписи Софийского собора. Они по характеру подготовки, по тонам и отдельным деталям рисунка, делятся на несколько групп и, возможно, что при последующей обработке материалов реставраторам удастся собрать целые композиции или значительные их части. Группа фрагментов с яркосиней и золотой красками,

вероятно, относится к началу XVIII в. К более раннему периоду относятся фрески с коричневым, зеленоватым и голубым тонами, с графитти в виде отдельных букв (по почеркам XVI—XVII вв.). К XII в. относятся фрагменты фресок, повторяющие тона и характер рисунка фресок в барабане Софии. Наконец, имеется несколько фрагментов фресок, написанных красной краской на розовой известке. Наиболее значительные по размерам обломки фрески найдены были у северо-западной лопатки на глубине 22 см от современного пола. Два больших фрагмента складываются вместе по линии излома и составляют часть единой композиции (30—35 см в поперечнике, рис. 24). На фреске сохранилось изображение мужчины в княжеской шапке и двух других лиц (голова сохранились неполностью) на фоне деревянного здания. Сохранность красок очень хорошая. Фон фрески синий, обрамление малиновое. Борода, усы и волосы князя рыжеватые. Одежда зеленая. Шапка, первоначально конусообразная, переписана красной краской и ей придана обычная форма древнерусского княжеского головного убора. Край щита процарапан циркулем. Фреска написана на белой известке, содержащей склеивающее вещество, поэтому в известке находятся зерна пшеницы, ячменя и просяная шелуха. Очень мелкие фрагменты такой же фресковой росписи встречены и в восточной части раскопа вблизи лопатки с фреской Константина и Елены в верхнем слое строительного мусора. Судя по положению в момент находки фрагмента фрески с изображением князя, она была написана на северо-западной лопатке и осталась в слое строительного мусора, куда упала, когда ее сбили со стены. Обстоятельства находки не дают возможности датировать фреску, так как она найдена в позднем слое, связанном с последней реставрацией. Стилистически и по характеру подготовки она сходна с фресками в барабане Софии, в частности с изображением Солсмона. Весьма вероятной датой ее написания будет начало XII в. (обычно пророки в барабане Софии датируются 1108 г.).

Кроме фресок, найденных в строительном мусоре, в раскопках были открыты фрески, сохранившиеся на стенах ниже современного пола. Здесь же на стенах имеются многочисленные графитти, процарапанные на цемянке: кресты, изображения людей (в гробу со скрещенными руками, стоящих и др.), надписи (имена, молитвенные формулы и т. д.).

При разборке строительного мусора, заполнявшего раскоп до глубины 95 см, на отдельных участках встречены кирпичные простенки, защищавшие древние погребения, и погребальные камеры, сооруженные из кирпича. Наиболее древняя из таких погребальных камер находилась между лопаткой с фреской Константина и Елены и северо-западной лопаткой. Камера выступает на юг перед лопаткой. Начинается кладка камеры на глубине 1.35 м и имеет общую высоту 1.20 м. Сложена камера из плитчатого кирпича, оштукатурена и покрыта фресковой живописью. Сохранилась эта живопись лишь на восточной стенке склепа в виде орнамента из косых линий, красных и зеленых, на южной стене видны следы ремонта и переписывания фрески (вероятно в XVII в.). Склеп прямоугольный, имеет посередине отверстие (0.52 × 0.31 м), прикрытое мраморной плитой. Длина склепа 2.96 м, ширина открытой части 0.72 м. Камера сложена из плитчатого кирпича на известковом растворе, кладка небрежная, явно рассчитанная на то, что она будет скрыта под росписью. Этот склеп стоит на гробу, состоящем из больших каменных плит. Верхняя часть гроба совпадает с уровнем плит пола XII в. Можно предположить, что в этом гробу похоронен сам строитель Златой паперти Мартирий (1199 г.). Сведения о месте погребения Мартирия не противоречат нашему предположению. Так, например, по рукописи Петра Никифорова (1809 г.), видевшего плиты и надписи с указанием мест погребения до того, как эти

плиты были уничтожены (во время реставрации 1829—1837 и 1893—1895 гг.), могила Мартирия показана в северной стороне паперти, в месте расположения нашего склепа.² Склеп и каменный гроб нами не были вскрыты.³

В центральной части раскопа на глубине 0.52 м открыто погребение № 3 (погребения № 1 и № 2 вскрыты в 1945 г., см. отчет 1945 г.). Погребение было окружено кирпичными простенками, сделанными в позднейшее время (при поднятии полов), и находилось в большом деревянном (дубовом) гробу. Гроб состоял из толстой, сделанной из брусьев рамы, в пазы которой впущены дюймовые доски. Внутри помещался второй деревянный гроб, также в виде четырехугольного ящика из более тонких досок. Гроб был закрыт плоской деревянной крышкой. В гробу был обнаружен череп (лобная кость пробита лопатой) и кости, принадлежавшие не менее, чем 3 особям, а более вероятно — 5. Они сложены все вдоль гроба, в относительном порядке, но не составляют ни одного целого костяка. Среди человеческих костей встречена также коровья челюсть. Вещей не найдено, кроме нескольких обрывков ткани зеленого цвета на тазовых костях и нескольких ниток серебряной парчи на черепе. Погребение это, вероятно, относится к XVII в. и было перенесено из другого места, чем и объясняется смешение костей и то, что череп пробит лопатой. Судя по планам конторы архиерейского дома и по рукописи Петра Никифорова, можно предположить, что это погребение Иоакима Корсунянина, первого архиепископа Новгородского, умершего в 1030 г. Только в 1699 г. мощи его были перенесены в Златую паперть. Возможно, что для «открытия» мощей было использовано случайное погребение или остатки нескольких погребений, отчего и произошло смешение костяков.

Под слоем строительного мусора почти на всей площади раскопа шел настил из большемерных кирпичей. Весьма вероятно, что этот пол в соборе был сделан в 1688 г., когда упоминается, что при митрополите Корнилии «мост в соборе» был поднят.

Среди кирпичей пола, вмонтированные в кладку пола, примыкая к лопатке с фреской Константина и Елены, находились каменные плиты со смальтовой мозаикой. Найдены два обломка от плит разного рисунка, сложенные вместе (рис. 25). Общие контуры орнамента выдолблены в камне и заполнены довольно крупными мозаичными кусочками. На одном обломке коричневой и зеленой смальтой выложен четырехконечный крест, на другом растительный орнамент, арка и геометрический орнамент. Ширина плит 0.365 м, длина большого фрагмента 0.57 м, меньшего — 0.24 м. Плиты сделаны из местного красного песчаника. На них сохранились врезанные линии, проведенные по линейке и по циркулю, при помощи которых построен рисунок орнамента. Одна из плит имеет процарапанную

И. Романцев. О местах погребения Новгородских владык в Софийском соборе. Труды Новгородского церк.-археологического об-ва, т. I, Новгород, 1914; Рукопись Петра Никифорова хранится в архиве Новгородского музея (№ 8). См. также труды XV археол. съезда в Новгороде (1911 г.) т. II, М., 1916, стр. 59—137.

³ В 1948 г. склеп был вскрыт нами. В склепе обнаружено погребение XVII в. Лишь поперечные стенки и часть передней стенки домонгольской кирпичной кладки. Верхняя часть и свод склепа сложены из кирпича XVII в. Погребальная камера XVII в. была сооружена с использованием кладки более раннего времени. При разборке задней стенки погребальной камеры на стене, отделяющей Мартирьевскую паперть от главного здания, обнаружена фреска с поясными изображениями 5 святых, нижнюю часть фрески составляет орнамент из косых волнистых зеленых и красных линий, помещенных в красные рамки.

Фреска вероятно относится к росписи 1144 г. Она исполнена в таком же мелком масштабе, как и найденная в 1946 г. неподалеку от нее фреска с изображением князя. Весьма вероятно, что последняя была помещена на северо-западной лопатке Мартирьевской паперти.

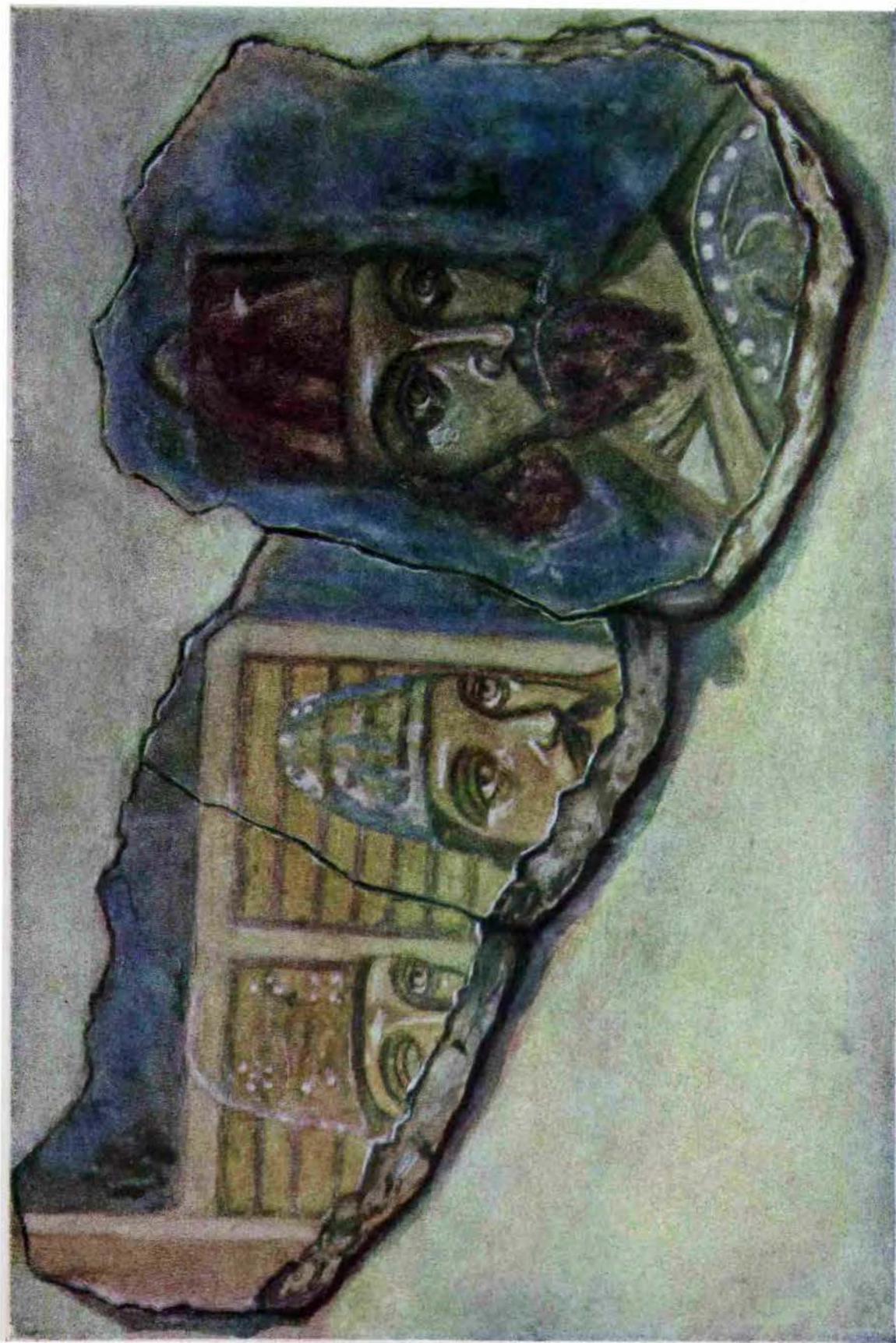

Рис. 24. Фрагменты фрески, найденные при раскопках Мартирьевской паперти

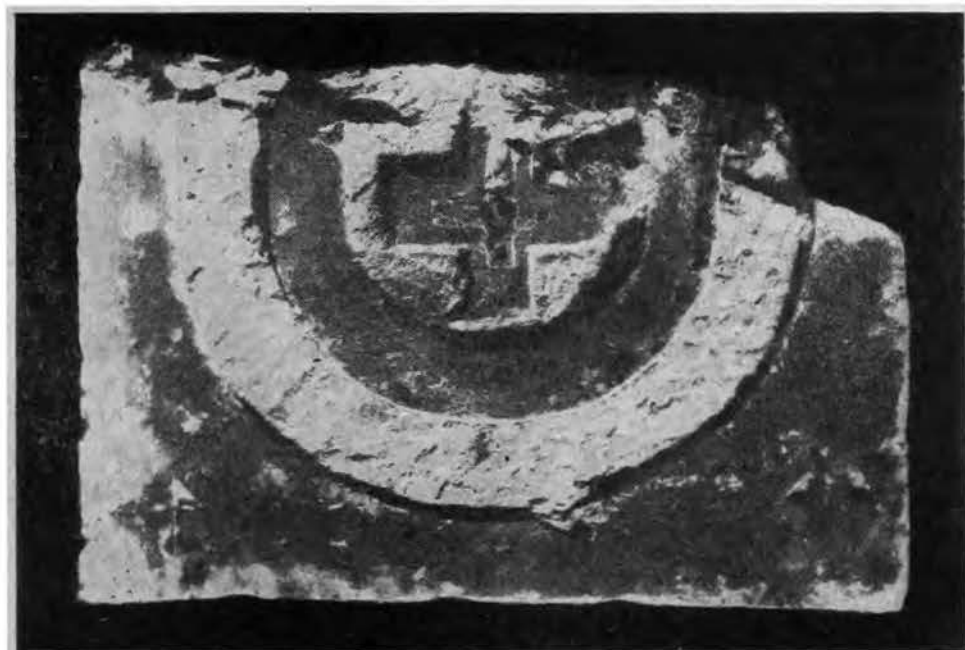

Рис. 25. Мозаичные плиты, найденные при раскопах.

надпись «вѣрх». Плиты были огорожены от остального пола небольшой кирпичной кладкой в два кирпича в высоту и в ширину, мешавшей ступать на них. Судя по сходству найденных плит с плитами алтаря, можно предположить, что они украшали стены собора в XI—XIII вв. Позже они были вделаны в полы, но их ценили и ограждали.

Непосредственно на описанном нами кирпичном полу находилось погребение № 3. Под полом у северо-западной лопатки вскрыто погребение № 7 (нумерация погребений дана в порядке их вскрытия в процессе раскопок). В деревянном прямоугольном (в виде ящика) гробу, с плоской деревянной крышкой (очень плохой сохранности) находился костяк ребенка 12—14 лет. На ногах оказалась погребальная обувь хорошей сохранности, сделанная из одного куска кожи и сшитая только сверху у носка (постолы).

Под полом XVI—XVII вв., в тех местах, где не было погребений, шел слой строительного мусора. Строительный мусор этот отличается от вышележащего слоя. Он содержит куски цемьянки, плитчатых кирпичей, известку. Очень мало фрагментов поздних кирпичей и почти нет фресок (кроме 6 фрагментов, попавших, очевидно, из верхнего слоя при сооружении могил). Вероятно, до ремонта, при котором был сооружен кирпичный пол в Мартирьевской паперти, фрески со стен не сбивались и новая штукатурка налагалась на более древнюю. На глубине 1.24 м от современного пола встречены полы из известковой плиты, положенные на известковом растворе. Плиты под воздействием времени и тяжести вышележащей массы наслоений растрескались и не представляется возможности определить первоначальные размеры их. Этот древний пол относится, вероятно, к XII—XIII вв., так как лежит на известковой подготовке под пол, включающей в отдельных местах цемьянку. Кроме того, фрески, датированные XII в., начинаются непосредственно от этого пола и идут вверх по стене. Пол был разобран в той части раскопа, в которой это было необходимо, чтобы изучить древнейшие слои и фундаменты. Под плитами оказался слой белой известки толщиной от 4 до 10 см, а под ним черная жирная земля без находок. Земля находилась на участке южнее погребения № 6. Однако углубиться в землю здесь не удалось, так как погребение № 6 оставлено нетронутым, а между ним и южной стеной раскопа слишком узкое пространство, чтобы удалось дойти до материка. В центральной части раскопа, на том же месте, на котором выше было расположено погребение № 3, находилось погребение № 6 в большом массивном гробу, высеченном из целого куска белого камня с прямоугольной белокаменной крышкой. Ширина гроба 0.725 м, высота 0.50 м, толщина стенок 9—14 см, толщина крышки гроба 9 см. Общая длина гроба (снаружи) — 2.44 м.

Под полом XII в., настланным из белокаменных плит, обнаружена сложная подготовка под пол, состоящая из нескольких слоев цемьяночного раствора. Между лопаткой с изображением Константина и Елены и противоположащим контрфорсом идет фундамент. Фундамент был обнажен с востока на глубину 1.4 м (от верхнего ряда камней кладки фундамента). При этом сделаны следующие наблюдения: фундамент состоит из двух частей — основного фундамента под лопаткой, перевязанного с фундаментом стены храма, и позднейшей прикладки, неперевязанной с основным фундаментом. Фундамент под лопаткой имеет отлив в месте соединения со стеной храма и выступает на 55 см к югу. Между ним и позднейшей прикладкой ясно видна щель в 25—30 см шириной. Щель между фундаментами заполнена землей. Размеры булыжника в фундаменте и состав цемьянки также свидетельствуют о одновременности закладки отдельных его частей. Так, булыжник в фундаменте под лопаткой мельче, а извест-

ковый раствор содержит больше кирпичной крошки, чем в фундаменте, являющемся позднейшей прикладкой. Употребляя здесь выражение «позднейшая прикладка», я не берусь судить о сроках, отделяющих постройку одной части фундамента от другой. Может быть, разновременность была в пределах одного или двух строительных сезонов, может же быть, что прошло несколько десятилетий. У нас нет пока данных, чтобы точно датировать ту или иную часть фундамента. Строительные материалы в настоящем случае настолько близки по составу, что не могут служить для датировки (цемянка употреблялась в русском каменном зодчестве с XI до XIII в.).

Наличие щели в фундаменте и разновременность отдельных его частей ставят под сомнение предположение о том, что это был фундамент под западной стеной притвора. Этому предположению противоречит наличие такого же фундамента у северо-западной лопатки, хотя там нельзя предполагать наличие стены в древности. Значение обнаруженного нами фундамента не ясно, но можно предположить, что он был сооружен под приставленным в более позднее время к основной части здания аркбутаном, в конструктивно-технических целях. Вероятно щель в кладке фундамента не случайна, а была оставлена специально, учитывая разницу осадки разных частей здания.

Погребение № 4 на 40 см отстоит от стены главной части здания и находится в 18 см на восток от лопатки с фреской Константина и Елены. Погребение находилось в большом каменном саркофаге, состоящем из отдельных плит. Плиты из темнокрасного местного песчаника. Дном гробницы служит большая (2.40 м длиной и 0.80 м шириной) плита, имеющая на расстоянии 8 см от края пазы, в которые впущены боковые плиты. Три боковые плиты (четвертая — восточная — не сохранилась) имеют высоту 50 см. Крышка гроба, очевидно, состояла из одной большой плиты, которая вся покрылась глубокими трещинами и распалась на отдельные куски. Крышка была скреплена с боковыми стенками четырьмя железными скобами, для которых в боковых стенках сделаны специальные углубления. Внутри каменной гробницы находилась колода очень плохой сохранности, а в ней костяк, несколько потревоженный. Череп был перевернут вниз лицом, нижняя челюсть лежала отдельно справа, ребра и позвонки были смещены и перемешаны. Неподалеку от черепа, с правой стороны, лежал камень (овальной формы булыжник). Вещей не обнаружено никаких. Гробница стояла на слое черной земли. Толщина слоя 20—25 см. Ниже черной земли на глубине 2.16 м начинается слой песка, а за ним, на глубине 3.45 м, начинается слой глины без находок — материк. В черной земле под погребением № 4 найдены фрагменты золотоордынской поливной чаши.⁴ Чаша датируется XIII—XIV вв. и под полы Мартирьевской паперти очевидно попала в момент погребения, когда полы вскрывались для рытья могилы. Так как археологические слои над погребением № 4 нарушены, а вещей в погребении не найдено, то установить точную дату нельзя. Однако сходство гробницы № 4 и открытых в 1945 г. погребений № 1 и № 2 с вскрытыми при раскопках Борисоглебского собора Строковым и датированными XII—XIV вв.⁵ позволяет отнести и найденные нами погребения ко времени не позже XIV в. Эту же дату подтверждает найденная поливная чаша. Погребение № 5 располагалось южнее, рядом с погребением № 4, на том же уровне и отделялось от него небольшим кирпичным

⁴ См. А. Л. Монгайт. Золотоордынская чаша из Новгорода Великого. КС ИИМК, вып. XIX, 1948, стр. 70—73.

⁵ А. А. Строков. Раскопки в Новгороде в 1940 г. КС ИИМК, вып. XI, 1945, стр. 69—72.

простенком, сделанным в позднейшее время и не доходившим до восточного края погребения. Погребение № 5 открыто в саркофаге ладьевидной формы, высеченном из одного куска белого камня. Длина гроба 2.00 м, ширина в наиболее широкой части 0.76 м. Глубина внутри 0.32 м. В ногах погребения гроб разбит (отбита при каких-то реставрационных работах задняя стенка). Крышка из того же белого камня толстая (19—15.3 см), ребристая (рис. 26).

Рис. 26. Крышка каменного гроба (погребение № 5).

В гробу находился хорошей сохранности костяк мужчины атлетического сложения. Сохранилось много фрагментов одежды (реставрирована реставрационными мастерскими при Гос. историческом музее). У головы находились полосы из серебристых плетеных кружев с шитыми цветными нитками вставными медальонами с изображениями святых. Это ленты-рясны, которые пришивались к клобуку (рис. 27). На шейных позвонках и ниже сохранились фрагменты шелковой одежды⁶ с медальонами (рис. 28а), крестами и гамматами, на которых золотой ниткой вышиты кресты (рис. 28б). Внизу у бедренных костей найден фрагмент шелковой ткани — тафты, расшитый цветочным орнаментом, причем среди цветов изображены летящие птицы, борющиеся с небольшими драконами (рис. 29).⁷ У черепа собраны 23 мелких жемчужины, бирюзовые и розовые бусины, несколько золотых полых бусинок.

Все они, вероятно, принадлежали к украшениям головного убора. Некоторые жемчужины остались на нитках головной повязки. Отдельно найдена больших размеров полая золоченая бусинка с пучком разноцветных ниток, проходящих через отверстие в середине ее — очевидно пуговица

⁶ Ткань, из которой изготовлена одежда — камка с крещатым узором и с шестилапестковыми розетками. Близкую к ней аналогию по рисунку представляют ткани XIII — XIV вв. из Берлинского музея (Die Gewebe-Sammlung des K. Kunstgewerbe-Museums. Herausgegeben von J. Lessing. Berlin, 1900 (KGM. K 6127; KGM, 89236).

⁷ Очевидно русская мастерица перенесла на ткань какой-то понравившийся ей, но не совсем понятный рисунок. В узоре вышивки соединены восточные (возможно иранские) растительные орнаменты с китайским фениксом, борющимся с драконом. Птица-феникс изображена четко, дракон же не понят, и языки пламени изображены в виде каких-то червеобразных отростков.

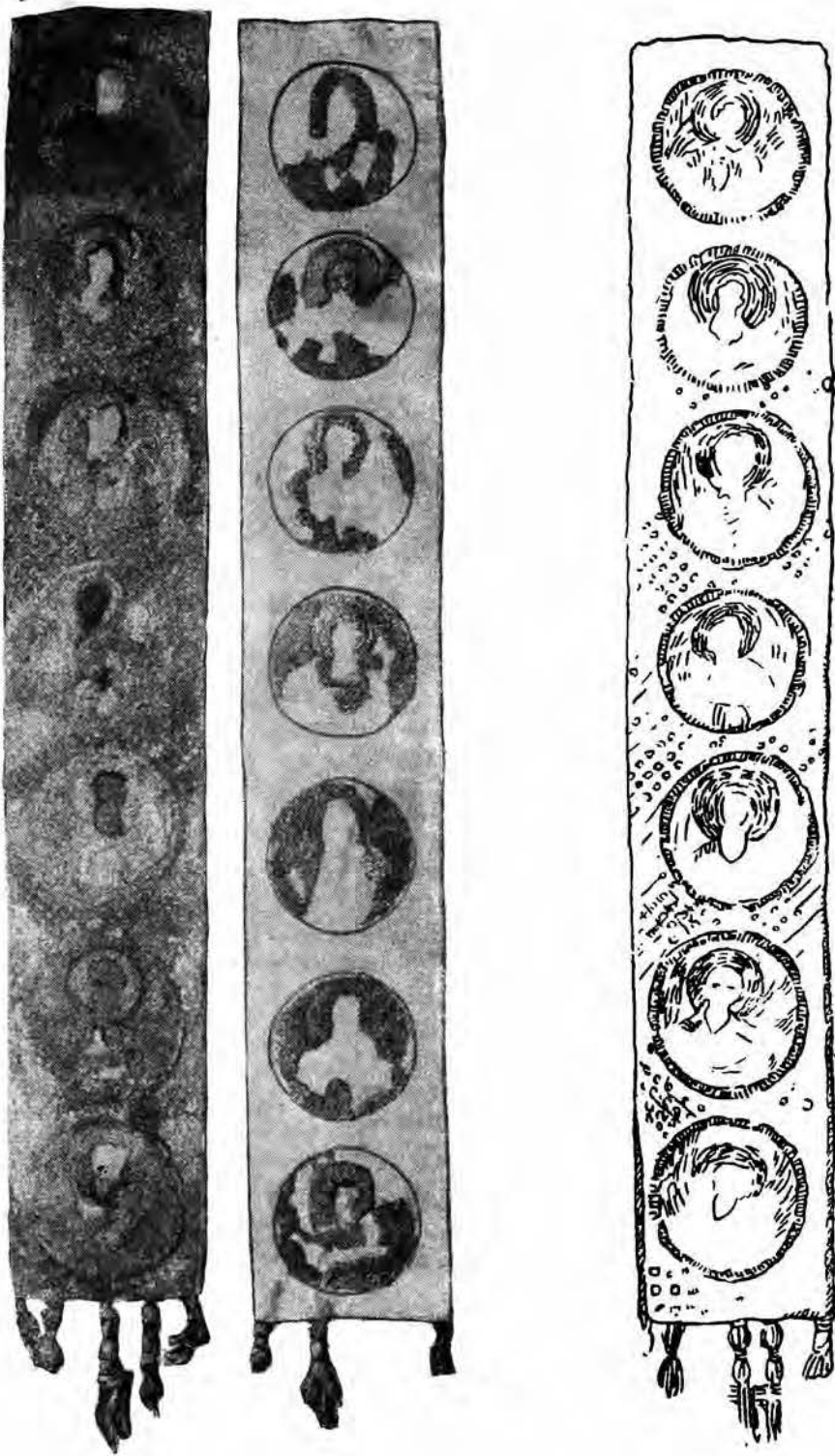

Рис. 27. Рясны XIV в. из погребения № 5 в Мартирьевской паперти.

или застежка пояса с кистью из ниток. На ногах сохранилась обувь сложного покроя с двойным задником, с тонкой кожаной подошвой. Обувь и кости ног были обернуты в бересту. Этот древний обычай известен по находкам в курганах (Верхней Волги) и др. От луба происходит и древнерусское название гроба — корста. Встречен этот древний обычай и в поздних погребениях в Новгороде. Форма гроба погребения № 5, так же как и № 4, имеет аналогии в новгородских находках XIV в. Подобные были найдены в южном приделе церкви Спаса в Ковалеве И. С. Романцевым в 1908 г.⁸ и М. К. Каргером в 1934 г.⁹ Ковалевские находки повторяют и ребристую крышку и обертывание в бересту. Вероятно, они относятся ко времени, близкому к 1345 г. и принадлежат к фамильному склепу хозяина и строителя монастыря боярина Андифора Жабина. Такого же типа саркофаг из цельного камня найден при раскрытии фундаментов Борисо-Глебской церкви и также датирован XIV в.¹⁰ Фрагменты одежды, найденные в погребении № 5, позволяют приписать его определенному историческому лицу. Одежда эта — полиставрий, так называлась фелонь или риза, вся сплошь украшенная множеством вытканых, вышитых или нашитых на ней крестов. Кроме крестов на найденной одежде нашиты так называемые гамматы,¹¹ которые также являются отличительной чертой полиставрия. Изображения крестчатых риз, известные нам, подтверждают, что найденная в погребении № 5 одежда является полиставрием.¹² В XII—XIII вв. право ношения риз, украшенных крестами, в восточной церкви принадлежало только патриархам и некоторым экзархам. В XV в. оно было распространено на всех епископов. В соответствии с этим в России крестчатые ризы носили митрополиты и лишь некоторые епископы «чести ради». Только на Московском соборе 1675 г. было определено, что крестчатые ризы являются принадлежностью всех архиепископов и епископов.¹³ Новгородский архиепископ Василий получил крестчатые ризы от митрополита Феогноста в 1346 г. Когда его преемник Моисей вступил на Новгородскую кафедру, он счел возможным носить крестчатые ризы, но Феогност отказал ему, указав, что это право было дано архиепископу Василию лично. Моисей жаловался патриарху Константинопольскому Филофею и последний в 1352—1353 г. разрешил ему носить крестчатые ризы. Право это не распространялось на его преемников по кафедре. Когда новгородский архиепископ Алексей стал носить фелонь с крестами, то Филофей особой грамотой (1370 г.) приказал ему сложить кресты с фелони.¹⁴ После этого до XVII в. ни один Новгородский архиепископ не имел права носить крестчатые ризы. Так как погребение № 5 по археологиче-

⁸ И. С. Романцев. Ковалевская находка. Сборник Новгородского о-ва любителей древностей, вып. 1, декабрь 1908.

⁹ Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 41, 23, 24.

¹⁰ К сожалению, полный отчет об этих раскопках не опубликован. Фотография названного саркофага помещена в журнале «Наша страна», № 1, 1941. И. Греков. Раскопки в Новгороде, стр. 43.

¹¹ Гамматами назывались фигуры, составленные из четырех начертаний буквы гамма и имевшие форму четвероугольника [или креста]. На полиставрии иногда четвероугольные гамматы окружают кресты. См. Е. Голубинский. История русской церкви. Т. I, отд. I. М., 1901, стр. 226.

¹² См., например, изображение полиставрия Du Cange-Historia Byzantina. Constantinopolis christiana, lib. IV, p. 82, Venetiis, 1729 в парижском издании 1680 г., стр. 120, фигуры Дюфрена.

¹³ История Российской иерархии, стр. 592; В. Нарбеков. Древняя икона святителя Алексия. «Православный собеседник», декабрь 1909, стр. 708; Н. В. Покровский. Древняя ризница Новгородского Софийского собора. Труды XV археол. съезда, 1911, т. I, СПб., 1914, стр. 115.

¹⁴ Русская историческая библиотека, т. VI, прилож., стр. 116—118; Н. В. Покровский. Ук. соч., стр. 117.

Рис. 28а. Шелковая ткань (камка), тканная крестчатым узором XIV — XV вв

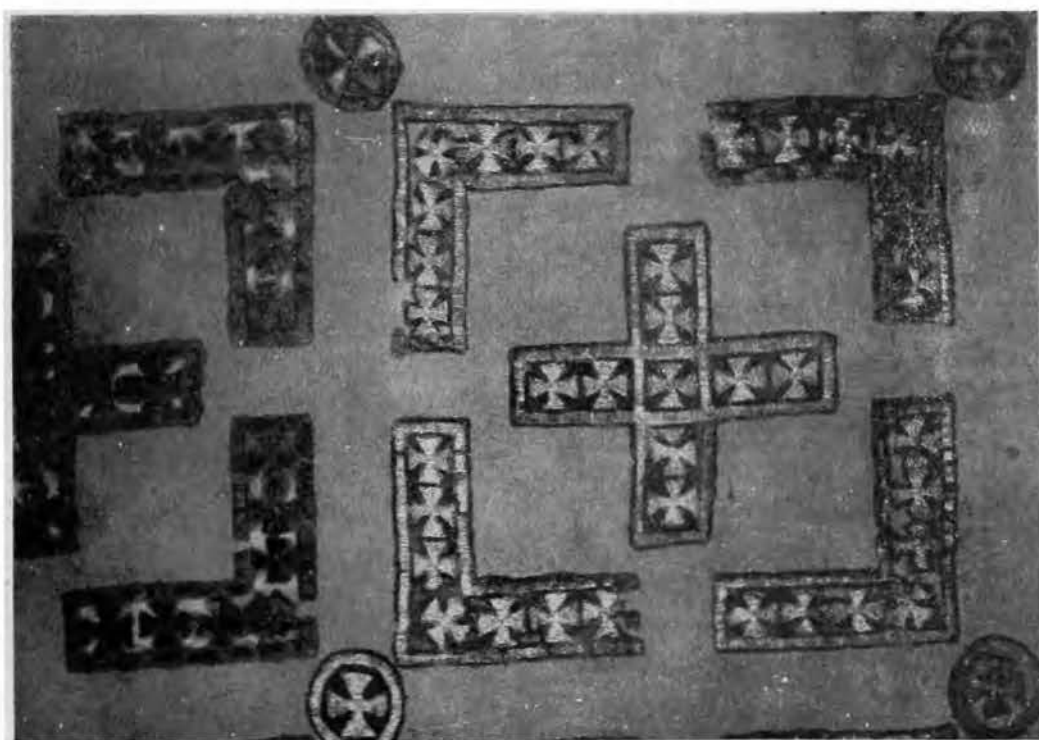

Рис. 28б. Шелковая ткань (камка), расшитая шелком и золотой нитью (кресты и гамматы).

Рис. 29а. Шелковая ткань с вышивкой (растительный орнамент).

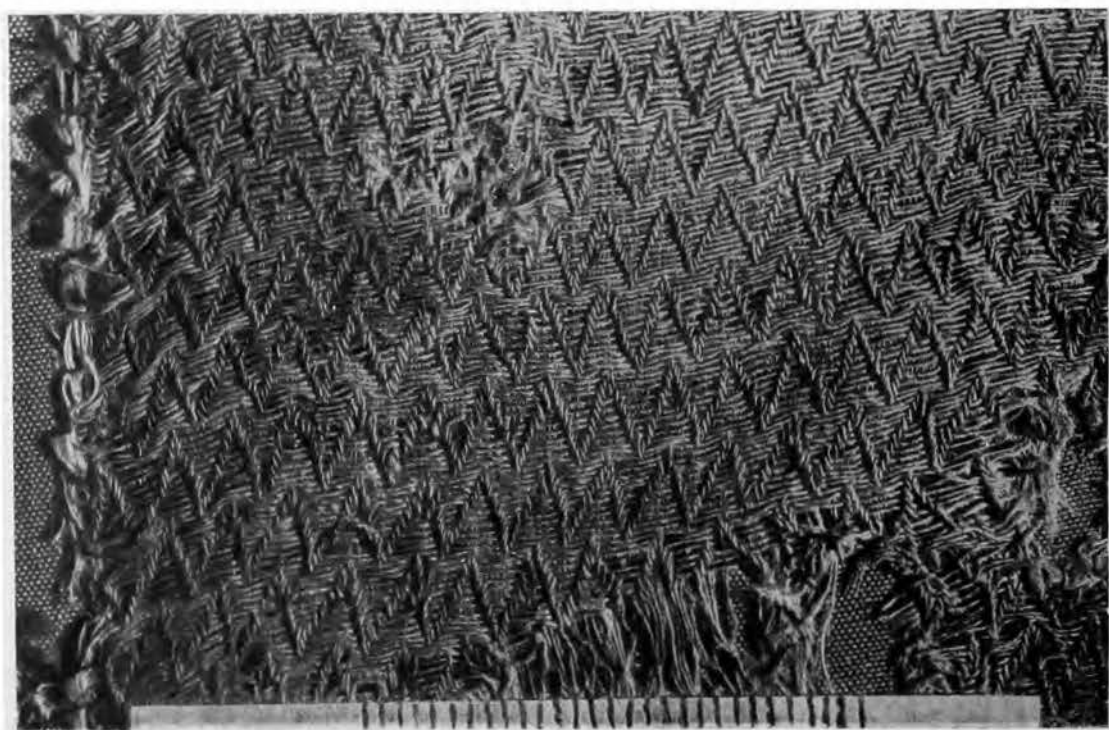

Рис. 30. Шелковая ткань с волнистым „чешуйчатым“ тканым узором.

ским данным (слой, форма гроба, ткани XIV в.) датируется XIV в., то погребенный может быть архиепископом либо Василием, либо Моисеем. Моисей исключается, так как он погребен в Сквородском монастыре. Таким образом, остается предположить, что погребение № 5 принадлежит

Рис. 296. Прорись с ткани, изображенной на рис. 29а.

Василию. Этому предположению противоречат некоторые сведения о месте погребения архиепископа Василия. Собственно в летописи сказано «положища и у святой Софии притворе». ¹⁵ Третья и четвертая Новгородские летописи прибавляют «в большом притворе». ¹⁶ Всего вероятнее, что «большим притвором» называлась Мартирьевская паперть. ¹⁷ Однако, в описаниях Софийского собора XIX в. почему-то место погребения Василия указывается в Корсунской паперти. Восходят эти указания к архимандриту Макарию, который составил свое «Археологическое описание церковных древностей в Новгороде» около 1850 г. и не видел надписи с указаниями мест погребения в Корсунской паперти. Надписи были уничтожены во время ремонта 1836 г. Поэтому весьма вероятно, что ссыла на якобы существовавшую в Корсунской паперти надпись, указывавшую место погребения Василия, является результатом недоразумения и очевидно была основана не на документальных известиях, а на чьих-то воспоминаниях. К тому же погребенный в Корсунской паперти Василий мог быть другим лицом, носившим это имя, а не владыкой Василием, умершим в 1352 г.

Таким образом, с наибольшей долей вероятия можно считать, что в погребении № 5 Мартирьевской паперти вскрыты останки архиепископа Василия, одного из государственных деятелей Новгорода Великого. ¹⁸ Избранный новгородцами в 1329 г. на пост архиепископа простой приходский

¹⁵ ПСРЛ, III, стр. 58.

¹⁶ ПСРЛ, III, стр. 227. ПСРЛ III (изд. 1915 г.), стр. 285.

¹⁷ В летописи под 7100 г. сказано «в большой паперти в Мартирьевской» (ПСРЛ, III, стр. 187, 267).

¹⁸ Высказанное в нижепечатаемой статье предположение Л. И. Якуниной о том, что погребенным в этой гробнице был Симеон, не имеет достаточных оснований.

священник Григорий Калика стал важной фигурой в сложной внутренней политической жизни Новгорода. В трудное для Новгорода время Василий выступил как политический деятель и дипломат, умело отстаивавший новгородскую независимость. Его энергичная строительная деятельность — постройки и украшения храмов, постройка мостов через Волхов, постройка каменных стен Кремля и каменной стены окольного города на Торговой стороне — подчеркивается летописцем. Все, что известно нам о деятельности Василия, рисует нам его как незаурядную личность, как крупнейшего государственного деятеля XIV в. Открытие его погребения и возможность реконструкции портрета¹⁹ по черепу представляет исключительный интерес.

Раскопки в Мартирьевской паперти дали не только материалы для истории собора, но и ценные археологические находки. Все находки, за исключением золотоордынской чаши, переданы на хранение в Новгородский исторический музей. Золотоордынская чаша находится в коллекции ГИМ (№ 82, 113).

---

¹⁹ Изображение Василия имеется на так называемых Васильевских вратах (изготовленных по его заказу в 1336 г. для Софийского собора и увезенных Иваном Грозным в Александровскую слободу). Выполненное в металле, оно крайне схематично и далеко от портрета. Василий изображен в фелони, куколе и крестчатом омофоре.

Л. И. ЯКУНИНА

ТКАНИ ИЗ РАСКОПОК В СОФИЙСКОМ НОВГОРОДСКОМ
СОБОРЕ

Во время раскопок в Мартирьевской паперти Софийского собора, произведенных под руководством А. Л. Монгайта в 1946 г., в погребении № 5 были найдены фрагменты древних тканей и обувь.¹

Образцы тканей найдены в полуистлевшем состоянии.² Лучше всего сохранились фрагменты шелковой ткани камки с вытканым узором орнаментированных крестов (6 × 6,5 см). Внутри этого узора помещены тканые шестилепестковые розетки или звездочки (1 × 1 см), обведенные рамкой. Этот раппорт обрамлен узором опять-таки крестовидным (15 × 15 см) из цветочного орнамента. Как элементы этого растительного орнамента в узор входят восточные «бобы» и стилизованные чашечки тюльпана. У концов этого «растительного» креста между раппортом восьмилепестковые звезды-розетки (1½ × 1½ см). Величина образца наиболее крупного — 40 × 17 см — обмер приблизительный, так как края очень неровны и с большими выпадами. Другие образцы (14 номеров) — более мелкие.

Плотность описываемой ткани 38 × 26 нитей на 1 см.

Камка в настоящее время буро-песочного цвета, но сохранившаяся кое-где розоватая окраска нитей дает возможность думать, что ткань была алой. Нашитые на ней кресты вышиты гладью алым шелком и золотой нитью. Крестчатый узор на камке характерен для византийских тканей XIV—XV вв. Кроме шитых крестов, ткань орнаментирована алыми с золотом гамматами, вышитыми и нашитыми так же, как и кресты (рис. 28).

Ткань представляет собою фрагмент одежды епископа. Это так называемая фелонь, бывшая служебной одеждой только высшего духовенства до XV в.

Находка эта особенно ценна, так как одежд и фрагментов их с таким узором нет ни в одном музее. Мы имеем только изображения таких одежд на святых, вышитых на старинных пеленах и писанных на иконах и фресках.

Кроме указанных фрагментов, в гробнице найден еще образец шелковой ткани с волнистым чешуйчатым узором в виде мелких, правильно идущих параллельными рядами по своей ткани, зигзагов. С края ткани нашиты три шелковые полосы одна на другой (рис. 30). Эта ткань, в настоящее время

¹ См. выше статью А. Л. Монгайта «Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора».

² Все фрагменты одежды, найденные в гробнице, были доставлены в Москву и обработаны учеными-реставраторами Е. С. Видоновой, Ю. С. Карповой, Т. Н. Прогасевой и М. А. Рождественской.

буро-коричневого оттенка, была, видимо, проткана золотной нитью, которая местами прослеживается и теперь.

Она, несомненно, представляет собою фрагмент омофора. Такой же волнистый узор имеется на омофоре (XIV в.), хранящемся в Новгородском музее.³

Среди добытых из гробницы тканей имеется еще один фрагмент, найденный у колен, весь расшитый шелками (рис. 29 а, б). Этот фрагмент ткани (34×38 см) может быть определен как часть одежды епископа, так называемая палица.

С одного края, и частично с двух других, прослеживается кайма, заканчивающаяся тесьмой, расшитой в гладь небольшими в $\frac{1}{2}$ см круглыми розетками, поставленными в ряд на $\frac{1}{2}$ см одна от другой. Обычно шитье по такой мягкой ткани подкладывалось берестой. Береста от ткани отпала и была обнаружена отдельно в гробнице.

В настоящее время по цвету ткань буро-коричневая, возможно, в прошлом она была белого цвета. Посредине, поперек всей ткани, найденный фрагмент сшит швом. Этим швом соединяются две ткани. Одна половина образца сделана из тафты — шелковой очень тонкой ткани с прямым переплетением ($89-90 \times 85$ нитей на 1 см^2), а другая половина из шелковой же ткани, но с диагональным переплетением.

Образец этот в виде четырехугольного куска (34×37 см) сплошь расшит цветочным орнаментом, с длинными вьющимися ветками, украшенными мелкими удлиненными листьями. Восьмилепестковые, в виде розеток ($3\frac{1}{2} \times 3\frac{1}{2}$ см) цветы, входящие в орнамент, очень интересны по композиции. Лепестки этих цветов расположены по четыре справа и слева от срединного стержня (длина стержня — 4 см), выходящего вверх и вниз из чашечки цветка. Этот стержень с обеих сторон заканчивается узором в виде трилистника на тонком стебле. Среди этого цветочного и травного узора вышиты изображения как бы летящих небольших птиц ($2\frac{1}{2} \times 2\frac{1}{2}$ см) с распростертыми крыльями. Среди этого же орнамента на некотором расстоянии друг от друга расположены тонкие шитые кресты с одинаковыми концами (2×2 см) и проросшей серединой в виде четырехлепестковой розетки (1×1 см).

Узор выполнен гладью — атласным швом и местами косой гладью. Для шитья узора употреблен некрученный шелк. Весь рисунок — лепестки, цветы, летящие птички и кресты — обведен золотной нитью, причем этой золотной нитью шилось в «прикреп» или в «пришивку», т. е. нить прикреплялась сверху, так что весь рисунок обведен золотным «витком» (пряденой золотной нитью).

Кроме этих тканей сравнительно хорошей сохранности дошли фрагменты меньших размеров, из которых, возможно, был сшит подрезник и другие несохранившиеся одежды. Так, например, имеются образцы ткани — камки, теперь тоже темнубурого цвета с крупным узором. Таких образцов 4, из них самый большой 10×11 см с неровными краями, но с меньшими выпадками, чем другой (15×12 см) и два еще 5×5 см и 8×4 см, края которых тоже неровны. По сохранившемуся на этой камке довольно крупному пятилепестковому цветку и рисунку извилистой полосы, эту ткань по узору можно сравнить с узором рытого золотного итальянского бархата,⁴ хранящегося в Гос. историческом музее и датированного XIV—XV вв.

Наконец, большой интерес представляют найденные в этой гробнице части головного убора — спускавшиеся на грудь от клобука по обе стороны

³ Рисунок его приведен в «Древностях Российского Государства». Отд. 1, № 97.

⁴ ГИМ № А 120/20557.

головы, кружевные ленты-лопасти (рис. 27) так называемые рясны, это — полосы, сделанные из золотного кружева, плетеного из серебристых золотных нитей, длиной 53 см и шириною 8½ см. Техника переплетения кружевного узора — на коклюшках в две нитки. Плетение парное, бесколочное (способ работы, сохранившийся у новгородских кружевниц до настоящего времени). Выполнено полотнянкой. Прослеживается ходовая нить и несколько долевых. Техника плетения имеет сходство с техникой плетения золотного кружева в XVII в. и очень похожа на современную вологодскую решетку. Выполнены эти кружева пряженой золотной нитью, т. е. шелковой нитью, обернутой тонкой серебряной плоской проволокой. Теперь позолота почти вся сошла и местами нить совершенно темная, почти черная.

Находка этих кружевных лопастей, плетеных на коклюшках, крайне интересна для истории кружев, так как опровергает существующее в западной литературе мнение о возникновении производства коклюшечного кружева в конце XVI в.

В рясны вставлены круглые медальоны с шитыми изображениями.

Ткани, найденные в Мартирьевской паперти Софийского Новгородского собора, являются фрагментами старинных одежд, и некоторые из них вышиты русскими мастерицами. Об этом можно судить по технике вышивки золотом русского типа — в прикреп и в проем. Техника шитья шелком тоже русская — прямая и косая гладь.

Найденное в погребении кружево близко к русской выделке и имеет узор русских кружевниц севера — решетку. Вышивка в медальонах тоже русской техники: шелк — в гладь, золото — в прикреп.

В погребении № 5 хорошо сохранилась обувь — это туфли, сшитые из мягкой кожи (сафьяна). Туфли остроносые на прямой гладкой подошве без каблука. Цвет их теперь коричневый, но возможно, что обувь была алой.

Исследование тканей позволило нам определить характер одежд, бывших в гробнице. Это были: 1) фелонь алой крестчатой камки с нашитыми алыми с золотом гамматами и крестами, 2) белый омофор из шелковой ткани со струйчатым узором, 3) палица, расшитая золотом и шелками цветочным узором, 4) белый клобук с золотными ряснами и, наконец, 5) сафьяновая алого цвета обувь.

Исследование тканей позволило также выяснить, что погребенный принадлежал к высшему духовенству, т. е. был архиепископом. По всей вероятности это был архиепископ новгородский — Симеон, скончавшийся 15/VII 1421 г.

Н. Д. МЕЦ

ДАТИРОВКА ЧЕРНОЙ ЛОЩЕНОЙ КЕРАМИКИ ПО СОБРАНИЮ КЛАДОВ НУМИЗМАТИЧЕСКОГО СЕКТОРА ГИМ

Клады XVI—XVII вв. мало привлекали внимание исследователей и собирателей. Русские монеты «царского» периода до сих пор остаются почти неизученными. Работы Н. И. Булычева¹ посвящены только двум царствованиям: Ивана IV и Алексея Михайловича, да и то для последнего изучены только его медные монеты. Остальные работы в большинстве своем для настоящего времени утратили свое научное значение. Говоря об основных вопросах археологии Москвы, А. В. Арциховский упрекает нумизматов за «возмутительное пренебрежение ценными историческими источниками», каковые представляют из себя московские клады XVI—XVII вв.² Ликвидировать такое положение — задача нумизматов в ближайшее время. Настоящая статья является предварительным результатом работы по изучению кладов XVI—XVII вв. и касается только археологической, если можно так выразиться, стороны материала, т. е. сосудов, в которых хранились монеты. В Нумизматическом секторе ГИМ к настоящему времени составилось довольно большое собрание таких сосудов. В основном это черная, с серебристым лощением керамика, причем подавляющее большинство ее представлено небольшими сосудами, так называемыми кубышками. Некоторые из них, сделанные от руки, чрезвычайно малых размеров, возможно, и изготовлялись специально для индивидуального случая захоронения клада и других бытовых функций не выполняли вовсе. Первый известный нам большой комплекс черной с лощением керамики, найденный в колодцах на Моховой, был описан А. В. Арциховским.³ Больших размеров кувшины (до 35 см вышины) были найдены с топорами XVI в. Этот комплекс, а также несколько других находок,⁴ дали возможность установить приблизительно время бытования керамики этого вида, причем наибольшее распространение ее падает на XVII в. Разбираемое собрание монетных кладов дает возможность частично уточнить и детализировать датировку черной с серебристым лощением керамики. Монеты были и всегда будут наиболее точным датирующим материалом. Рассматриваемые нами монеты дают возможность установить время зарытия сосудов с точностью до 10 лет;

¹ Н. И. Булычев. Именные серебряные копейки и денежки Ивана IV. СПб., 1906.

А. В. Арциховский. Основные вопросы археологии Москвы. Материалы и исследования по археологии СССР, № 7, изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 20.

³ А. В. Арциховский. Находки в колодцах на Моховой. «По трассе первой очереди Московского метрополитена им. Л. М. Кагановича». ОГИЗ, 1936, стр. 132.

⁴ См. А. П. Смирнов. Красное село «По трассе первой очереди Московского метрополитена им. Л. М. Кагановича». М.—Л., 1936, стр. 132.

правда, нельзя забывать, что каждый клад, будь то монетный или какой-нибудь другой, требует надбавки времени к позднейшей датирующей его вещи. Что касается монет из собрания Исторического музея, то эта надбавка может быть минимальной, так как, во-первых, клады зарывались на территории, где монеты не только бытовали, но и чеканились (в совершенно иное положение попадают, например, арабские диргемы, найденные на Руси), а, во-вторых, эпоха, к которой относятся рассматриваемые клады, была довольно насыщена историческими событиями, дававшими повод для захоронения их в близкое друг от друга время.

Рис. 31 Керамика с черным лощением из кладов.

Мною рассмотрено 28 кладов. Их описание я даю в хронологической последовательности содержащегося в сосудах нумизматического материала.

1. ГИМ, 78628. Клад в небольшом, подвергнутом морению дымом, с серебристым лощением сосудике. Найден в г. Москве по Спартаковской улице в доме № 6. Сосуд представляет из себя небольшой кувшинчик, высотой в 6,3 см. Шейка и ручка сосуда отбиты, только небольшой остаток последней сохранился на тулове кувшинчика (рис. 31—1). Кувшинчик слеплен из двух широких лент. Соединение их с внутренней стороны четко видно. Дно формовано на подставке. В кувшинчике были обнаружены сле-

дующие монеты великих князей Московских: Василия Темного — 5, Ивана III — 115, Василия III — 23. Ивана III и Василия Ивановича — 23, а также Великого князя Рязанского Василия Ивановича — 1, князя Верейского Михаила Андреевича — 1, и монеты Новгорода Великого — 5.

2. ГИМ, 81268. Найден клад в Загорском р-не Московской области. Монеты были помещены в небольшом кувшинчике высотой в 9.9 см ³/₄ дна, бок, ручка и часть горлышка отбиты. Черепок кирпичного оттенка как в изломе, так и на поверхности. Орнамент волнистый, произвольный в две полосы: одна у основания шейки кувшинчика, другая по плечикам сосуда. Формован на кругу. Монеты: Ивана IV и Бориса Годунова.

3. ГИМ, 79525. Московская обл. Щелковский р-н, Никифоровский с/с., колхоз им. Сталина. Маленькая, уплощенная кубышечка с небольшим возвышением шейки. Высота 4.7 см. Лощеная, розоватого оттенка. Монеты: Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Дмитрия Самозванца, Василия Шуйского. Одна монета не встречавшегося до сих пор вида.

4. ГИМ, 75723. Место находки неизвестно. Кубышка мореная, серебристого лощения. Орнамент линейный, группами по верхней части сосуда (рис. 31-2). Дно срезано ниткой. Монеты: Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Годунова.

5. ГИМ, 80661. Место находки д. Коробейники близ ст. Туманово Смоленской обл. Сосуд сохранился в обломках. Черепки серовато-голубого цвета, лощеные и представляют из себя остатки кубышки. По плечикам сосуда зигзагообразный, произвольный орнамент, заключенный в линейные ободки, расстояние между которыми 2.5 см, а ширина всей поверхности от линии наибольшей ширины кубышки до шейки ее — 4.5 см. Сделана на кругу — на ручном или ножном — установить невозможно, так как дно не сохранилось. Монеты: Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Дмитрия Самозванца.

6. ГИМ, 18893 щ. Без указания места находки. Кубышка плохого обжига. Высота 12.5 см. Орнаментирована у основания шейки. Орнамент нанесен отрывистыми нажимами палочки (рис. 31-3). Делалась кубышка особым способом из отдельных лент, сходящихся в полые усеченные конусы и цилиндры. Следы слепа видны по линии наибольшей ширины кубышки. Шейка сосуда, очевидно, также формована отдельно в виде цилиндра и потом прилеплена к верхнему краю верхней ленты. Монеты: Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Дмитрия Самозванца, Василия Шуйского.

7. ГИМ, 81029. Смоленская обл. Думинический р-н, д. Волосово. Кубышка светлой глины. Высота 10.7 см. Неправильной формы, так как леплена от руки, очевидно по тому же принципу, что и кубышка за № 18893 щ (рис. 31-4). Монеты: Ивана III, Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Дмитрия Самозванца, Василия Шуйского и Владислава, ставленника Польши, временно захватившего московский престол.

8. ГИМ, 81030. Смоленская обл. Думинический р-н, д. Нижнее Сяглово. Монеты находились в маленьком сосудике светлой глины без венчика, с невысокой шейкой. Монеты: Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Годунова.

9. Номер поступления не сохранился. Кубышка с отбитым частично горлышком и оббитыми боками. Высота 10.6 см. Кубышка мореная, серебристого лощения. Орнамент линейный. Ясно прощупывается валик от следа верхней и нижней частей кубышки по линии наибольшей ширины ее. Дно формовано на подставке. Монеты: Псковская, Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Дмитрия Самозванца, Василия Шуйского, Владислава.

10. ГИМ, 21050/90. Клад найден в д. Плетених, Костромской обл.⁵ Кубышка с отбитым венчиком. Высота ее 9.9 см (рис. 31-6). Кубышка черная, серебристого лощения. По плечикам орнамент, состоящий из линий и зигзагообразной полосы, сделанной механически, при вращении круга. Внутри кубышки ясно выражен валик на месте слепки нижней и верхней частей сосуда по линии наибольшей ширины его. Дно формовано на подставке. Монеты: Бориса Годунова, Дмитрия Самозванца, Василия Шуйского, Владислава, Михаила Федоровича.

11. ГИМ, 81057. Клад был найден в г. Бронницы, Московской обл. на месте Гостиного двора при рытье погреба, на глубине 1.5 м. Маленький сосудик-кубышка высотой в 7.7 см имел слегка отогнутый венчик. Поверхность светлая. По плечикам сосуда орнамент из насеченных перекрещивающихся черточек (рис. 31-8). Формован от руки с ясно выраженными следами слепки по линии наибольшей ширины сосудика. Монеты времени Ивана III и Василия Ивановича, Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Василия Шуйского, Дмитрия Самозванца, Владислава, Михаила Федоровича.

12. ГИМ, 79829. Лиховецкий р-н, Московской обл., с. Матвеевка. Кубышка с отбитым горлышком. Высота 7.6 см. Серебристого лощения. Основание шейки опоясывает орнамент из двух рядов черточек лунками. Ряды вместе напоминают елочный орнамент (рис. 31-7). Дно срезано. Монеты Федора Ивановича, Михаила Федоровича.

13. ГИМ, 70204. Клад был найден в Москве на ул. Володарского в стене церкви Козьмы и Демьяна. Кувшин мореный серебристого лощения. Венчик отогнут почти горизонтально и мягко волнисто переходит в носик. Высота 14.8 см (рис. 31-5). Линейный орнамент. Дно формовано на подставке. Монет Михаила Федоровича — 4999 штук и 1 Василия Шуйского.

14. Номер поступления не сохранился. Кубышка с отбитым горлышком. Серебристого лощения. Высота 12.2 см. Орнамент линейный. Дно формовано на подставке. Монеты: Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Василия Шуйского, Владислава, Михаила Федоровича.

15. Номер поступления отсутствует. Найден клад в 1941 г. в районе д. Татарово Московской обл. Кубышка светлая, горлышко отбито. Линейный орнамент по плечикам сосуда. Дно со следами клейма. Монеты: Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Дмитрия Самозванца, Василия Шуйского, Владислава, Михаила Федоровича. Кубышка поступила в музей из Академии Наук, куда в свою очередь была доставлена из воинской части, с сопроводительной запиской военного комиссара г. В. Волгина.⁶

16. ГИМ, 67414. Найден клад в 4 верстах от г. Александрова Ивановской обл. в большой шарообразной кубышке с невысоким узким горлышком. Высота ее 18.2 см. Мореная, серебристого лощения. В верхней части кубышки лощение сплошное, не видно отдельных линий, как то обычно наблюдается; в нижней части со стекающими полосами по вертикали. По плечикам сосуда линейный орнамент, вплотную подходящий к шейке сосуда. Орнамент представлен глубокими и частыми полосами, более узкими к шейке сосуда и постепенно расширяющимися по мере удаления от нее (рис. 31-9). Дно срезано ниткой. Монеты: Василия Шуйского, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича.

⁵ Бывший Нерехтский уезд.

⁶ Об этом см. Т. С. Пассек. Московское отделение Института ист. мат. культ. им. Марра в дни Великой Отечественной войны. Вестник АН СССР, № 6, 1943, Хроника, стр. 123; С. В. Киселев. Два военных года советской археологии. Вестник АН СССР, № 9—10, 1943, стр. 60.

17. ГИМ, 23683 щ. Место находки неизвестно. Монеты помещались в небольшой грубо формованной шарообразной кубышке (высота 6.6 см) с широким горлом (рис. 31-11). Внутри кубышки на месте наибольшей ширины ее — валик, происхождение которого подобно уже описанному. Легкий линейный орнамент по плечикам сосуда. Монеты: Ивана IV, Бориса Годунова, Василия Шуйского, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича.

18. ГИМ, 82138. Место находки клада Чурилково, Подольского р-на, Московской обл. Кубышка с высокой шейкой, такие шейки, очевидно, были и на остальных кубышках, но не сохранились. Венчик по краям отбит. Высота кубышки 11.2 см (рис. 31-10). Кубышка серебристого лощения. По всей ширине плечиков линейный орнамент из равномерно расположенных полос. Дно срезано ниткой. Монеты: Ивана IV, Бориса Годунова, Василия Шуйского, Владислава, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича.

Рис. 32. Керамика с черным лощением из кладов.

19. ГИМ, 75024. Д. Филинцево, Ильинский р-н, Московской обл. Кубышка серебристого лощения с широким горлышком и широко отогнутым венчиком. Высота 12.5 см. Стенки сосуда толстые, толще чем у всех предыдущих. На дне сосуда следов подсыпки песка не видно, но остались следы валика по краям сосуда, как это бывает при формовке его на подставке (рис. 32-3). Монеты Петра I.

20. Номер поступления не сохранился. Кубышка серебристого лощения. Горлышко отбито. Высота 7.3 см. Без орнамента. Дно срезано ниткой. Стенки сосуда, так же как и у предыдущего, толстые. Монеты Петра I.

21. ГИМ, 75854. С. Сененцы, Зарайский р-н, Московская обл. Глиняный свисток в виде сосудика с носиком (рис. 32-5). В свистке монеты Петра I.

22. ГИМ, 79766. Такой же свисток, но более вытянутой формы. Найден при земляных работах в Парке Культуры и Отдыха им. Горького в Мо-

скве (рис. 32-4). Монеты Петра I и единичные экземпляры монет предшествующих царей.

23. ГИМ, 23358. Стеклянная фляга, найдена в г. Мохначи Змиевского р-на, Харьковской обл. Высота ее 12.7 см. На дне имеется для устойчивости подставка, представляющая из себя стеклянный валик, которым дно опоясано. Стекло зеленое (рис. 32-1). Монеты: Алексея Михайловича, Федора Алексеевича и Петра I.

24. Номер поступления не сохранился. Клад находился в кувшине. Кувшин черный, лощеный. Линейный орнамент. Высота его 18 см. В кувшине медные монеты Петра I и последующих императоров, включая и монеты Павла I.

25. ГИМ, 78250. Найден клад в г. Москве в д. № 24 по Пушкинской улице. Большая кубышка, серебристого лощения, горло отбито. Высота 13.2 см. Линейный орнамент. Дно формовано на подставке. Сосуд с толстыми стенками (рис. 32-2). Нумизматический материал отсутствует.

26, 27, 28. Три сосуда и теперь бытующие как монетохранилища, а именно копилки. Одна (ГИМ, 21093) польского происхождения, датирована по монетам времен Сигизмунда III (1587—1632). Найдена она в г. Ломже и представляет из себя небольшой сосудик, покрытый зеленовато-желтой поливой. На копилке зонами нанесен линейный орнамент. Отверстие для монет проделано сбоку. Высота копилки 5.2 см. Дно формовано на подставке (рис. 32-8). Другой сосуд-копилка (ГИМ, 80668) был найден в г. Симферополе и датируется восточными монетами, серединой XVIII в. (высота 9 см). Излом черепка розовый. Копилка сильного обжига. Дно срезано nitкой (рис. 32-6). Такого же фасона копилка (№ 32736, инв. 2 археол. отд.), но значительно лучше по глиняному тесту, обжигу и вообще всей выделке, была принесена в дар Историческому музею А. Л. Бертье-Делагардом. Найдена она в Феодосии. По времени более ранняя, чем первая (рис. 32-7). Все копилки разного времени, но сделаны по одному принципу и каждая с незначительными изменениями повторяет другие.

Анализ описанных кладов дает возможность выяснить относительно датировок следующее:

Наиболее раннюю дату мореной, серебристого лощения керамики дает сосуд за № ГИМ, 78628, № 1 описания (далее упоминая тот или иной клад, я буду для удобства ссылаться на номер описания, приведенного выше). Этот сосуд датируется началом XVI в.

Данилевич⁸ описывает клад, найденный в кубышке с черной лощеной поверхностью, в которой находились монеты Ивана IV — 1007 экземпляров, одна мордовка и одна монета Федора Ивановича. Эта кубышка была первым доказательством существования черной лощеной керамики в XVI столетии, но еще до сих пор ставилось под сомнение распространение ее в это время. Наличие в собрании ГИМ вышеупомянутого клада в черном серебристого лощения кувшинчике с монетами XV, начала XVI вв. указывает на существование керамики этого вида в первой четверти XVI в.⁹ К сожалению, в собрании ГИМ нет других кладов XVI в., кроме указанной кубышки — все остальные не ранее XVII в., но этот пробел

Аналогичные кувшины опубликованы А. В. Арциховским. См. А. В. Арциховский. Находки в колодцах на Моховой. «По трассе первой очереди Московского метрополитена им. Л. М. Кагановича» М.—Л., 1936.

⁸ В. Е. Данилевич. Заметки по археологии и нумизматике (Сборник Харьковского историко-филологического общества, т. XVI, 1905).

⁹ Наиболее поздние монеты из содержащихся в кубышке — монеты Василия III (1505—1533 гг.), причем их всего 23 из 190. Этот небольшой процент монет Василия III по отношению к остальным более ранним дает возможность время зарытия кубышки отнести предположительно к середине царствования Василия III.

заполняет кубышка, изданная В. Е. Данилевичем в вышеупомянутом сочинении, соединяя собой черную лощеную керамику начала XVI в. с такой же керамикой XVII в. Надеюсь, что исследование кладов, особенно хранящихся в краеведческих музеях, даст еще немалый материал этого времени.¹⁰

Наиболее поздний в собрании кувшин за № 23, датируемый (монетами Павла I) началом XIX в. Этот кувшин является примером продолжительного существования одних и тех же форм керамики и отделки ее морением и лощением.

Как и следовало ожидать, зарытие кладов оказалось связанным с определенными историческими событиями. Рассматриваемые клады четко разделяются на группы. Так, группу кладов с № 2 по № 11 включительно по составу хранящихся в них монет безусловно нужно отнести ко времени польско-шведской интервенции. В них отсутствуют монеты Михаила Федоровича и налицо — всех предшествующих царей. Что касается кладов за № 10 и № 11, то их захоронение также можно считать зависимым от тех же событий, основываясь на процентном соотношении монет отдельных царей. Так, в кладе за № 11 монет Михаила Федоровича 40 из 346, а в кладе за № 10 из 42 монет всего одна Михаила Федоровича, тогда как известно, что подавляющее большинство кладов царского периода падает на время царствования именно Михаила Федоровича.

Вторая группа кладов (№ 16 — № 18 включительно) с монетами Алексея Михайловича была вызвана, очевидно, выпуском в 1654 г. медных денег. Эти клады надо рассматривать не только с точки зрения их ценности для владельца как денег в их номинальной стоимости, но и как серебра, выступающего в роли драгоценного металла. Клады за №№ 12, 13, 14 описания с преобладающим количеством монет Михаила Федоровича,¹¹ также могли быть вызваны выпуском медных денег, но отсутствие в них монет Алексея Михайловича не разрешает настаивать на этом.

И, наконец, третья группа кладов падает на время стрелецких бунтов, на беспокойное время конца XVII в., к ней относятся клады, имеющие в своем нумизматическом составе монеты Петра и Ивана Алексеевичей. Это клады за №№ 19—22 включительно, а также клад за № 25. Этот последний я отношу к последней четверти века, основываясь на следующем: в собрании имеется две толстостенных кубышки (№ 19 и № 10) и обе они датированы, заключенными в них монетами, концом XVII в. Толстостенных кубышек другого времени в собрании нет. Рассматриваемая кубышка (№ 25) также толстостенная, и логично будет отнести ее к тому же времени, что и две другие.

Зарытие клада в стеклянном сосуде (№ 23) с монетами Петра I нельзя отнести за счет событий, связанных с воцарением Петра I, по причине территориальной отдаленности места находки от центра государства. Захоронение кладов XVII в. в стеклянных сосудах вообще характерно для юга России.¹²

Изучение орнаментов сосудов также дает некоторые отправные вехи для датировки черной лощеной керамики. Так, на сосудах XVI—XVII вв., кроме линейного орнамента, имелись и другие рисунки, причем, крайне важным является то обстоятельство, что эти орнаменты на сосудах из собрания ГИМ встречаются только для первой половины XVII в. Что ка-

¹⁰ В октябре 1948 г. в Исторический музей поступил клад монет в черной лощеной кубышке, датируемой первой четвертью XVI века (ГИМ, 82525).

¹¹ В кладе за № 12 149 монет Михаила Федоровича из 165. В кладе № 13—5000 монет. За исключением одной Василия Шуйского — все Михаила Федоровича. В кладе № 14 900 монет Михаила Федоровича из 954.

¹² В. Е. Данилевич. Карта монетных кладов и находок отдельных монет Харьковской губернии. Тр. XII Археол. съезда, т. I, 1905, стр. 374—410.

сается сосудов с монетами Алексея Михайловича и более поздними, кроме линейного и в одном случае волнистого, описанного В. Е. Данилеви́чем (в собрании ГИМ таких нет), никакого другого орнамента не имеется.

В заключение следует отметить технику изготовления некоторых сосудов. Кубышки за №№ 1, 6, 7, 10, 11, 17 — все формованы одним способом, не отмечавшимся, насколько мне известно, для русской керамики. Этот способ формовки сосудов из сведенных в полые цилиндры и полые усеченные конусы лент был описан М. В. Воеводским¹³ как типичный для Средней Азии.

Во время наблюдений М. В. Воеводского этот способ изготовления сосудов бытовал как пережиточный и применялся только для изготовления сосудов больших размеров — тануров. В древности, как выяснено М. В. Воеводским, вышеописанным образом изготавливалась так называемая «сарматская» керамика; тогда делались так и сосуды малых форм. Они имеют ту же приблизительно форму, что и кубышки: шарообразное тулово с горлышком по середине. Отсюда никаких выводов, говорящих о заимствовании этого способа изготовления сосудов, делать не следует. Мне представляется, что применение его диктовалось просто формой сосудов. Известно, что и трипольские расширяющиеся в середине сосуды делались таким же способом. Если ленточной техникой удобнее делать баночную керамику, то, очевидно, сосуды, расширяющиеся к середине и опять суживающиеся кверху, удобнее было изготавливать способами, применяемыми в Средней Азии. Не исключена возможность применения и смешанной техники.

---

¹³ М. В. Воеводский. К вопросу гончарной техники народов СССР. «Этнография», № 4, 1930, стр. 63—66

III. ИНФОРМАЦИИ

СИМОН НИКОЛАЕВИЧ ДЖАНАШИА

(1900—1947)

Советская историческая наука понесла большую утрату: 14 ноября 1947 г., после тяжелой и продолжительной болезни, скончался академик Симон Николаевич Джанашиа — замечательный ученый и общественный деятель, один из крупнейших специалистов по истории Грузии и Кавказа.

С. Н. Джанашиа родился 18 ноября 1900 г. в с. Макванети бывш. Озургетского уезда, в семье грузинского педагога и общественного деятеля, известного этнографа Николая Симоновича Джанашиа. Окончив в 1922 г. курс Тбилисского государственного университета (одновременно по историческому и филологическому разделам), С. Н. Джанашиа был зачислен в аспирантуру по истории Грузии, где занимался под руководством основоположника новой школы истории Грузии академика И. А. Джавахишвили. Еще студентом С. Н. Джанашиа выделялся своими блестящими способностями и эрудицией. Тогда же он начал заниматься научной работой, которую не прерывал до последних дней своей жизни. С 1926 г. он лектор Тбилисского государственного университета, преподаватель источниковедения по истории

Грузии и абхазского языка. В 1930 г. ему присваивается звание доцента. С 1933 г. С. Н. Джанашиа читает ряд университетских курсов: по

истории Грузии, истории кавказских горцев, абхазский язык и др. В 1935 г. он избирается профессором и назначается заведующим кафедрой истории Грузии. В 1936 г. он по совместительству назначается директором ИЯИМК им. акад. Н. Я. Марра Груз. ФАН. В 1938 г. С. Н. Джанашиа успешно защищает докторскую диссертацию на тему «Феодальная революция в Грузии». С 1939 г. он заместитель председателя Груз. ФАН. В 1941 г. С. Н. Джанашиа избирается одним из 16 первых действительных членов и вице-президентом Академии Наук Грузинской ССР, оставаясь одновременно директором ИЯИМК. В 1943 г. С. Н. Джанашиа избирается действительным членом АН СССР. С 1937 г. до самой кончины академик С. Н. Джанашиа руководит всеми крупными археологическими работами в Грузии и, в частности, Мцхетской археологической экспедицией, блестящие открытия которой пролили совершенно новый свет на историю Грузии.

Большой размах эти исследования приобрели с 1936 г., когда в Тбилиси был образован, в системе Грузинского филиала АН СССР, Институт языка, истории и материальной культуры им. акад. Н. Я. Марра, бессменным руководителем которого был С. Н. Джанашиа.

С первых же дней организации этого Института в его структуре почетное место занял Отдел археологии.

Особое внимание здесь уделялось изучению категории памятников, иллюстрирующих древнейшую жизнь уже сформировавшихся грузинских племен — в основном памятников бронзовой и ранне-железной культуры. Соответствующие проблемы сделались предметом энергичного изучения под руководством С. Н. Джанашиа. Ряд установленных им в результате этой работы положений уже нашел предварительное освещение на страницах I части «Истории Грузии», соответствующие главы которой, как известно, принадлежат С. Н. Джанашиа.

Одним из важнейших является положение, что нынешняя Картли в древности была центральным районом, где обменивались своим опытом и продуктами труда племена Западной и Восточной Грузии, отличавшиеся созданными ими культурами — колхидской и восточно-грузинской. И несмотря на наличие этих двух областей, а затем и сосуществование двух соответствующих политических образований, по мнению С. Н. Джанашиа, грузинские племена не теряли культурного единства; территория, раздробленная политически, культурно оставалась единой.

Другое важное положение, установленное С. Н. Джанашиа при обзоре археологических данных, свидетельствует об единстве древнейшего населения Закавказья.

В одной из своих основных работ «Древнейшее национальное предание о первоначальном расселении грузинских племен в свете истории Ближнего Востока» С. Н. Джанашиа, привлекая результаты изучения «Алазанско-Ялойлутапинской культуры», ставит вопрос о возможной принадлежности этой культуры племени «пероз», с одной стороны, и о ее генетической связи с хеттской (Кархемиш, Троя) культурой — с другой.

Однако научные интересы С. Н. Джанашиа в основном сосредоточились на памятниках античной Грузии. Самым значительным достижением возглавляемой им Мцхетской экспедиции явилось открытие множества блестящих памятников именно этой, дофеодальной, дохристианской Грузии, конца I тысячелетия до н. э. и I—IV веков н. э.

«Не случайно — указывал С. Н. Джанашиа в большом докладе о результатах Мцхетских раскопок на I сессии Грузинской Академии Наук в 1941 году, — мы избрали Мцхету объектом археологических работ. Мцхета — важнейший пункт политической и культурной жизни Грузии, еще издревле хорошо освещенный в исторических источниках. Мцхета ин-

тересовала нас как пункт, где надо было ожидать открытия памятников и материалов для освещения наиболее темных и, в то же время, наиболее важных вопросов... К археологическим работам мы приступили с уже сформировавшимися представлениями в основном путем анализа литературных источников... История Мцхеты, по существу, это история античного периода восточногрузинского государства — Иберии». И поэтому не случайно С. Н. Джанашиа поставил перед Мцхетской экспедицией как одну из первоочередных задач — исследование города на правом берегу Куры, к югу от современной Мцхеты. Раскопки на Багинетском участке тогда уже дали блестящие результаты, вполне подтвердив существующие представления об особенностях городов античной Грузии и ее древней столицы.

Много сделано С. Н. Джанашиа и по первичной интерпретации результатов раскопок некрополя Картлийских эриставов (питиахшей) у Армазис-Хеви — в особенности по изучению инсигний, портретных изображений и надписей, по установлению исторического значения всего добытого археологического материала.

В 1945 г., оценивая достижения Мцхетской экспедиции, С. Н. Джанашиа писал. Весь характер этой монументальной культуры, особенно при ее сопоставлении с позднейшей культурой феодальной Грузии, убеждает нас, что в основе ее лежит рабский труд... Положение о рабовладельческом характере древнегрузинского общества и государства находит новое подтверждение в этом факте. Таким образом, этот материал полностью подтверждает тезис тов. Сталина о том, что рабовладельческий тип производственных отношений имел место и на этой территории нашей страны (см. газ. «Правда», 12 I 1945 г.).

Дело изучения Мцхетских археологических памятников С. Н. Джанашиа считал делом не только археологов и историков, но и представителей разных смежных отраслей. Сообразно с этим он мобилизовал языковедов, ориенталистов, искусствоведов, архитекторов, ботаников, систематически привлекая специалистов из других научных центров Союза (в частности, из Ленинграда).

Наконец, нельзя не отметить участие ИЯИМК и прежде всего С. Н. Джанашиа — в деле изучения археологических памятников феодальной Грузии (раскопки в Болниси, изучение памятников Нижней Картли, Уджарма, Гори и др.).

Велика заслуга С. Н. Джанашиа и в области изучения древнего мира. Большинство его исследований посвящено проблемам древней истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, где по-новому поставлены и решены важнейшие проблемы древней истории Грузии. Следует отметить, что проблема генезиса грузинской государственности и грузинского феодализма впервые нашла марксистско-ленинское научное освещение именно в трудах С. Н. Джанашиа. Уже в своих ранних работах С. Н. Джанашиа всесторонне разбирает вопрос разложения родового строя и формирования классового общества среди грузинских племен. На основе новой и чрезвычайно остроумной интерпретации сообщений Страбона о Картли (Иберии), оперируя также сведениями других писателей, он показал, что ранее распространенное мнение о существовании родового строя иберов в начале нашей эры неправильно и что в Иберии Страбона мы имеем дело уже с классово-дифференцированным обществом и с развитой государственностью. Анализируя конкретные исторические факты, С. Н. Джанашиа пояснил, что в ту эпоху в Картли (Иберии) и в родственной Эгриси (Колхиде), в основном, господствует рабовладельческий способ производства, но с еще весьма сильными пережитками родового строя. Важнейшим фактом дальнейшего развития иберийского общества является внутренняя его дифференциация. С. Н. Джанашиа указал на те внутриэкономические

и внешнеполитические факторы, которые обусловили феодализацию иберийского и колхидского обществ уже в первые века нашей эры.

Эта концепция С. Н. Джанашиа нашла блестящее подтверждение в результате археологических раскопок на территории Мцхеты (в Армазис-Хеви — Самтавро, Багинети).

Множество разнообразных вопросов древнейшей политической, социальной и культурной истории Грузии и сопредельных с нею стран нашло разрешение в трудах С. Н. Джанашиа. Особое значение имеют его исследования в области исторической географии Грузии и Кавказа древнейшего периода. Новая локализация ряда географических и этнических наименований, упоминаемых античными авторами, данная в ряде работ С. Н. Джанашиа, несомненно является значительным вкладом в дело изучения древней истории Грузии и Кавказа.

Большое место занимает в трудах С. Н. Джанашиа проблема этногенеза грузинских и кавказских племен. Им выявлен ряд конкретных фактов языкового, этнического и культурного родства грузино-кавказских племен с древнейшим аборигенным населением Передней Азии, которое покойный ученый назвал «хетто-субарским». В ряде блестящих исследований («Тубал-Табал, Тибарен, Ибер», «Древнейшее национальное предание о первоначальном расселении грузинских племен в свете истории Ближнего Востока») он четко проследил этническо-культурную линию, ведущую от древнейшего хетто-субарского («субарского», «азианического», «яфетического») населения к современному грузино-кавказскому миру. При изысканиях в этом направлении в сферу внимания С. Н. Джанашиа попадал разнообразный материал: ономастика, племенные названия, факты материальной культуры, языковые данные, древнегрузинская и греко-римская исторические традиции, эпическо-мифологические сказания и т. д. В связи с проблемой этногенеза грузинских племен С. Н. Джанашиа сопоставил данные грузинской летописи «Картлис Цховреба» с данными античных авторов и показал, что распространенная в античном мире традиция, рассматривающая Язона, героя мифа об аргонавтах, как этнарха кавказских народов и, преимущественно, иберов, — местного, кавказского происхождения. Она сохранилась именно здесь, в грузинской исторической традиции, которая основателем мцхетского царства считает «Азо, сына царя Ариан-Картли». Глубокое знание источников Ближнего Востока дало возможность С. Н. Джанашиа правильно определить, что имя «Азо» должно являться отзвуком династического имени Аза — Азо, широко распространенного в стране Наири — Урарту и, в частности, в царстве Мана.

Всесторонний охват конкретного материала, эрудиция, блестящая способность по-новому объяснять исторические явления, большая принципиальность и суровая непримиримость к фальсификаторам истории — все эти качества быстро выдвинули С. Н. Джанашиа в передовые ряды деятелей советской исторической науки.

Научный труд «История Грузии с древнейших времен до начала XIX века», одним из авторов и редактором которого он являлся, по единодушному признанию советской научной общественности, — ценный вклад в советскую историческую науку. Совершенно по-новому представлена в книге древнейшая и древняя история Грузии (до X в.), написанная С. Н. Джанашиа на основе своих больших монографических исследований. Его перу принадлежит свыше 50 трудов по истории, языкознанию, этнографии и археологии Грузии и Кавказа.

В лице С. Н. Джанашиа большой ученый прекрасно сочетался с большим общественным деятелем и пламенным советским патриотом. Особенно велика его заслуга в деле воспитания и подготовки новых кадров. Под его руководством выросла целая плеяда молодых грузинских историков,

археологов и работников многих других смежных специальностей. С. Н. Джанашиа — один из основателей и неизменных руководителей штаба грузинской советской науки — Академии Наук Груз. ССР.

С 1940 года С. Н. Джанашиа — член ВКП(б). С 1946 года — депутат Верховного Совета СССР.

За плодотворную научную, педагогическую и общественную деятельность С. Н. Джанашиа был награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного знамени и медалями. Ему было присуждено звание заслуженного деятеля науки. Он — дважды лауреат Сталинской премии.

Преждевременная смерть С. Н. Джанашиа, застигшая его в годы его творческой зрелости и расцвета, — огромная потеря для советской науки и общественности. Его жизнь оборвалась на полпути. Много прекрасных замыслов осталось неосуществленными. Долг его ближайших сотрудников и любовно им выпестованных молодых ученых — продолжить дело, так блестяще начатое С. Н. Джанашиа.

Родина никогда не забудет заслуги этого большого ученого и общественного деятеля социалистической науки и культуры.

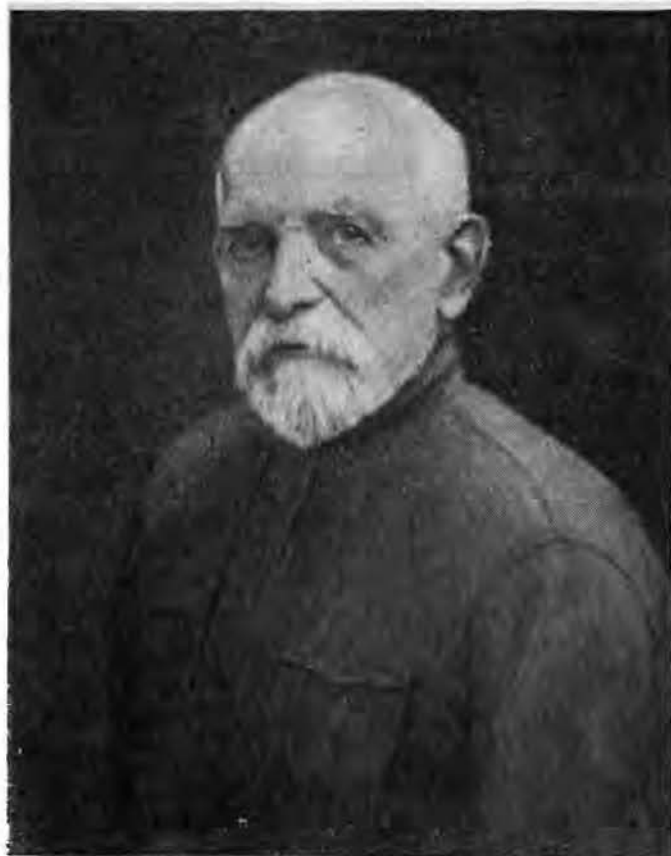
Г. Меликишвили и Л. Ломтадзе

ИВАН ФЕДОРОВИЧ БАРЩЕВСКИЙ

(1851—1948)

11 марта 1948 г. в Коломенском под Москвой на 97 году жизни скончался заслуженный деятель искусств РСФСР Иван Федорович Барщевский. Это скромное, но славное имя известно и дорого всем, кто занимался историей древнерусского искусства и культуры, и весть о том, что оборвалась почти вековая жизнь этого энтузиаста родной старины и труженика в деле ее охраны и популяризации, не может не вызвать глубокой скорби.

И. Ф. родился 16 апреля 1851 г. в Лужском уезде Петербургской губ. в большой семье отставного бедного чиновника; отец не мог дать ему даже среднего образования и приучал его к разным ремеслам и рисованию, а с 14 лет и фотографии. В 18 лет И. Ф. попытался стать слесарем на новой Царскосельской железной дороге, но авария, покалечившая ему ногу, вернула его снова к занятиям фотографией. Он поступил ретушером в одну из лучших фотографий Петербурга и одновременно учился в рисовальной школе Григоровича (позднее — Общества поощрения художеств) и частных классах Академии художеств и усиленно занимался самообразованием.

В 1877 г. он переехал в Ростов Ярославский и открыл там фотографию. Здесь он пленился архитектурой Ростовского Кремля и его памятников и сделал посвященную им большую серию фотографий. Она положила начало знаменитой фотоколлекции Барщевского, созданной им на протяжении дол-

гих лет и являющейся неисчерпаемой сокровищницей прекрасных репродукций памятников монументального и прикладного искусства, избранных всегда с большим знанием дела и любовью к народному творчеству. Фотографии Ростовских древностей привлекли к ним внимание исследователя русского зодчества академика архитектуры А. М. Павлинова и главы тогдашней археологии А. С. Уварова; Ростовский Кремль был реставрирован и спасен от разрушения.

В 1883 г. И. Ф. стал членом-корреспондентом Московского Археологического общества, а Академия художеств удостоила его звания фотографа Академии. Получая открытые листы на фотографирование памятников от Московского Археологического общества, Археологической комиссии, Исторического музея, Академии художеств, И. Ф. исколесил Россию со своим фотоаппаратом и довел свою историческую коллекцию до нескольких тысяч единиц. Он участвовал во многих экспедициях В. В. Сулова, Н. В. Султанова, академика Н. П. Кондакова, кавказских поездках П. С. и А. С. Уваровых и других экспедициях. К его обширным знаниям и накопленному опыту постоянно обращались виднейшие ученые — И. Е. Забелин, В. В. Стасов, адмирал Ф. П. Литке и др.

В 1886 г. И. Ф. переехал в Ярославль, где стал одним из энергичных собирателей древностей, вошедших в число коллекций Ярославского музея. Здесь им был составлен «Исторический очерк г. Ярославля» (изданный в трудах Ярославской ученой архивной комиссии в 1900 г.), свидетельствующий о том, как много читал и изучал этот неутомимый человек, с каким упорством он расширял свой кругозор. В то же время он овладел удивительно тонким мастерством изготовления архитектурных моделей; одним из шедевров его рук является модель-реконструкция знаменитой шатровой церкви Козьмы и Демьяна в Муроме — ровесницы храма Василия Блаженного.

В 1898 г. И. Ф. был приглашен известной меценаткой М. К. Тенишевой в Смоленск, где собрал на ее средства замечательный музей русского народного искусства. Здесь же И. Ф. организовал керамическую мастерскую, — ее художественные майолики стяжали себе заслуженную славу. С переходом Музея Тенишевой в ведение Московского археологического института, И. Ф. стал директором этого музея и был в то же время товарищем председателя Смоленской ученой архивной комиссии, неизменно проявляя неутомимую энергию в пропаганде археологических знаний. По его инициативе в Смоленске было открыто отделение Московского археологического института, которое сам 67-летний И. Ф. окончил уже в 1918 г. со званием ученого археолога и золотой медалью.

После Великой Октябрьской социалистической революции И. Ф. продолжал работать в музее еще 13 лет. В связи с 80-летием Смоленский исполком назначил И. Ф. персональную пенсию. Но И. Ф. не ушел на покой — он переехал в 1933 г. в Москву и стал работать в филиале Гос. исторического музея в селе Коломенском по реставрации его коллекций. В 1945 г. правительство высоко оценило труд И. Ф. и присвоило ему звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. Только смерть заставила И. Ф. сложить его многодельные руки.

Образ И. Ф. — горячего патриота Родины и вечно юного неутомимого труженика навсегда останется в памяти советских ученых и музейных работников, в сердце всех советских людей, любящих искусство великого русского народа.

М. Ю. Барановская

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — Вестник Древней Истории.

ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.

ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua.

ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.

ИАК — Известия Археологической комиссии.

КС ИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии Наук СССР.

МГУ — Московский Государственный университет.

МАО — Московское Археологическое общество.

МАР — Материалы по археологии России.

ОАК — Отчеты Археологической комиссии.

ПКМГ — Писцовые книги Московского государства.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.

СКОАИЭ — Северо-Кавказское отделение археологии и этнографии.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

I. С о о б щ е н и я

Научная сессия ИИМК АН СССР и Гос. Эрмитажа, посвященная археологии Закавказья (январь 1948 г.)

II. С т а т ь и и д о к л а д ы

1. *Е. И. Крупнов*. К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе 27
2. *Г. И. Ионе*. Гончарные печи древнего Мингечаура 42
3. *Я. И. Гуммель*. Курган № 2 близ Ханлара. 55
4. *Д. Г. Капанадзе*. О медной монете с именами Георгия и Тамары 59
5. *Н. В. Анфимов*. Клад пантикапейских монет из станицы Старо-Нижне-Стеблевской. 64
6. *М. В. Воеводский*. Городища Верхней Десны 67
7. *Т. Н. Никольская*. Этнические группы Верхнего Поволжья XI — XIII вв. 78
8. *Н. Н. Воронин*. Тверской Кремль в XV веке. 84
9. *А. Л. Монайт*. Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде 92
10. *Л. И. Якунина*. Ткани из раскопок в Софийском Новгородском соборе 105
11. *Н. Д. Мец*. Датировка черной лощеной керамики по собранию кладов нумизматического сектора ГИМ 108

III. И н ф о р м а ц и я

- Г. Меликишвили* и *Л. Ломтатидзе*. *С. Н. Джанашиа* 116
- М. Ю. Барановская* *И. Ф. Барщевский* 121

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор Издательства *С. Т. Попова*. Технический редактор *Н. А. Колзурина*. Корректор *В. В. Покровская*
РИСО АН СССР № 3402. А—01416. Издат. № 1728. Тип. заказ № 1597 Под. к печати 13/1 1949 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Печ. л. 7¹/₄. Уч. издат. 12. Тираж 2000

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
20	6 сн.	М. И. Максимов	М. И. Максимова
56	13 св.	(рис. 37—7)	(рис. 13—7)
69	19 св.	«Песочный Рог»	«Песочный Ров»
70	1 сн.	Горканское	Горкинское
82	15 сн.	Южнее	Южное
85	15 сн.	Хв.	XVII в.
88	24 сн.	до	да
109	рис. 31	6, 9	6, 7, 8, 9